Из выступления Председателя
Советского детского Фонда имени В. И. Ленина
А. А. Лиханова на первой встрече
бывших малолетних узников фашизма
22 июня 1988 г. в Киеве.

Братья и сёстры!

Простите нас,
что о вас вспомнили
только через 47 лет
после окончания войны.
Простите нас,
что вы, в свои юные годы
безвинно принявшие
неимоверные страдания
горестной войны,
по сей день не признаны
её участниками.
Вы в ней участвовали
свой кровью и страданиями!

Альберт ЛИХАНОВ,
писатель

ГА «Беларуская асацыяцыя непаўналетніх вязняў фашызму»
Брэсцкая абласная арганізацыя

На абпаленых крылах

Кніга ўспамінаў
непаўналетніх вязняў фашызму

Мінск, «Кнігазбор», 2012

УДК 94(476)[1941/1945]
ББК 63.3(4Беи)
Н12

Укладальнікі
Л. Г. Філатаў, Л. П. Раманенка, І. В. Бараноўскі

На абпаленых крылах : кніга ўспамінаў непаўналетніх вязняў фашызму /
Н12 укл. Л. Г. Філатаў, Л. П. Раманенка, І. В. Бараноўскі. — Мінск : Кнігазбор, 2012. — 240 с.

ISBN 978-985-7007-61-5.

У кнізе сабраны ўспаміны, а таксама аповеды пра былых непаўналетніх вязняў фашызму, жыццё якіх звязана з Берасцейшчынай. Гэта другая па ліку кніга пра дзяцей вайны, якія зведалі разлуку і страту бацькоў ды сваякоў, голад і жах канцэнтрацыйных лагераў, знясільваючую рабскую працу. Яна — працяг першай кнігі ўспамінаў «Асколкі болю», ад выхаду якой у свет мінула ўжо шмат часу. З тых, хто пакінуў тут свае ўспаміны, многія ўжо не жывуць. Гэтая кніга — у памяць аб іх і для нашчадкаў, каб ведалі і помнілі.

УДК 94(476)[1941/1945]
ББК 63.3(4Беи)

ISBN 978-985-7007-61-5

На абпаленых крылах

Гэта, паважаныя чытачы, другая па ліку кніжка, створаная «падранкамі» II Сусветнай вайны, лёс якіх звязаны з Берасцейшчынай. Яна — працяг першай кнігі ўспамінаў «Асколкі болю», ад выхаду якой у свет праімчала дванаццаць гадоў. Многія з амаль пяцідзесяці яе аўтараў на сёння, на жаль, ужо не жывуць. На абпаленых пякельным полымем крылах яны годна пранеслі свае чыстыя, цяжкія жыцці і дасягнулі вечнага выраю. Нізкі паклон ім ад нас, жывых. Мы з вамі, пабрацімцы, пакуль б'юцца ў грудзях нашы скрываўленыя сэрцы. Ваш боль і вашы пакуты, адлюстраваныя ў «Асколках болю», таксама друкуем і ў новай кнізе.

Алесь КАСКО
Сябра Саюза беларускіх пісьменнікаў

Сведкі вайны не маўчаць

На шырокавядомую кнігу Алеся Адамовіча, Янкі Брыля і Уладзіміра Калесніка «Я з вогненнай вёскі» арыентаваліся колішні старшыня Брэсцкай абласной арганізацыі непаўналетніх вязняў фашызму Пятро Салоха і цяперашні кіраўнік гэтай арганізацыі Людміла Раманенка, яе актывіст, пісьменнік Леанід Філатаў, збіраючы людскія ўспаміны пра зверствы гітлераўцаў падчас Другой сусветнай вайны.

Героі новай дакументальнай кнігі «На абпаленых крылах» — сведкі глумлення і здзекаў, што чыніліся над дзецьмі ў фашысцкіх канцлагерах. Нялёгкія ўмовы ўтрымання непаўналетніх вязняў, непасільная праца, голад, хваробы, медыцынскія эксперыменты эсэсаўскіх дактароў і, як вынік, чыгуначныя калейкі да газавых печаў — усё гэта ажывае на старонках кнігі. Амаль 50 яе аўтараў і праз гады не пераставалі здзіўляцца, якім цудам яны ацалелі ў тых умовах.

Страшную, горкую праўду гавораць іхнія вусны, вера ў непераможнасць чалавечага духу адчуваецца ў гэтай праўдзе. Дарэчы, змешчаны ў кнізе не толькі дакументальныя, але і дакументальна-мастацкія творы — вершы Леаніда Філатава, Зоі Міцэвіч, Мікалая Прасмыцкага і іншых аўтараў.

Каб ведалі, каб помнілі, каб не дапусцілі — такі наказ адрасуюць чытачам, найперш юнакам і дзяўчатам, аўтары.

Леанід ФІЛАТАЎ
Сябра Саюза беларускіх пісьменнікаў,
былы непаўналетні вязень канцлагера
Потшыкаў пад г. Чанстахова (Польшча)

Нашчадкам

Ад Гібралтара, ад Берынгава праліва
Да Заходняе Дзвіны
Ідуць у вечнасць, у нябыт няспынна
Апошнія ахвяры бязлітаснай вайны.
Іх мала, што слова шчырае сказалі
Пра скрутны, страшны час.
А колькі сціпла век маўчалі
І неслі крыж свой сярод нас.
Дык слухай, юны наш нашчадак,
І сэрцам споведзь успрымай
Пра фашыстоўскі той «парадак»,
Пра зверствы ачмурэлых зграй.
Дык ведай, адчувай і помні,
У новую вясну нясі
Надзеі, Веры і Любові промні
Па бессмяротнай матухне-Зямлі.

• Аўшвіц-Біркенаў (Асвенцім) •

(Konzentrationslager Auschwitz-Birkenau)

Комплекс нямецкіх канцэнтрацыйных лагераў, якія месціліся ў 1940–1945 гадах на поўдні Польшчы, каля горада Асвенцім, за 60 км на захад ад Кракава.

Комплекс складаўся з трох асноўных лагераў: Аўшвіц I (Асвенцім, адміністрацыйны цэнтр), Аўшвіц II (Біркенаў, «лагер смерці») і Аўшвіц III (Мановіц, працоўны лагер).

Аўшвіц I служыў адміністрацыйным цэнтрам ўсяго комплексу. Ён быў заснаваны 20 мая 1940 года. У 1941–1943 гадах на 40 км^2 прылеглай тэрыторыі на месцы адселеных вёсак былі створаны падсобныя лагеры сельскагаспадарчага профілю: рыбныя гаспадаркі, птушкагадоўчыя і жывёлагадоўчыя фермы.

Адзін з бункераў лагера быў перакансруяваны ў газавую камеру і крэматорый. Камера функцыянавала з 1941 па 1942 год, а затым яе перабудавалі ў бамбасховішча СС.

У аднапавярховых драўляных бараках Аўшвіц II (Біркенаў) утрымліваліся сотні тысяч яўрэяў, палякаў, цыган і вязняў іншых нацыянальнасцяў. Уласна гэта быў найбуйнейшы нацысцкі лагер смерці. Колькасць ахвяр гэтага лагера склала больш за мільён чалавек. Будаўніцтва гэтай часткі лагера пачалося ў кастрычніку 1941 года. Тут знаходзіліся 4 газавыя камеры і 4 крэматорыі. Вязняў канцлагера можна падзяліць на чатыры групы. Першую групу складалі прыкладна 3/4 усіх прывезеных, што адпраўляліся ў газавыя камеры на працягу некалькіх гадзін. У гэтую групу ўваходзілі жанчыны, дзеці, старыя і ўсе тыя, хто не прайшоў медкамісію па поўнай прыдатнасці да працы. Кожны дзень у лагеры маглі забіваць каля 20 тыс. чалавек. Другая група зняволеных адпраўлялася на рабскую працу на прамысловыя прадпрыемствы розных кампаній. З 1940 па 1945 год у комплексе Асвенціма былі прыпісаны да фабрык каля 405 тыс. зняволеных. З іх больш за 340 тыс. сканалі ад хваробаў і нялюдскага абыходжання.

Трэцяя група вязняў — у асноўным двайняты і карлікі — адпраўлялася на розныя медычныя эксперыменты, у прыватнасці да доктара Ёзэфа Менгеле, вядомага пад мянушкай «анёл смерці».

Чацвёртую групу вязняў складалі пераважна жанчыны, якія адбіраліся для выкарыстання нацыстамі ў якасці прыслугі і асабістых рабоў, а таксама для сартавання ўласнай маёмасці зняволеных, якія прыбываюць у лагер.

Да 1943 года ў лагеры сфарміравалася група супраціву, якая дапамагла некаторым зняволеным бегчы, а ў кастрычніку 1944 года група вязняў разбурыла адзін з крэматорыяў. У сувязі

Непаўналетнія вязні фашысцкага канцлагера ў Асвенціме

з набліжэннем савецкіх войскаў адміністрацыя Асвенціма пачала эвакуацыю зняволеных у лагеры, размешчаныя на тэрыторыі Германіі. 25 студзеня эсэсаўцы падпалілі 35 баракаў-складоў, якія былі поўныя рэчаў, адабраных у яўрэяў; іх не паспелі вывезці.

Калі 27 студзеня 1945 года савецкія салдаты занялі Асвенцім, яны знайшлі там каля 7,5 тыс. вязняў, якія змаглі выжыць.

Аўшвіц III з'яўляўся групай з прыблізна 40 невялікіх лагераў, створаных пры фабрыках і шахтах вакол агульнага комплексу. Найбуйнейшым з такіх лагераў быў Мановіц, які бярэ назву ад польскай вёскі, якая размяшчалася на яго тэрыторыі. Ён пачаў функцыянаваць у маі 1942 года і быў прыпісаны да кампаніі IG Farben. Такія лагеры рэгулярна наведвалі дактары і адбіралі слабых і хворых для газавых камер Біркенаў.

У лагерах Асвенціма каля 1,3 млн чалавек (з якіх 1 млн складалі яўрэі), падвяргаліся катаванням, каля 1,1 млн. з іх былі забітыя. Лагер з'яўляецца сімвалам халакосту. На тэрыторыі канцлагера ў 1947 годзе быў створаны музей, які ўключаны ў Спіс сусветнай спадчыны ЮНЕСКА.

КАЛДУШКА Надзея

Нарадзілася ў 1927 годзе, да вайны жыла ў в. Стайкі Івацэвіцкага р-на. Вывезена падлеткам на прымусовую працу ў Германію. Была непаўналетнім вязнем у канцлагерах Аўшвіц (Асвенцім) і Берген — Бельзен (Германія). Жыла ў г. Івацэвічы.

Дваццаць пяты барак

Лета, 1943 год. Цёплае сонечнае надвор'е. Радавацца б жыццю! У мяне ж, шаснаццацігадовай дзяўчыны, на душы жах. Прайшла чутка, што з нашай вёскі Стайкі забіраюць на прымусовую працу ў Германію сорак падлеткаў, у тым ліку і мяне. А хутка гэтая чутка стала рэальнасцю.

Як якую жывёлу, пагрузілі нас у таварныя вагоны на чыгуначнай станцыі Івацэвічы і павезлі на захад. Слёзы роспачы і адчаю: тым больш, што ў нейкі момант быў шанц застацца дома.

Сям'я наша шматдзетная — пяцёра нас, і адзін аднаго не панясе. Я была самая старэйшая, таму бургамістр Івацэвічаў ужо хацеў задаволіць просьбу маіх бацькоў не забіраць мяне ў Германію, пакінуць дапамагаць ім па гаспадарцы. Аднак наш вясковы староста дамогся, каб мяне забралі.

Прывезлі нас у Варшаву, адсюль пачалі размяркоўваць на работу ў Германію. Разам з аднавяскоўцамі трапілі на фабрыку ў горад Вольфан. Выраблялі тут шчоткі. Мы ніяк не маглі змірыцца з нялёгкай, паднявольнай працай, таму дзесьці праз два тыдні разам з Зосяй Каліноўскай, Надзеяй Доўсцей, Вольгай Козік уцяклі з фабрыкі, спадзеючыся трапіць дамоў. Ды ў той самы дзень нас злавілі — апынуліся мы ў лагеры смерці Асвенціме.

…Атрымала і паласатае лагернае адзенне, і свой нумар 68975. Яго выпалілі на руцэ. Месяц — каранцін, потым — лагер, падня-

вольная цяжкая праца: капалі канавы «пад меліярацыю», як нам гаварылі. Жылі ў бараках, у поўнай антысанітарыі, жылі ўвесь час галоднымі. Кармілі два разы ў суткі: на палудзень паўлітра «баланды», вечарам 250 грамаў хлеба. Паўсюдна знямоглыя, нібы шкілеты людзі, невыносны пах згарэлых у печах.

Дзень і ноч працуюць два крэматорыі, з іхніх комінаў валіць чорны дым. Паміж гэтымі злавеснымі печамі праходзіць чыгунка. Па ёй падвозяць сюды для спальвання людзей, перш за ўсё яўрэяў, хворых, знямоглых. Сюды, на смерць, забіралі звычайна падвячоркам ці ноччу, у асноўным з «рэвіра» (бальніцы), якая размяшчалася ў дваццаць пятым бараку — перадсмяротным…

Усе, хто быў у гэтым лагеры, рана ці позна былі асуджаны на смерць, працавалі пакуль здужалі, нібыта валы. А трапіць у дваццаць пяты барак — чакаць хуткай, немінучай смерці. І, Божачкі мае, я трапіла ў гэты барак! Толькі выпадковасць, спагада чалавечая, а мо і воля Божая выратавалі мяне. Захварэла на тыф. Тэмпература невялікая, але слабасць, і ты ўжо не работнік.

Ляжалі ў гэтым бараку ў чым маці нарадзіла, чакалі абыходу нямецкага ўрача. І вось ён ідзе. Высокі, худы, разам з медсястрой. Нас паставілі на бачнасць, хоць мы ледзь-ледзь трымаліся на нагах. Я — высокая, худая, адны скура ды косці. Урач спыніўся насупраць.

— Кранкен?

— Найн, — адразу адказала медсястра Зося-палячка, — іншая прычына. — Урач яшчэ раз падазрона зыркнуў і рушыў далей.

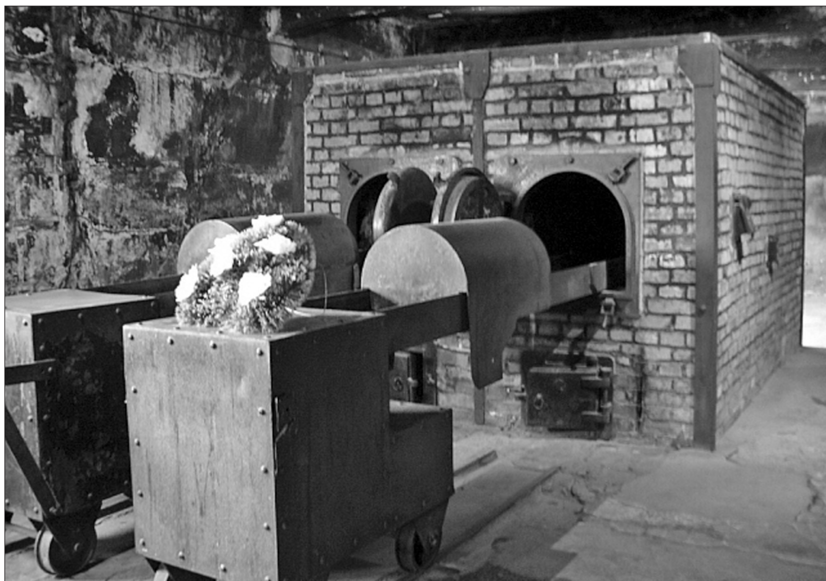
— Ты веш, цо доктор мувіл? — пытаецца Зося.

— Не.

— Цябе — у крэматорый.

Я чакала гэтага, але на той момант закалацілася, прашу Зосю, каб заўтра адправіла на работу ў лагер, каб дала заключэнне, што я ачуняла і магу ў поўную сілу працаваць. І Зося, дай ёй Божа здароўя, адправіла мяне ў лагер. А вечарам апусцеў, чакаючы новых ахвяр, дваццаць пяты барак.

Больш не трапіла ў «рэвір», працавала з тэмпературай, у млосці і поце, ды непрыкметна ачуняла.

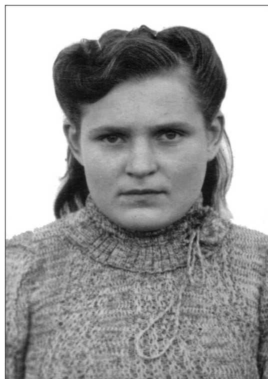
Крэматорый. Мемарыял у былым канцлагеры Аўшвіц

Прапакутавала ў Асвенціме паўтара гады. Тым часам Чырвоная Армія наступала. Калі яна падышла да Кракава, вязняў з Асвенціма эвакуіравалі ў глыб Германіі. Я трапіла ў канцлагер Бельзен. Вызвалілі англійскія войскі. Ад знямогласці ўжо і радавацца не магла, адно міжволі цяклі слёзы.

Пасля вызвалення працавала ў падсобных гаспадарках нашых вайсковых часцей. Дамоў, у вёску Стайкі, вярнулася ў сакавіку 1948 года. Выйшла замуж. Нарадзіла і выхавала ажно васьмёра дзяцей. Мужа ўжо няма ў жывых.

Не так даўно атрымала двойчы кампенсацыю ад урада Германіі. Але ці можа яна замяніць падарванае ў няволі здароўе, той маральны ўрон, які быў мне нанесены ў Нямеччыне ад «гаспадароў новага парадку»? Усё тое, што я перажыла ў канцлагерах, не пажадаю і сабаку, не дай Божа, каб такое зноў паўтарылася. Фашысты не лічылі нас за людзей. Мы для іх былі рабамі.

А тое, што мне пашчасціла выжыць, — не мая то віна, на якую мне ў свой час указвалі ў «кампетэнтных органах»…

КУРНИЦ (Капустина)
Любовь Ивановна

Родилась в 1931 году в д. Дряжно Суражского р-на Витебской обл. Бывшая малолетняя узница концлагерей Аушвиц (Освенцим) и Лебрехтсдорф (Потулице, Польша). Проживает в Бресте.

В нашей семье было 8 детей. Я родилась 4 августа 1931 года. Когда началась война, мне было 10 лет. В 1941 году отец ушел на фронт. Все заботы легли на плечи матери. Так как наш дом стоял около леса, то он стал местом остановки партизан. Для отдыха подрывники часто останавливались у нас. Нередко мама провожала группы в лес: она знала все лесные тропы. На поле, недалеко от дома, самолёты сбрасывали грузы из Москвы.

Когда немцы пришли в деревню, то первым же делом начали забирать скот у людей и делать облавы на старшую молодёжь. Все люди стали убегать в лес со своей скотиной. Большая часть молодёжи ушла в самую глубь леса. Так ушли моя старшая сестра Нина и брат Василий. Когда мы были в лесу, немцы подожгли деревню. Горел и наш родной дом. Когда мы вернулись из леса, нам уже негде было жить. Мы стали жить в землянке. Мы, дети, заболели тифом. Умер самый маленький братик Владимир. Нас у мамы осталось пятеро. А потом заболела тифом мама, и все заботы легли на брата Петю, который был старше меня.

Спустя некоторое время в деревню вернулись немцы. Они забрали нашу семью, несмотря даже на то, что мы были больны тифом. Так мы оказались в Витебске, за колючей проволокой. Там было очень много разных людей: от мала до велика. В конце авгу-

ста 1943 года всех погнали на станцию, где посадили в товарный поезд. Нас увезли в неизвестном направлении.

Дорога была долгой и мучительной. По пути люди умирали от жажды. Воды не давали, лишь бросали одну булку хлеба и пачку маргарина на всех людей, но никто его не брал и не ел. По дороге останавливались, открывали двери и выбрасывали трупы. Выбросили и моего братика Колю, несмотря на то, что он был ещё живой, но очень слабый. Крики матери были бесполезны; двери закрыли и повезли дальше. Теперь нас с мамой было пятеро.

9 сентября 1943 года нас привезли в лагерь Аушвиц. Выйдя из вагона, я увидела грязную лужу и бросилась к ней, чтобы хоть чуть-чуть утолить жажду. Вдалеке были видны два больших барака, возле которых стояли столы. Всех людей погнали к ним. Там немцы выбирали из толпы мужчин. Здесь мы в последний раз видели нашего брата Петю. Когда подошла наша очередь, мама подошла к столу, немец что-то записал, а затем немка, сидящая в торце стола, наколола на руку матери номер, потом и нам, детям. Было нестерпимо больно, и мы, дети, плакали. На моей левой руке накололи номер 61956. И снова нас погнали вперёд, к огромным воротам. За воротами было много длинных бараков и баня, в которую нас загнали. Там немцы стали отбирать у людей ценные вещи. У меня были очень красивые серёжки. Их мне мама втянула, когда я болела золотухой и стала слепнуть. Серёжки были мамины, необыкновенной красоты, но немцы их сорвали с моих ушей. Всех постригли, взрослым женщинам надели полосатые платья и колодки на ноги. После чего всех загнали в барак, где для каждой семьи были выделены отдельные нары. Здесь нас первый раз накормили брюквой и дали попить.

Через несколько дней мама и мои сёстры, Надя и Зина, заболели, и их забрали в больницу. И я осталась одна на этих нарах. Через некоторое время всех детей загнали в баню, помыли и перевели в другой барак. Покормили манной кашей. А потом ко мне подошла какая-то женщина, с нашей стороны, которая знала маму. Она сказала, что маму, сестрёнку Надю и брата сожгли. Про Зину она ничего не сказала. Так я осталась одна среди чужих. Где Зина, я не знала.

Через некоторое время всех детей повезли на станцию, но только на станцию это было мало похоже. Там был песок и голое поле. На песке я увидела свою обессиленную сестру Зину. Всех стали загонять в вагоны, где не было даже лавок. Поднять и занести в вагон свою сестру я не могла, и тогда я попросила взрослую девочку помочь мне. И с тех пор мы с Зиной были вместе. Она лежала на полу, а я сидела рядом. Нас привезли в лагерь Потулице. Зине стало ещё хуже, и её забрали в больницу. Больше её я не видела.

В лагере у меня брали кровь, делали какие-то уколы, мазали различными мазями. Я не знаю, что это было, но от всего этого ужасно болела голова и было очень плохо. Кроме того, нас возили рвать с мёрзлой земли свёклу. Было очень холодно, и мы сбивались в кучу, а надзиратель Сюда бил нас за это плёткой.

Освободили нас в начале 1945 года советские войска. О нас стала заботиться польская воспитательница Марыся. 10 февраля всех детей отправили в Брест. Там нас поселили в проверочно-фильтрационный лагерь, где мы провели пять дней.

Потом меня отправили в мою родную деревню, к тёте. Но тётя не хотела заботиться обо мне. Дядя меня пожалел и отправил в детприёмник города Витебска. А оттуда меня отправили в город Кобрин, в детдом. Он стал для меня родным домом. Когда мне исполнилось 14 лет, отправили в Брест на работу.

Зина же попала в детдом в Киеве. И старшая сестра Нина осталась жива. Именно она и нашла меня, а потом и Зину.

Вот так это было.

• Лебрэхтсдорф •

(Potulitz-Lebrechsdorf)

Нацысцкі канцэнтрацыйны лагер, пабудаваны ў 1941 годзе ў польскай вёсцы Патуліцы (недалёка ад Хэлмна, Куяўска-Паморскае ваяводства), як філіял канцлагера Штутгаф (Konzentrationslager Stutthof). У студзені 1942 года лагер стаў арганізацыйна самастойны.

Быў створаны для польскіх дзяцей-перасяленцаў з мэтай эксперыментаў па іх германізацыі і як працоўны лагер. Пазней, у 1943 годзе, на тэрыторыі лагера быў створаны асобны лагер для 543 дзяцей, вывезеных з Усходу (Ostjugendbewahrlager), з-пад Віцебска і Смаленска.

Зняволеных спачатку адпраўлялі працаваць на фермах і буйных прамысловых прадпрыемствах у раёне Гданьска і Заходняй Прусіі. Пасля пашырэння лагера на яго тэрыторыі былі створаны філіялы прамысловых прадпрыемстваў.

Дзяцей, старэйшых за 13 гадоў, прымушалі выконваць рабскую працу, нават у начную змену. Іх выкарыстоўвалі на цяжкіх фізічных работах па перавозцы будаўнічых матэрыялаў і камянёў, на пагрузцы вугалю, дроў і бульбы на чыгунцы. Дзеці пасля шасці гадоў былі вымушаныя працаваць у лагеры.

Адмова ад працы ці нават найменшая спроба непадпарадкавання выклікала жорсткія пакаранні, як фізічныя, так і псіхалагічныя. Таксама ў лагеры дзяцей выкарыстоўвалі для прымусовага донарства крыві.

На 21 студзеня 1945 года ў лагерных спісах былі зарэгістраваныя 11 188 чалавек. На тэрыторыі лагера знаходзілася 5339 чалавек, у тым ліку 660 дзяцей і 189 хворых. Па-за межамі лагера на прадпрыемствах Гданьска, Гдыні, Эльблонга, Быдгашча і Пілы працавалі яшчэ 4552 вязняў, а таксама 1327 чалавек — у сельскіх гаспадарках.

Лічыцца, што агульная колькасць зняволеных у лагеры складала каля 25 тыс. чалавек. У ацалелых спісах памерлых зарэгістравана 1297 чалавек, у тым ліку 767 дзяцей. У 1969 годзе на лагерных могілках быў адкрыты помнік у памяць аб спачылых ахвярах нацысцкага лагера.

ДЕРЕВЯНКО (Прищепова)
Лидия Фёдоровна

Председатель Брестской городской организации ОО «Белорусская ассоциация бывших несовершеннолетних узников фашизма». Родилась в 1937 году в д. Изохово Суражского р-на Витебской обл. Бывшая малолетняя узница концлагерей Аушвиц (Освенцим), Лебрехтсдорф (Потулице), Тухинген (Константынув). Проживает в Бресте.

Мы не думали, что останемся живы

Наша семья до войны жила в деревне Изохово Суражского района, ныне Витебский район. Отец, Прищепов Фёдор Степанович, работал мастером на местном кирпичном заводе, а мать, Прищепова Мария Алексеевна, — санитаркой в Куринской больнице. В семье было четверо детей: Александр — 1932 года рождения, Лидия — 1937 года, Валентина — 1940 года рождения, самый младший, Анатолий, родился перед войной.

Когда началась война, отца призвали в Красную Армию. Часть, в которой он воевал, попала в окружение. Отец вырвался из него и ушёл в партизанский отряд под командованием Даниила Федотовича Райцева, бригады Миная Шмырёва. Мать помогала партизанам и старалась сохранить детей. В деревне появились немцы и полицаи, которые бесчинствовали и искали партизан, не дававших им покоя ни днём, ни ночью. Семьи партизан жили в постоянном страхе, так как оккупанты угрожали расправой всем, кто был связан с партизанами.

Мама забрала нас, четверых детей, и бежала в лес, где мы проскитались до 1943 года. Во время карательной экспедиции против партизан мы были схвачены и выданы местным полицаям как семья партизан. Нас пригнали в Витебск, в лагерь, и разместили в пятом бараке, где находились семьи партизан. (Там погибло 90 тысяч человек.) Как долго мы там находились, точно указать не могу, но в начале сентября 1943 года нас погрузили в наглухо закрытые «телятники» (вагоны для перевозки скота) и повезли в неизвестном направлении. Везли долго. Вагоны были переполнены людьми, было душно, хотелось есть и пить, все плакали. Многие не выдерживали, особенно маленькие дети, и умирали. Наконец через несколько дней транспорт из Витебска (позже мы узнали, что это был транспорт № 9) остановился, и нас выгнали из вагонов.

Это был самый страшный концлагерь смерти — Аушвиц (Освенцим). Вокруг была колючая проволока и вышки с охраной. Слышалась немецкая речь и лай собак. Было страшно. Маму сразу куда-то увели, а нас, детей, оставили перед бараком. Когда мама вернулась, мы её не узнали: она была острижена наголо, одета в полосатую одежду, а потом и нас тоже остригли и переодели.

Запомнилось, как выкалывали номера на левой руке, ниже локтя. Нас выстроили в длинную очередь к столам, мужчин и женщин отдельно. Очередь двигалась медленно, стоял крик, плач. Немка схватила меня за руку и подтянула к столу, что-то сильно обожгло руку, было очень больно, я заплакала, за мной заплакала Валя, младшая сестра. Так у нас появились номера: у мамы — 62031, у меня — 62032, у Вали — 62033, у брата Саши — 149916, самому маленькому, Анатолию, накололи на ножке. На перекличке надо было отзываться на эти номера, иначе — смерть. Жили в бараках, на нарах размещались по 4–5 человек, а иногда и больше. Каждый день выстраивали на площади перед бараками на «аппель», т. е. на проверку. Между рядами ходили немцы и палкой указывали на людей больных или с физическими недостатками, их уводили, и больше они не возвращались.

Мама приносила какую-то баланду и что-то липкое, серое, мало похожее на хлеб, есть это было невозможно. Маленьким

Бывший фашистский концлагерь Аушвиц

и слабым выжить в этом аду было очень трудно. Вскоре самый младший брат Анатолий заболел, его забрали у мамы и, по её словам, сожгли в печи крематория. Так нас у матери осталось трое, но вскоре ей предстояло потерять и нас.

Однажды женщин с детьми выгнали из бараков и сказали, что детей поведут в баню. Матери догадались, что нас отнимают, и не отдавали детей. Фашисты вырывали нас силой и избивали матерей. Стоял страшный крик и плач. Многие женщины тогда погибли и были сожжены в печах крематория (со слов мамы). А нас уводили, и мама кричала Саше, старшему брату, чтобы он не потерял сестёр, а я держала за руку Валю. Детей разделили и осматривали. Больных куда-то забирали.

Потом всех отнятых детей вывезли в концлагерь Потулице. Везли нас долго, многие по дороге заболели. В лагере были дети от трёх (самые маленькие) и до 15 лет. Спали мы на полу, на матрацах, а днём их надо было складывать вдоль стен. Под одним одеялом укрывались два-три малыша. Обувь — деревяшки. Одежда — платьице и дерюжный сюртучок, который заменял нам пальто, тёплых вещей не выдавали. Кормили плохо: главным образом баланда из крапивы и брюквы, кусочек хлеба, вернее, то, что было похоже на хлеб. Поэтому постоянно хотелось есть.

Дети часто болели. Особенно донимала чесотка, или, как мы говорили, короста. Она появлялась на теле, на лице, на голове и шее. Обмазывали нас какими-то мазями, тело щипало. Я заболела, лицо было покрыто болячками (язвами), меня положили в больничный барак, разрезали щёку, что делали и для чего, мы не знали, но шрам у меня остался до сих пор. У Вали была страшная рвота, она долго не могла прийти в себя. В бараке часто появлялись люди в белых халатах, осматривали нас, раздев догола, а потом уводили в какой-то барак, похожий на палату, брали кровь для немецких солдат и делали уколы. Дети, попавшие в лагерный лазарет, редко возвращались из него, чаще умирали.

Но не только болезни и эксперименты доводили детей до гибели. Издевательства надзирателей и капа запомнились всем, кто выжил. Особенно свирепствовал один из надзирателей, звали его пан Епек, и ходил он всегда с плёткой или палкой в руке, готовый наброситься на нас и избивать ни за что. Мы его очень боялись. Однажды старший брат Саша и его друг попытались содрать до крови номер на руке. Пан Епек на глазах у всех жестоко избил раздетых донага мальчиков резиновой плёткой.

Вскоре мальчиков постарше, в т. ч. и нашего брата Сашу, забрали из этого лагеря. Он был куплен бауэром для работы в хозяйстве. Больше мы Сашу не видели до конца войны, а точнее, до 1946 года.

Мы остались вдвоём с Валей. Мы плакали. Осенью 1944 года нас привезли в концлагерь Константынув (Тухинген) около Лодзи. Там было очень много детей. Спали мы на двухъярусных нарах, одежда была из жёсткой ткани, на ногах деревянные колодки с полоской ткани на пальцах, носить их было тяжело.

Все мы очень боялись надзирательницы, которая всегда появлялась с плёткой в руке. Завидев её в дверях, мы разбегались и прятались, знали — будет бить. Нас вытаскивали из-под нар, из углов, и она давала волю своей злости.

Здесь тоже дети болели. Свирепствовали трахома (болели глаза), чесотка, тиф. У Вали на затылке была огромная болячка, а я заразилась трахомой. Глаза у меня ещё долго болели после войны.

Освобождённые из концлагеря Аушвиц-Биркенау (Освенцим) дети

Мы не думали, что останемся живы, и не понимали, за что нам все эти мучения.

Освобождение пришло в начале 1945 года. Когда мы, стуча колодками, выбежали во двор, то не увидели охраны и надзирателей. Вскоре появились советские солдаты, санитарные машины. Солдаты брали нас на руки и плакали вместе с нами. Нас вымыли, остригли, переодели в мягкую тёплую одежду. Некоторое время мы были в карантине, нас лечили и хорошо кормили.

Затем весной 1945 года санитарным поездом отправили на Родину.

Всех детей распределили по детским домам. Мы с сестрой попали в Риненбургский детский дом (г. Сапожок) Рязанской области, где и пробыли до весны 1946 года. Время было трудное и голодное. То же было и в детском доме, но воспитатели окружали нас заботой и человеческим теплом. По выходным воспитательница Прасковья Павловна водила меня к сестре в дошкольный детский дом, где она находилась, чтобы мы не забыли друг друга, так как сестра была маленькая. Кроме того, болезни ещё

долго не оставляли нас, и воспитатели и врачи заботились о нас, переживших такие концлагеря, как Освенцим, Потулице, Константынув-Тухинген. Мы помним их до сих пор.

Мама пробыла в концлагере Освенцим вплоть до января 1945 года, когда узников освободила Красная Армия. Она приехала в Витебск, затем вернулся из неволи старший брат Саша. Мать сразу начала разыскивать нас с сестрой. На это ушёл год. Только когда мама стала указывать освенцимские номера на руках, нас нашли; весной 1946 года брат отца приехал за нами и отвёз в Витебск, к матери. Здесь мы узнали, что отец погиб в ноябре 1943 года в бою, на фронте, и похоронен в деревне Понизовье в братской могиле, в Смоленской области.

Я и сестра окончили среднюю школу № 18 города Витебска. Жилось впроголодь, не хватало необходимого. Но мама, работая без отпуска, старалась дать нам образование. Мы окончили пединституты, получили высшее образование, затем работу.

Прошло более 65 лет со времен окончания войны, но память часто возвращает нас к тем страшным годам и событиям, которые мы пережили, и так хочется, чтобы нынешние дети, наши внуки и правнуки были счастливы и берегли это счастье — иметь детство, которого мы были лишены. Больше всего на свете я боюсь войны и не хочу, чтобы повторилось то, что пережила я. Хочу, чтобы все дети имели отца и мать и были счастливы, никогда не знали, что такое война. Война — это страшно… и хочется забыть пережитое, но память остается вечной…

Николай ПРОСМЫЦКИЙ
Бывший несовершеннолетний узник концлагеря Лесная в Барановичском р-не.

Сердце матери

Деревянко Лидии Фёдоровне,
Председателю Брестской городской организации
бывших несовершеннолетних узников фашизма

Ужас, страх сплошные сутки.
Сердце материнское болит:
На ручонке доченьки-малютки
Синий номер узницы стоит.
Выжила, кровиночка, окрепла.
Родина несчастную спасла.
Но её терзают горы пепла,
Узники, сгоревшие дотла.
Как хотели пить они рассветы,
Беззаветно Родину любить!
Кто дал право варварам планеты,
Жизнь людскую в пламени гасить!
Видит Бог детей сгоревших лица,
Слышит справедливые слова:
Нет прощенья варварам, убийцам,
Пока жива хрупкая земля!

20.03.2010

• Тухінген (Канстантынуў) •

(Durchgangslager Konstantinow-Tuchingen)

Канцэнтрацыйны лагер для перасяленцаў створаны ў акупаваным нямецкімі нацыстамі г. Канстантынуў Лодзкі (Лодзкае ваяводства, Польшча) 5 студзеня 1940 года на месцы ліквідаванай тэкстыльнай фабрыкі. Быў адным з філіялаў галоўнага канцлагера для перасяленцаў у Лодзі.

Праз гэты лагер прайшлі каля 42 тысяч чалавек (у асноўным сяляне), пераважна з тэрыторыі Польшчы. Каля тысячы зняволеных памерлі ў лагеры, з іх імёны каля 700 чалавек удалося ідэнтыфікаваць.

У 1972 годзе паблізу будынкаў былога лагера быў усталяваны камень з крыжам і дзвюма мемарыяльнымі плітамі. Адна з іх — у памяць 450 святароў, якія былі ў зняволенні ў лагеры. У 2010 годзе з ініцыятывы Камітэта па ўшанаванні памяці польскіх ахвяраў нямецкага лагера (Lager in Konstantinow) на месцы спачыну забітых зняволеных канцлагера быў усталяваны помнік з прозвішчамі асобаў, імёны якіх удалося выявіць.

ЛЫЧ (Райкова) Нина Антоновна
Председатель ОО «Белорусская ассоциация бывших несовершеннолетних узников фашизма». Родилась в 1940 году, до войны жила в Городокском р-не Витебской обл. Бывшая малолетняя узница фашистских концлагерей Аушвиц (Освенцим) и Тухинген (Константынув). Проживает в Минске.

Украденное детство

45 лет я проработала на Минском автозаводе. В 2006 году я покинула родной МАЗ, всё-таки годы…

Сколько мне лет, я точно не знаю. По одним сведениям, появилась на свет в начале 1940-го: чуть менее года после того, как с советско-финской войны пришел отец. А вот в справке, по которой определяла возраст заключённых в концентрационном лагере Освенцим специальная комиссия, годом рождения Нины Райковой (Райкова — моя девичья фамилия) указан 1939-й.

Неважно, в каком году я родилась. Если здоровье позволяет до сих пор трудиться, ты не чувствуешь возраста. Поэтому и после МАЗа я нашла себе работу в одной из столичных фирм.

На левой руке у меня татуированный номер 65950. Именно так клеймили своих рабов немецкие нацисты.

В концлагерь Освенцим, где мне присвоили этот номер, я попала в 1943 году из-под Городка, что на Витебщине.

Многое не помню: уж слишком мала была. Не помню, как выглядели мама и братик Вася. Они навсегда остались в длинных списках погибших в Освенциме.

В центральном концлагере Освенцим-Аушвиц мы были недолго. Вскоре немцы отобрали наиболее крепких детей и направили их в так называемый филиал, находившийся неподалёку от города Быдгощ. Ребята, которые были постарше, позже рассказывали мне, что голубоглазых и светловолосых детей нацисты решили денационализировать: сделать из них своих верноподданых, приближённых к арийской расе.

Большую группу детей немцы перевезли в Константынув (Тухинген), где создали нечто наподобие детдома. Здесь ребятишек кормили чуть получше и обучали немецкому языку. Но детским домом это учреждение назвать было трудно. Немцы придумали нашему «детдому» статус: обсервационный (наблюдательный, опекунский) лагерь для безнадзорной молодёжи с Востока при полиции безопасности в Тухингене. Своему языку обучали рьяно… В 1945 году в Константынув вошли красноармейцы. Это событие я уже хорошо помню. Немного подлечили нас в эвакогоспитале, приодели, подкормили и привезли в Союз. Так я попала в Рязанскую область, в Сапожковский детдом.

В школе немецкий давался мне особенно легко. Но это плюсом тяжело назвать. Ведь мы, детдомовцы, язык врага ненавидели…

Несмотря на то что война уже отгремела, жили воспитанники впроголодь. Поэтому мальчишки и девчонки из детдома частенько устраивали набеги на огороды сапожковцев. А конфликты с «городскими» ребятами, что воспитывались в семьях местных жителей, в школе постоянно переходили в драки. И всё же были моменты счастья: некоторых ребятишек находили родные.

Однажды после моего блестящего исполнения главной роли в спектакле «Кошкин дом» на конкурсе самодеятельности ко мне подошли мальчик и девочка: «Мы — твои двоюродные брат и сестра, живём в соседнем детдоме».

От них я узнала, что в деревне под Витебском живёт мой отец. Но у него была уже новая семья. А в ней я не прижилась.

…Много лет минуло. Я окончила техникум, работала на МАЗе, дети выросли, есть внуки. Увы, рано овдовела…

Дома вы редко меня застанете: предпочитаю домашнему очагу общественную работу.

Возглавляю Белорусскую ассоциацию бывших несовершеннолетних узников фашизма. Благодаря этой общественной организации многие дети войны получили возможность обсуждать наболевшие проблемы не в узком кругу, а, как говорится, на людях.

Со дня своего основания ассоциация работает в контакте с органами соцзащиты. И на первом месте у нас, конечно же, гражданские, социальные и культурные акции. Об этом мы рассказываем на международных конференциях, в которых принимают участие бывшие малолетние узники фашизма, а также в газете «Судьба», издающейся в России. Тесные связи существуют уже много лет между нашей организацией и друзьями из Германии — Фондом Максимилиана Кольбе из города Фрейбурга, Международным образовательным центром в Ганновере, благотворительными организациями земли Гессен. Поддерживаем связи с общественными организациями бывших узников в Польше, Австрии, Израиле, Австралии.

А ведь начиналось всё в 1987 году, когда бывшие несовершеннолетние узники нацизма, собравшиеся в музее московской школы № 1137, обратились с письмом в Советский детский фонд: «…Неужели же психологические стандарты, под которыми подразумеваются такие понятия, как «участник войны», не вмещают в себя детство, перенёсшее страдание предельной трагической силы?»

Это обращение мы опубликовали в журнале «Семья», и тут же стали обивать пороги различных организаций. До самого ЦК КПСС дошли. Правда, к Горбачеву не попали, а вот до одного из ближайших его чиновников достучались. С той поры у меня появилось дело на всю оставшуюся жизнь…

• Равенсбрук •

(Konzentrationslager Ravensbrück)

Канцэнтрацыйны лагер Трэцяга рэйха, які размяшчаўся на паўночным усходзе Германіі за 90 км на поўнач ад Берліна ў мясцовасці каля кліматычнага курорта Фюрстэнберг у Памераніі. Існаваў з мая 1939 года да канца красавіка 1945 года. Раеенсбрук быў самым вялікім канцлагерам СС для зняволеных жанчын на тэрыторыі Германіі.

У 1942–1944 гадах у Равенсбруку праводзілі злачынныя псеўдамедычныя эксперыменты на зняволеных жанчынах. З 1942 года знясіленыя жанчыны, якія былі ўжо не ў стане працаваць, адпраўляліся ў газавыя камеры ў суседніх лагерах, а таксама іх пазбаўлялі жыцця з дапамогай уколаў фенолу. У канцы 1944 года ў Равенсбруку пачала дзейнічаць уласная газавая камера, дзе было знішчана ад 5 да 6 тысяч чалавек.

Да 1945 года было створана звыш 70 філіялаў лагера, не ўсе яны былі прызначаны для жанчын. У 1941 годзе, недалёка ад лагера для жанчын, нацысты пабудавалі лагер для мужчын, дзе зняволеных выкарыстоўвалі для развіцця інфраструктуры і прамысловаці лагера, а летам 1942 года паблізу быў створаны лагер для маладых дзяўчын ва ўзросце ад 16 да 21 гадоў.

У сувязі з набліжэннем Чырвонай Арміі нацысты актывізавалі сваю палітыку знішчэння. У красавіку 1945 года дзясяткі тысяч жанчын былі накіраваныя на паўночны захад у так званых «маршах смерці». 30 красавіка 1945 года Чырвоная Армія вызваліла каля 3000 змучаных і хворых жанчын ды некалькі сотняў мужчынаў з суседняга філіяла лагера. Многія з гэтых вязняў памерлі ад знясілення.

Колькасць зарэгістраваных зняволеных за ўвесь час яго існавання склала больш за 130 тысяч чалавек.

У 1959 годзе быў заснаваны музей — мемарыял Равенсбрук.

ШИМАНКО Тамара Иосифовна
Перед войной жила в Минске. Бывшая малолетняя узница тюрем в Пружанах и Белостоке, концлагерей Аушвиц (Освенцим), Равенсбрюк, Бухенвальд и женского трудового лагеря HASAG-Альтенбург (Лейпциг). Жила в Бресте.

Это так страшно!

Во время войны в Минске мы голодали. В деревнях, где у кого-то был хотя бы небольшой огород, было проще, но в городах!..

И ещё нам всегда было страшно. Мы старались по возможности меньше выходить из дома. Если кто-то шёл на рынок, то никогда не мог быть уверен в том, что с ним ничего не случится. Постоянно мы видели на виселице повешенных. И к тому же это страшное гетто, убийства евреев! У нас вначале было мнение, что это правильно — евреи должны жить отдельно. Но то, что их там всех убьют — мы тогда не могли себе представить. У кого-то было всё же сомнение: такого не может быть! Позже, после того, как я сама познакомилась с тюрьмой и лагерями, я стала понимать больше. Но в начале войны я ещё не представляла, сколько зла человек может причинить человеку.

Для меня тогда все немцы были одинаковы. Будь то Кубе или «Шмубе» — нам это было безразлично. Все немцы для нас были фашистами, все они стремились нас уничтожить.

Летом 1943 года мама решила уйти со мной из Минска в деревню на Брестчине к одной нашей знакомой. И вот утром, когда мы перешли мост через реку недалеко от Пружан, внезапно кто-то

закричал: «Стой!» Мы остановились. Это были немцы. Там стояли две машины. Они забрали нас и привезли в здание, которое, вероятно, служило им казармой. Там они затолкали нас в тесный холодный подвал, в котором уже находились другие люди — мужчины и женщины. Некоторые из них были избиты. Там были и дети.

На следующее утро маму забрали. Она долго не возвращалась. Потом забрали меня. Меня привели в большое помещение. Там кто-то сидел за столом, на полу сидела большая овчарка, и там же был полицай, который меня привёл. В углу сидела моя мама. Её лицо и одежда были в крови. Когда я увидела это, я обмочилась от страха. Сидевший за столом мужчина что-то кричал, собака бросалась на меня и хватала за руки, а полицай орал: «Вылизывай всё за собой, ты, свинья!» Я видела ещё, как моя мама на коленях подползла к столу и её отбросили пинком. Но я была бессильна ей чем-то помочь.

Когда я пришла в себя, мы с мамой уже снова были в подвале.

Утром нас всех посадили в машину с зарешёченными окнами. В машине было настолько тесно, что мы могли ехать только стоя. Куда нас везли, мы не знали. Куда-нибудь приедем, говорили мужчины, которые ехали вместе с нами: «Слава Богу, теперь мы уже проехали Пищину». Это было место, где проводились расстрелы.

Потом наконец мы подъехали к воротам, затем было ещё двое ворот. Машина остановилась, дальше мы должны были идти пешком. Где мы находимся, нам не сказали. Женщин и мужчин загнали в разные камеры. Это была тюрьма в Белостоке в Польше. Там всё было ужасно. Туда постоянно привозили новых узников. Людей забирали на рынках, на улицах. Утром открывались камеры, и нам кричали на польском языке: этот и этот, эта и эта — на выход! Людей выводили на расстрел. Когда двери открывались, меня трясло. Я лежала на нарах и плакала: «Мама, нас сейчас убьют?»

Через неделю пришел пожилой немец и отобрал примерно двадцать человек на работы. Полька Анна, которая была в нашей группе и знала немецкий язык, сказала, что он оберлейтенант. Каждое утро этот мужчина забирал нас. В одном из зданий на территории тюрьмы мы должны были латать одежду и штопать но-

ски, сматывать шерстяные нитки в клубки. Были это вещи немцев или принадлежали убитым, я не знаю. Я вспоминаю этого обер-лейтенанта как хорошего человека. Он приносил нам остатки еды из кухни и не особенно придирался к нам.

Мы пробыли примерно два месяца в тюрьме в Белостоке. Затем женщин из всех трёх камер посадили в машину, а потом в товарный вагон. Снова мы не знали, куда нас везут. Снова мы думали: вероятно, нас везут на расстрел. Нас привезли в Освенцим.

Это был наш первый лагерь. Здесь мы должны были пройти перекличку. Мы всегда должны были выглядеть аккуратными, всегда должны стоять по десять человек в ряду, со всех сторон окружённые столбами с колючей проволокой. Там были надзиратели-эсэсовцы, у каждого был кнут и овчарка. Если им что-то не нравилось, если, например, кто-то не мог стоять, это означало: побои кнутом и путь в газовую камеру.

Примерно через месяц нашего пребывания в Освенциме нас перевели в Равенсбрюк.

Там нас рассортировали: дети — сюда, взрослые — туда. Дети плакали, кричали матери, лаяли собаки, орали солдаты. Матери бежали за детьми, они не могли смириться с происходившим, но их отгоняли кнутами. Меня посчитали взрослой. Я очень радовалась этому.

В Освенциме мы ещё носили собственную одежду. А в Равенсбрюке получили полосатую одежду узников и деревянные колодки. Нас обстригли наголо, все стали похожими друг на друга.

Эсэсовцы поотнимали у полек золотые цепочки с крестиками с распятием. У моей мамы они вырвали золотые коронки и три золотых зуба.

В Освенциме эсэсовцы позже сожгли соответствующие документы, но из документов лагеря Равенсбрюк я узнала спустя много лет, как мы там значились: заключённые, русские, «политические».

В лагере Равенсбрюк тоже происходили эти ужасные переклички, на которых люди умирали, как мухи. Надзиратели-эсэсовцы с собаками гнали нас на работы за пределы лагеря. Там мы должны были копать глину и таскать камни.

Я помню, что мы находились в блоке № 15. Нары были пятиэтажными. У нас с мамой был одни нары на двоих. Матрасом нам служил мешок из материала, похожего на бумагу, который был набит стружкой. Подушка была такой же, кроме того, потолок барака был тонким. Было очень холодно, и я заболела ангиной. Моя мама набивала мою подушку тряпками и укутывала меня одеждой, чтобы я была хоть немного защищена от сквозняка и холода. Она очень старалась скрыть это, но эсэсовка-надзирательница заметила и закричала: «Слазь!» Я окаменела от страха. Она приказала мне раздеться догола. Из наволочки она вытащила всё, что там было, и ударила меня по лицу. Потом она убрала козлы на наш этаж и стала бить меня палкой. Я от этого посинела и не могла несколько дней говорить, настолько была напугана. Такое происходило постоянно со многими.

Из лагеря Равенсбрюк нас перевели в Бухенвальд. Нас везли почти два дня и по дороге вообще не кормили. Когда вагоны открыли, многие из нас уже не смогли сами выйти. Некоторые умерли.

Затем мы долго стояли у ворот Бухенвальда. Там было много мертвецов. Мы должны были пройти к расположенному немного далее карантинному пункту в «Маленьком лагере». Там лежало много трупов на нарах. От них остались только кожа да кости. Пленные мужчины пришли и унесли трупы. Потом мы заняли их места.

В Бухенвальде мы пробыли ещё примерно восемь месяцев. Мама и я через некоторое время были переведены в женский лагерь HASAG-Альтенбург (HASAG — немецкий концерн вооружений «Hugo Schneider AG» в Лейпциге). Это был филиал Бухенвальда. Там мы должны были работать на фабрике.

Условия там были немного более сносными. Там же до нас дошли первые слухи о приближении Красной Армии.

Когда мне исполнилось 16 лет, мне сделали подарок две женщины — бельгийка и югославка. Они из своих матрасов вытащили полоски бумаги и из них сплели мне маленькую сумочку. Она была примерно величиной с конверт.

Эта маленькая сумочка была со мной, когда нас освободили, и я сохранила её как память. В течение многих лет она висела у меня на стене. Но когда я попробовала её почистить, она распалась у меня в руках.

11 апреля 1945 немцы погнали узников концлагеря Бухенвальд с фабрики HASAG в Лейпциге обратно, так как Лейпциг бомбили. Нас погнали пешком на другой берег реки. Это продолжалось две недели без еды и воды. Мы жевали траву, как животные. Потом немцы заперли тех из нас, кто ещё остался в живых — это было, вероятно, около пятидесяти женщин и девушек, — в большой сарай. Там была солома, и мы зарывались в неё, пытаясь хоть немного защититься от холода. Мы опухли от голода, обовшивели и передвигаться были практически не способны. В этом сарае умерли ещё несколько человек.

Но вдруг немцы куда-то скрылись, и это придало нам сил.

Нас нашли в этом сарае и освободили. Это было чудом — некоторые из нас целовали освободителям сапоги. За нами ухаживали наши люди, а также американцы. В одном из домов нам предоставили кровати, нас фотографировали, обеспечили чистой одеждой и едой. Я вспоминаю женщину, которая совала руку в банку с вареньем и облизывала пальцы.

Таким образом мой путь страданий закончился 24 апреля 1945 года. Потом я ещё лежала в Германии в госпитале. Осенью 1945 года я возвратилась на Родину.

«Русишэ швайнэ» — эти слова я никогда не забуду! Я вообще не могла слышать после концлагерей немецкую речь.

После войны я снова пошла в школу. В школе одним из предметов был немецкий язык. Я не присутствовала ни на одном уроке — не могла слышать этот язык и всегда уходила с урока. Учитель немецкого языка знал, что я была в концлагере, и поэтому никогда не делал мне замечаний.

Так было до тех пор, пока я не посетила в 1995 году Германию.

Незадолго до Нового года я получила приглашение для поездки в музей в бывшем концлагере Равенсбрюк. Боже, как же они отыскали меня, я даже не знаю! Это было совершенно неожиданно.

Я расплакалась, но одновременно обрадовалась и решила поехать туда.

Когда я подошла к воротам концлагеря, я долго была не в состоянии войти туда. Я стояла перед воротами и плакала. Всё прошлое вспомнилось.

Я хотела найти наш блок, но сейчас на месте тех бараков остался только пустырь.

В течение этих дней вспомнилось всё прошлое, и у меня снова возникло чувства страха. Но со временем и это прошло.

Сотрудники музея окружили нас большой заботой. Постепенно я вышла из нахлынувших воспоминаний тех страшных лет. Я вернулась в другое время и в другой мир и почувствовала себя среди друзей.

Встреча с сегодняшними немцами, которые приняли нас так сердечно, которые просили прощения и которые сами не могли понять, как это было возможно, — имела для меня огромное значение.

Позже я ещё раз была в Равенсбрюке и дважды — в Бухенвальде. Во время первой поездки в Равенсбрюк я познакомилась с тремя мужчинами из Москвы, которые ко всему отнеслись с недоверием. Но когда я ещё раз встретила их впоследствии, они отозвались обо всём более благожелательно.

Сегодня я рассказываю детям не только о нашем прошлом, но также и о том, как сейчас принимают нас, бывших жертв фашизма, в Германии, какой заботой нас окружают.

Я хотела бы также отметить: есть ещё сегодня у нас люди, которые считают ошибкой ехать на такие мероприятия в Германию, так как то, что тогда произошло — нельзя простить.

Я хотела бы сказать им: да, действительно, это были палачи!

Мы в своё время попали в такие условия и вынесли такое, что это не подлежат прощению! Но были и в Германии в то время люди, которые сочувствовали нам.

Это относится и к людям, с которыми я познакомилась в сегодняшней Германии. Эти люди выступают за то, чтобы все осознали, что же произошло тогда на войне, они хотят, чтобы господство-

вал мир… И если я напишу им сегодня, я напишу: «Мои дорогие дети!»

Когда дети спрашивают меня: «А были ли вообще немцы, которые вам помогали?», я говорю: «Да, были немцы, которые нам сочувствовали!» Правда, среди эсэсовцев таких не было.

Но я не могу забыть мастера с немецкой фабрики, на которой мы работали. Вместе с Машей (Мариной), девушкой из-под Бреста, я работала в цехе гальванизации. Железными щипцами мы окунали большие металлические детали в кислоту и потом вытаскивали их. Это была очень тяжёлая и изнурительная работа. На фабрике работал немецкий мастер — невысокий мужчина около пятидесяти лет, в очках. Время от времени он приносил Мане и мне в больших карманах своего рабочего халата немного хлеба или несколько кусочков сахара. Мы всегда старались быть поближе к входной двери в надежде, что он вот-вот появится. Он тайком быстро совал нам то, что принёс, так, чтобы этого не заметили эсэсовки-надзирательницы. И вот тогда мы были счастливы! Ведь нас ведь практически не кормили.

Нужно всегда рассказывать правду и говорить, как всё было на самом деле. Были, конечно, и очень жестокие люди. Нельзя умалчивать ни об одном, ни о другом. Всё должно стать известным. Добро и зло.

Я до сих пор не знаю, что помогло мне тогда выжить. Это была моя судьба или мне помог Бог, чтобы я могла рассказать людям об ужасе той войны и о тех страшных страданиях. Когда сегодня я слышу сообщения о войнах, я всегда представляю семьи, которых это коснулось, особенно детей. Это так ужасно!

Я желаю всем и себе мира, мира, мира!

• Бухенвальд •

(Konzentrationslager Buchenwald)

Комплекс нацысцкіх канцэнтрацыйных лагераў, якія размяшчаліся вакол гары Этэрс каля Ваймара ў Цюрынгіі (Германія). Заснаваны ў 1937 годзе. Бухенвальд быў адным з самых вялікіх канцэнтрацыйных лагераў. Знешнія лагеры-філіялы Бухенвальда, як правіла, былі пераважна папраўча-працоўнымі лагерамі (у адрозненне ад лагераў смерці). За часы існавання канцлагера Бухенвальд праз яго прайшло каля 238 380 чалавек з усіх еўрапейскіх краін. У ім загінула 56 549 чалавек.

22 жніўня 1940 года ў лагеры выдадзены загад пра выманне залатых зубоў перад спальваннем трупаў. З лета 1940-га ў Бухенвальдзе запрацаваў крэматорый.

У верасні 1941 года паблізу канцлагера расстраляныя першыя савецкія ваеннапалонныя. Пазней, на захад ад лагера, у стайні СС створана спецыяльнае памяшканне з расстрэльным прыстасаваннем. Паводле прыблізных падлікаў, пад кіраўніцтвам СС было расстраляна каля 8000 савецкіх ваеннапалонных. Савецкія ваеннапалонныя не ўлічваліся ў статыстыцы лагера.

Са студзеня 1942 года ў канцлагеры пачалі праводзіцца першыя медычныя эксперыменты над вязнямі. Зняволеных інфіцыравалі сыпным тыфам, туберкулёзам і іншымі небяспечнымі захворваннямі для таго, каб праверыць дзеянне вакцын супраць узбуджальнікаў гэтых хваробаў. Захворванні перарасталі вельмі хутка ў эпідэміі з-за цеснаты ў бараках, нізкай гігіены, дрэннага харчавання, а таксама з-за таго, што гэтыя захворванні не лячыліся. Так, у канцы 1942 года ў самім Бухенвальдзе было 9517 вязняў, кожны трэці вязень памёр. У красавіку 1943-га ў блоку № 46 праведзена 13-я хваля медычных эксперыментаў над вязнямі, у выніку якіх больш за палову зняволеных памерлі пакутлівай смерцю.

Акрамя таго, у Бухенвальдзе са снежня 1943 года па кастрычнік 1944 праводзіліся эксперыменты па даследаванні эфектыўнасці розных ядаў. Падчас гэтых эксперыментаў зняволеным у ежу таемна дадаваўся яд. Усе эксперыменты дакументаваліся ў журнале назірання за пацыентамі.

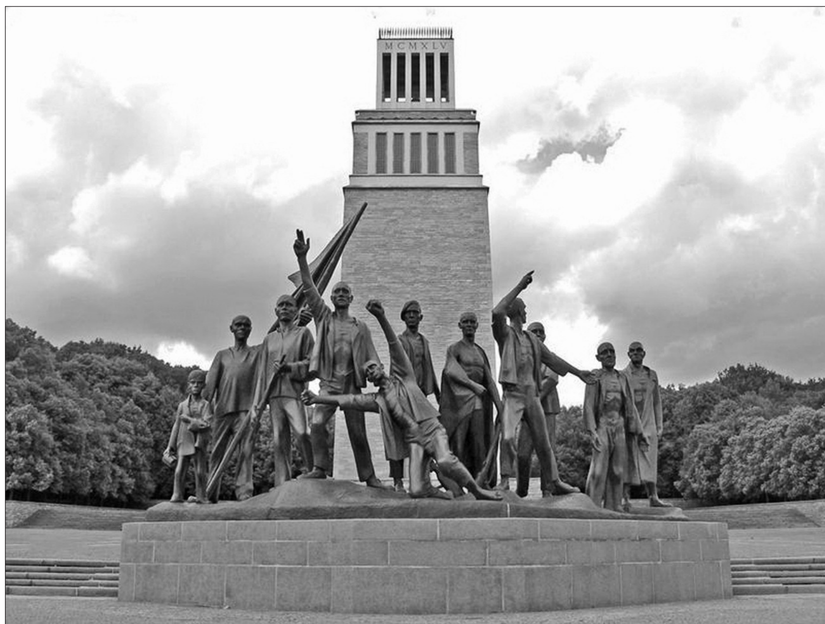
У 1943 годзе недалёка ад горада Нордхаўзен пабудаваны падземны працоўны лагер Дора, у якім выраблялісяракеты V2. На працягу першых шасці месяцаў там памерла 2900 вязняў. У канцы 1943 года ў лагеры было 37 319 чалавек, з іх 14 500 грамадзянаў СССР, 7500 грамадзянаў Польшчы, 4700 французаў і 4800 немцаў і аўстрыйцаў. Амаль палова з іх знаходзілася ў філіяльных лагерах.

У лютым 1945 года Бухенвальд стаў самым буйным лагерам смерці: у 88 філіялах канцлагера за калючым дротам знаходзіліся 112 тысячаў вязняў.

11 красавіка 1945 года ў лагеры пачалося ўзброенае паўстанне. Вязні абяззброілі і захапілі ў палон больш за 800 эсэсаўцаў і салдат аховы. 13 красавіка ў лагер увайшлі амерыканскія войскі.

За апошні год існавання ў лагеры памерлі 13 959 чалавек. Сотні знясіленых вязняў памерлі пасля вызвалення лагера.

У 1958 годзе ў Бухенвальдзе быў створаны мемарыял, у якім захаваны будынак крэматорыя, назіральныя вышкі, калючы дрот у некалькі радоў, брама з надпісам па-нямецку «Jedem das Seine» («Кожнаму сваё»).

Мемарыял у Бухенвальдзе

ШТОБА Пётр

Родился в пос. Копцевичи Петриковского р-на.
Бывший узник офицерского лагеря в Гамельбурге, концлагерей в Штуттгофе (Польша) и Бухенвальде (Германия).
Репрессирован, был узником ГУЛАГа.
Жил в г. Пинск.

Вернулся с того света и бесследно не исчез

Люди мира, на минуту встаньте…

Мой отец Ян Штоба — латыш. Мать — Цыбульская Ольга — украинка. Отца в конце 1920 года убили балаховцы. Мать осталась со мной на руках. Было очень трудное время. Через два года она вышла замуж за беженца из Пинска Колосовского Ивана. До получения паспорта, в школе, и я был Колосовским, а с получением — стал Штоба. Работал в Копцевичах на фанерном заводе «Звезда».

В 1939 году вступил в партию, и тогда же Петриковский райвоенкомат направил меня в Новгород-Волынское военное училище. В 1940 году все училища с запада были переведены на восток. Наше определили в город Ярославль, где 10 июня 1941 года состоялся выпуск. В звании лейтенанта был направлен в 466-й стрелковый полк (город Таураге, Литва) 125-й стрелковой дивизии Прибалтийского военного округа на должность командира пулемётной роты.

Дивизия до этого воевала в Финляндии, была довольно потрёпанная, ждала пополнения. Командиры и красноармейцы имели ордена и медали. 18 июня 1941 года дивизию поднимают по тре-

воге, и мы занимаем оборону на границе с Германией. В бинокли наблюдаем на немецкой стороне большое скопление и движение войск, техники. Ведутся приготовления и с нашей стороны, окапываемся в полный профиль — окопы, блиндажи. Но железобетонные доты ещё не закончены, самолёты на аэродромах разобрали на бронировку кабин.

Нанесённый 22 июня удар немецкой авиации, артиллерии и танков был настолько мощным, что наша оборона в течение суток, несмотря на упорное сопротивление, была парализована. Полк наш под командованием майора Гаринова на главном направлении отбивал атаку за атакой, но в конечном итоге, лишенные связи и поддержки, мы оказались в окружении и вынуждены были ночью отходить.

Днём с боями добрались до литовской границы. В районе станции Ионишкис заняли оборону. Противник намного превосходил нас по численности и вооружению. На перекрёстке дорог «заело» у бойца пулемёт. Я подполз, устранил неисправность. Немцы атакуют. Выпускаю три ленты. Приподнялся для осмотра и дальнейших действий и был ранен снайпером в голову. Упал, подскочил капитан, оттащил от пулемёта. Вскоре посыпались миномётные мины, осколками опять ранило в правую ногу и верхнюю губу. Очнулся в литовской больнице, на той же станции Ионишкис. У меня — перевязана голова и нога без сапога.

27 июня оказался в плену. Лежал вместе с немцами в больнице примерно двадцать дней. Раненого отвезли в полевой лагерь для военнопленных в город Тильзит, где уже находились командир полка, офицеры и красноармейцы нашей дивизии, попавшие в результате ранения в плен.

В сентябре нас погрузили в железнодорожные вагоны, отвезли в офицерский лагерь ХШО (Гамельбург), где мы контактировали со старшими офицерами и генералами. Каждый из нас готовился к побегу. В декабре немцы сформировали рабочую команду из сорока человек и направили в деревню Ирблах на ремонт дамбы реки Дунай. Мы пробыли здесь до лета 1942 года. Потом организовали побег в Чехословакию. Было нас четверо: капитан Казаков Петр, родом из Минска, лейтенант Клямов Николай из Тулумбазы

(Башкирия), лейтенант Шаповалов Николай из города Ош (Киргизия) и я.

На границе с Чехией меня ранил жандарм двумя выстрелами из ружья. Окровавленного, меня подхватили товарищи, оказали помощь, и мы двинулись дальше. Горы, лес, ледяные обрывы, снег… Убежать не удалось. Доставили нас в местную тюрьму, в распоряжение жандарма-капитана, прилично знавшего русский язык (в 1914 году был в русском плену).

Через месяц за нами прибыли четыре охранника и повезли в неизвестном направлении. На одной из станций в вагон вошла немка, фрау Кох Оттыле, которая зимой приносила в наш лагерь раненым медикаменты. Узнала нас. Охранники разрешили ей с нами поговорить. Она сообщила, что в деревне был зачитан приказ о нашем расстреле, и хотя она узнала, что нас везут под Нюрнберг на велосипедный завод, сомневается в этом и думает, что везут на расстрел. Перекрестила нас и на станции Ирблах сошла с поезда.

В новом лагере, где мы оказались, было сто сорок офицеров из харьковского окружения. От них мы узнали о поражении Паулюса под Сталинградом. Весной 1943 года совершаем второй побег втроём: лейтенант Клямов Николай, техник-лейтенант Корниенко Николай из Полтавы и я. У нас уже есть некоторый опыт, даже немецкие овчарки не брали наш след. По дороге мы переоделись, добрались до железнодорожного полустанка, забрались в воинский эшелон с танками, обложенными тюками сена (маскировка от самолётов). За пять суток без пищи и воды проехали всю Баварию и Пруссию. На границе с Польшей, на станции Лак, немцы пустили по эшелону овчарок…

Нас передали в жандармерию, в штрафной лагерь. После проверки направили к бауэру в Восточной Пруссии. Здесь проработал я до 26 октября 1943 года. Затем меня посадили в тюрьму в Кёнигсберге и переправили в лагерь Штуттгоф, присвоили номер узника 33235, из Штуттгофа перевезли в Бухенвальд (лагерный номер 50490). Попутчиком в эшелоне был узник Василевский Павел Антонович, ныне член правления Фонда взаимопонимания и примирения в городе Минске.

В Бухенвальде торопливо выпрыгиваем из тёмных, душных вагонов. Повагонно выстраиваемся. Вздрагиваем от резкого свиста плети и испуганного вскрика. Оказывается, запрещено смотреть по сторонам, оглядываться, разговаривать. Нас подводят к браме, на которой написано: «Каждому своё…» Политический концлагерь, отсюда не убежишь. Один выход — через трубу крематория.

Загоняют в баню. Большой чугунный чан, наполненный зеленовато-грязной жидкостью, источает ядовитый смрад. По очереди окунаемся в чан с головой, с подвыванием выскакиваем, бросаемся под горячую воду. После мытья голых по длинному коридору ведут в большое светлое помещение, перегороженное барьером. По ту сторону — стеллажи с аккуратно сложенной одеждой. На полу — куча глубоких деревянных колодок — обувь. По личным карточкам вызывают к прилавку, вручают одежду. Облачившись, не узнаём друг друга. Раздают по три комплекта красных матерчатых треугольников с латинской буквой «R» и по три номера на белых матерчатых лоскутах. Мой номер — 50490. Вначале попадаем в малый лагерь — карантинные бараки-блоки с четырёхъярусными нарами, разделёнными на клетки, с длинными столами и скамейками. Каждый блок обслуживают четверо-пятеро «штубендистов» и блоковый, немец-узник.

К нам, новеньким, подходят и знакомятся старожилы. Со мной познакомился Степан Бердников, разговорились, я поверил ему, рассказал о себе: офицер, трижды ранен, совершил два побега из лагерей военнопленных.

Через несколько дней после проверки по картотеке в политическом отделении гестапо, где работали подпольщики-политзаключённые, и ещё после многих проверок меня приняли в подполье, одним из руководителей которого и был Бердников. Вместе с ним возглавляли подполье Николай Фёдорович Кюнг, старший лейтенант, защитник Брестской крепости, до сих пор держу с ним связь, Бакланов Степан Михайлович, Дегтярёв Николай Максимович. В подполье обучал я узников сборке оружия, обращению с ним и применению, тактике ведения боя в лагерных условиях во время восстания. Вместе с Василием Азаровым выходили на

секретные задания Николая Кюнга. Знакомился, работал с новоприбывшими, готовил их к восстанию.

В условиях строжайшей конспирации готовили оружие, налаживали связь между блоками, отрабатывали тактику. Создавали штурмовые бригады. Я был назначен командиром одной из них, кроме русских в неё входили немцы, французы, поляки, югославы, чехи. Мы должны были уничтожить часовых с пулемётами на вышке, забросать гранатами и бутылками с зажигательной смесью эсэсовцев вокруг вышек и колючей проволоки, прорезать проходы и захватить склады с оружием.

Сигнал прозвучал 11 апреля. Около тысячи вооружённых подпольщиков напали на охрану. За час всё было окончено. Антифашистский комитет взял руководство лагерем, в котором находилось более двухсот тысяч узников, в свои руки. Трое суток держали оборону, пока не подошли войска союзников.

С приходом американских танков в Бухенвальд война для нас закончилась. 19 апреля 1945 года все, кто мог стоять на ногах, вышли с оружием в руках на «аппель-пляц». Вчерашние рабы почтили память погибших товарищей, склонив обнажённые головы. На трибуну поднялись руководители подполья, представители разных национальностей дали клятву верности и дружбы.

После митинга мы, вооружённые, двинулись на соединение с советскими войсками, прибыли в район Таргау. Здесь нас погрузили в железнодорожный эшелон, перевезли в Великие Луки, в лес, за колючую проволоку с вышками, — на спецпроверку в «СМЕРШ»… Меня восстановили в звании, должности и в ноябре 1945 года отправили в запас.

По прибытии на родину родителей не нашел. Они с 1943 года находились в партизанском отряде. После соединения с Красной Армией переехали в Пинск, здесь мы и встретились. Мать не верила своим глазам, щупала меня, обнимала, плакала от радости, что я жив, что вернулся с того света. В Пинске работали на фанерном заводе. Отчим умер в 1970 году, мать — в 1992-м, прожив девяносто два года. Умерли брат, 1923 года рождения, и сестра Лида, 1925 года рождения. Ещё жива и здорова сестра Нина, живёт в Бобруйске, хороший человек. Прошу у Бога ей здоровья.

Весной 1946 года меня арестовал НКВД, отправил в сталинские концлагеря — на Беломорканал, в Медвежьегорск, Карелия, сроком на семь лет. Причина: офицер-коммунист попал в плен. Когда умер Сталин, меня освободили с подпиской: никому ни слова. И в автобиографии — также никому ни слова… о пройденном тяжком пути.

Вот так и получилось, что большинство узников фашистских концлагерей, чудом уцелевших и выживших, бесследно исчезали в советских застенках. Я не исчез.

Газовая камера в нацистском концлагере Штуттгоф (Польша)

• Штутгаф •

(Konzentrationslager Stutthof)

Нацысцкі канцэнтрацыйны лагер, створаны на тэрыторыі акупаванай Трэцім рэйхам Польшчы, паблізу мясцовасці Штутава, за 37 км на ўсход ад Данцыга (Гданьска). Функцыянаваў з 2 верасня 1939 года па 9 мая 1945 года.

Лагер быў заснаваны ў якасці турмы для грамадзянскага насельніцтва. Праз два гады, 1 кастрычніка 1941 года, ён атрымаў статус «спецыяльнага лагера» і быў перададзены пад кіраўніцтва гестапа Данцыга. З 29 студзеня 1942 года і да канца Другой сусветнай вайны ён меў статус «канцэнтрацыйнага лагера 1-й ступені». Канцлагер Штутгаф меў вельмі складаную сістэму філіялаў і асобных аддзяленняў, колькасць якіх, у залежнасці ад крытэрыяў ацэнкі, вагаецца ад 39 да 110. Вязняў выкарыстоўвалі ў якасці дармовай рабскай сілы на нямецкіх прадпрыемствах Deutsche Ausrüstungswerke (DAW), Focke-Wulff, Gerhard Eppe. Найважнейшыя з іх месціліся ў Торуні і Эльблонгу.

З ліпеня 1944-га ў лагеры для знішчэння людзей пачалі выкарыстоўваць газавую камеру. 25 студзеня 1945 года кіраўніцтва лагера распачало эвакуацыю вязняў. Каля 11 600 чалавек пагналі на захад, у калонах па 1000–1500 чалавек, да кожнай з якіх было прыстаўлена па 40 наглядчыкаў. Калоны ішлі дзесяць дзён на марозе –20°, амаль без ежы, на адлегласці каля 7 кіламетраў адна ад адной. Каля 3 тысячаў вязняў-яўрэеў эсэсаўцы расстралялі на ўзбярэжжы Балтыйскага мора. На 30 студзеня 1945 года ў лагеры заставалася 33 948 зняволеных, у тым ліку на тэрыторыі канцлагера Штутгаф — 11 863 і 22 085 — у філіялах лагера. 25 красавіка пачалася эвакуацыя астатніх вязняў марскім шляхам, яна ахапіла каля 3300 зняволеных. 27 красавіка з лагера нацысты эвакуявалі апошнюю партыю вязняў — каля 1000 чалавек, і канцлагер фактычна перастаў існаваць.

9 мая 1945 года на тэрыторыю канцэнтрацыйнага лагера Штутгаф увайшлі салдаты 48-й арміі 3-га Беларускага фронту.

За гады вайны ў гэты лагер патрапілі больш за 110 тысяч зняволеных з 26 краінаў, з якіх 49 тысяч былі жанчыны і дзеці. Каля 65 тысяч вязняў канцлагера Штутгаф загінулі.

Акрамя медычных эксперыментаў, гэты лагер набыў страшную вядомасць вытворчасцю мыла з чалавечых целаў.

У 1962 годзе на тэрыторыі былога канцлагера створаны Дзяржаўны музей «Штутгаф», у які ўваходзіць частка захаваных будынкаў і абсталявання, узведзены таксама помнік у памяць пра ахвяры канцлагера.

САХАРЕВИЧ Любовь Лаврентьевна
Родилась в 1931 году в д. Майское Жлобинского р-на Гомельской обл. Бывшая узница концлагерей Аушвиц (Освенцим, Польша), Дессау (Германия) и Маутхаузен (Австрия). Проживает в г. Столин.

Нас гнали перед собой

Родилась я 1 января 1931 года в д. Майское Жлобинского района Гомельской области в семье колхозников.

До начала войны окончила три класса Майской средней школы. Во время войны жила с родителями в родной деревне. Родители работали в сельском хозяйстве.

Мой брат, 1920 года рождения, в 1940 году был призван в армию и погиб в августе 1944 года.

Второй брат, участник и инвалид войны, умер в 1997 году. А третий, 1929 года рождения, пропал во время войны.

В декабре 1943 года немцы, отступая, сожгли почти всю нашу деревню, а нас погнали перед собой. Меня и других малолетних детей схватили и отдельно от родителей увезли в Красный Берег. Там нас погрузили в товарняки, и мы очутились в Освенциме. После проверки отобрали здоровых и повезли в Германию, сначала в Дессау, потом — в Маутхаузен. Там мы жили в бараках и работали на военном заводе.

Освободили нас американские войска и передали в советскую зону. До середины августа 1945 года мы находились в воинской части. Офицеры этой части привезли нас в детский дом городка Будслав. В сентябре этого же года меня доставили домой на Гомельщину.

В 1950 году я окончила восемь классов, потом училась в Гомельском финансово-экономическом техникуме. После его окончания была направлена в Столинский район. На финансовой работе отслужила более тридцати лет.

Муж мой — участник и инвалид Великой Отечественной войны. Мы с ним вырастили и воспитали трёх дочерей.

Детский мемориал в концентрационном лагере Маутхаузен

• Маўтхаўзен •

(Konzentrationslager Mauthausen-Gusen)

Нацысцкі канцлагер каля горада Маўтхаўзен (за 20 км ад Лінца) у Аўстрыі існаваў у 1938–1945 гадах. Быў створаны паблізу самага вялікага гранітнага кар'ера ў Аўстрыі Wiener Graben. Маўтхаўзен па праву лічыцца адным з самых страшных канцлагераў Трэцяга рэйху.

Канцлагер уяўляў сабою сістэму, якая складалася з галоўнага лагера і 49 філіялаў, раскіданых па ўсёй тэрыторыі Аўстрыі. Гузен — самы вялікі філіял, які знаходзіўся за 5 км ад галоўнага лагера і меў свае тры лагеры. Ён быў створаны для працы зняволеных на нямецкіх заводах па вытворчасці зброі (частка іх была створана пад зямлёй). Умовы працы на гэтых ваенных заводах былі асабліва цяжкімі і знясільваючымі. Для рабскай працы на гэтых прадпрыемствах найбольш выкарыстоўвалі грамадзянаў СССР і Польшчы (у тым ліку з Заходняй Беларусі).

З лютага 1942 года ў Маўтхаўзене запрацавалі крэматорыі. Першымі ахвярамі, знішчанымі ў ім, сталі савецкія ваеннапалонныя.

У 1944 годзе барак № 20 быў абнесены асобнай каменнай сцяной. Гэты барак называўся «Блокам смерці». Туды адпраўлялі пераважна савецкіх вязняў, якія рабілі спробы ўцёкаў з лагераў ваеннапалонных. «Блок смерці» выкарыстоўваўся як трэніровачны лагер для падрыхтоўкі элітных атрадаў СС. Вязні выконвалі ролю «мяса» для біцця і здзекаў. Пазней такая практыка была пашырана на ўсю тэрыторыю лагера. У любы час у барак мог уварвацца атрад эсэсаўцаў і забіць колькі заўгодна зняволеных. Кожны дзень у лагеры гінула больш за дзесяць чалавек. Калі «норма» не выконвалася, гэта азначала, што на наступны дзень вязняў чакаюць яшчэ большыя зверствы.

У ноч з 2 на 3 лютага 1945 года савецкімі афіцэрамі з «Блока смерці» былі здзейснены масавыя ўцёкі. У спецаперацыю па паляванні на ўцекачоў былі ўключаныя ўсе мясцовыя падраздзяленні СС, Вермахт, Гітлерюгенд і мясцовае насельніцтва.

У верасні 1944 года ў Маўтхаўзене быў адкрыты таксама жаночы лагер, у які перасланы шмат жанчын з Равенсбрука, Берген-Бельзена, Грос-Розена і Бухенвальда. Увесну 1945 года ў Маўтхаўзен «маршамі сьмерці» былі эвакуяваныя шмат зняволеных з Аўшвіц-Біркенаў.

Паводле стану на канец сакавіка 1945 года, колькасць непаўналетніх зняволеных галоўнага лагера ў Маўтхаўзене

павялічылася да 15 048 (усяго ў лагеры тады было 78 547 чалавек), што складала 19,1% ад усіх вязняў.

5 мая 1945 года вязняў канцлагера вызвалілі амерыканскія войскі. Частка ахоўнікаў-эсэсаўцаў да гэтага часу ўжо пакінула лагер, а над астатнімі былыя зняволеныя ўчынілі публічны самасуд.

Вязнямі канцлагера Маўтхаўзен былі каля 335 тысяч чалавек; у ім пакарана смерцю больш за 122 тысяч чалавек (з іх — звыш 32 тысяч былі савецкія грамадзяне).

У 1949 годзе тэрыторыя канцлагера Маўтхаўзен была абвешчана нацыянальным мемарыяльным музеем. У лютым 1948 года ў Маўтхаўзене быў устаноўлены помнік Дзмітрыю Карбышаву. 3 мая 1975 года канцлер Аўстрыі Бруна Крайскі афіцыйна ўрачыста адкрыў музей Маўтхаўзена.

Былы канцлагер Маўтхаўзен у Аўстрыі

КИРИЛЮК (Павлова)
Инесса Николаевна
Родилась в 1938 году в Минске.
После расстрела матери за связь с подпольем осталась сиротой; вывезена с родственниками в Германию.
Проживает в Бресте.

Пятилетняя узница выжила!

Я, Кирилюк Инесса Николаевна (девичья фамилия — Павлова), родилась в г. Минске 31 июля 1938 года. Моя мама, Анна Васильевна, работала в ЦК ЛКСМБ в отделе народного образования, папа — Николай Иванович — дипломат, до войны работал за границей.

Война застала нас с мамой на даче, мы успели вернуться в город, но выехать из Минска не смогли, так как его уже бомбили, и он был оккупирован немцами в первые же дни войны. К нам переехали жить две маминых сестры: Ирина, у которой немцы заняли квартиру, и Мария с дочерью Ирой (1935 г. рожд.), квартира которых была разбомблена.

Тем временем коммунисты, не успевшие уйти на фронт, начали приходить в себя и создавать подпольные группы по борьбе с фашистами, привлекая в них коммунистов и комсомольцев, оставшихся в городе. В одну из таких групп была вовлечена и моя мама. Командиром спецгруппы был Минаков, что подтверждено сведениями из официальных документов. В январе 1944 года во время облавы по городу в комендантский час был схвачен немцами один из работников спецгруппы, который оказался трусом и стал называть известные ему фамилии. Моя мама оказалась в этом списке. Приехали гестаповцы на двух легковых автомоби-

лях, в доме перерыли всё вверх дном, никаких улик не нашли, но маму увезли на машине в гестапо, а немцы из другой машины остались в нашей квартире в засаде.

Куда бы ни пошли сёстры мамы, в магазин или на рынок, агенты шли следом, надеясь уличить их в контакте с кем-нибудь из связных.

Наконец пришла наша очередь: сестёр мамы арестовывают, а меня с двоюродной сестрой Ирой отправляют в детдом, где мы очень быстро поняли, что значит остаться без родителей. За малейшее нарушение порядка немка-надзирательница била тонкой плёткой и ставила на колени. Два раза в день давали по шарику картофельному, напоминающему теннисный мячик, и стакан мутного чая.

На свободе оставалась ещё одна сестра мамы, которая жила в другом районе города с двумя детьми. Она решила любой ценой выкупить нас из детдома — за золото и кольцо ей это удалось.

А через два дня всех детей из нашего детдома вывезли в Тростенец и сожгли (в материалах Хатыни это увековечено). Так мы с сестрой выжили в первый раз. Сосед тёти узнаёт, что дети подпольщиков живут рядом, и доносит на нас. Снова арест, и нас бросают в тюрьму на ул. Володарского, где находились наши родные. Там мы узнаём, что моей мамы уже нет в живых (из гестапо живыми не уходят).

Советские войска наступают, а немцы тем временем начинают «сворачивать свою деятельность» и сортировать людей из тюрьмы: кто-то подлежит уничтожению, кого-то отправляют в Германию. Нам чудом удалось избежать газовой камеры. Сестра моей мамы, Ирина, выдаёт меня за свою дочь (своих детей у неё не было), нас включают в списки увозимых в Германию. Так мы попадаем «з агню ды ў полымя»: сначала нас вывозят в Кёнигсберг, а затем в товарных эшелонах дальше, в Германию. Так я в пять лет стала узницей фашизма.

Привезли нас в лагерь, опоясанный колючей проволокой в два ряда с вышками, охраняемый немцами с собаками, где стояли бараки, в которых отдельно разместили детей, женщин и мужчин (людей разных национальностей: русских, чехов, поляков), с на-

рами в два этажа. Лагерь находился у железной дороги. Я не могу точно назвать это место, так как в нашей семье взрослые держали рты «на замке» по возвращении на Родину, но на слуху — Маутхаузен, Платтлинг. Город уже часто бомбили, особенно железнодорожные узлы, их бесконечно восстанавливали люди из лагеря.

Самые тяжёлые и страшные моменты навсегда отложились в моей памяти. С детьми постоянно работал доктор, нас уводили в отдельно стоящий дом, мыли, одевали в белое, клали на столы и брали кровь. Давали что-то напоминающее большую таблетку, которую надо было сосать, когда брали кровь, а нашу одежду прожаривали в специальной камере и дезинфицировали.

Кормили в лагере очень скудно (запомнилась только баланда), мы голода со временем уже даже не ощущали, ноги были стёрты в кровь деревянными колодками.

Потом у меня по всему телу пошли болячки. Такое было у многих детей.

Летом и осенью было легче, но зиму еле пережили. В бараке холод стоял ужасный, а одеты мы были в легкие одежды, волосы острижены наголо. Мамы, если им это удавалось, подбегали к нам и совали картофелину или кусочек хлеба, отрывая от себя. Когда-то наши мамы были нарядными красавицами, а теперь мы едва узнавали друг друга. Дети умирали очень часто, их выносили из барака в неизвестном направлении, так же как узников из других бараков и тех, кто бросался от отчаяния на колючую проволоку, которая была под током.

И вот наступил 1945 год. Город всё время бомбили. Когда мы слышали нарастающий гул самолётов и пули летели со свистом вокруг нас — прятались под нары. Наконец-то в апреле пришла свобода. Нас освобождали союзные войска США. Тогда я впервые увидела негра-американца. Он взял меня на руки, посадил на колени и совал мне шоколад и печенье, а по щекам его текли слёзы. Но я так его боялась, что тоже расплакалась.

Мы были наконец-то со своими мамами, которые нас крепко прижимали к себе и все время целовали и плакали.

После освобождения нас привезли в Чехословакию. Я была вся в болячках, мне было очень больно и страшно. Тётя не отходила

Освобождённые из фашистского концлагеря Аушвиц дети

от меня, думала, что я умру. Чехи очень тепло относились к нам, хотя пережили оккупацию фашистами: приносили одежду, еду, игрушки, пока мы ждали своей очереди возвращения на родину.

Нам нелегко пришлось и по возвращении домой. Вернувшись в Минск, мы узнали, что наша квартира занята чужими людьми, которые не собираются её освобождать, и мы поселяемся у тёти, той, которая нас спасла из детдома. Приходилось переживать косые взгляды соседей, оскорбления, боязнь детей подходить к нам, неприятие властей — всё это было.

Послевоенное детство тоже было тяжелым. Я осталась круглой сиротой (мама замучена в гестапо, папа тоже погиб). Мою вторую маму на работу никуда не брали, так как она была в Германии, официально удочерить она меня не могла, но стала моим опекуном. Мама меняла привезенные из Германии и Чехии вещи

на продукты, мыло, соль, керосин, спички, обучала музыке детей офицеров из военного городка, который был рядом с нами.

В дальнейшем судьба стала к нам более благосклонна. Наконец-то нам оформили документы, и мы стали с мамой жить на две пенсии, которые мне платили за погибших родителей. На меня стали давать паёк и гуманитарную помощь от союзников. Учитывая, что мои родители геройски погибли за Родину, белорусское правительство возвратило нам нашу квартиру. Каждый год на всё лето меня отправляли в лучший санаторный лагерь «Раубичи». Я была в «Артеке» в 1951 году.

В 1947 году вернулся из ГУЛАГа (Колыма) муж моей второй мамы. До войны он работал в ЦК КПБ вместе с Червяковым и был осужден в 1937 году на 10 лет по доносу якобы за шпионаж и сокрытие своего социального происхождения (он латыш, из семьи буржуа). Он стал моим вторым папой. Они меня очень любили, и я им платила той же любовью. В 1956 году папу реабилитировал Хрущёв, возвратили ему все регалии, партбилет и дали денежную компенсацию за 10 лет каторги.

И всё-таки, наверное, я родилась под счастливой звездой, потому что столько раз находилась между жизнью и смертью, но ВЫЖИЛА! Наши с Ирой мамы так и не дожили до того времени, когда наконец-то вспомнили об узниках концлагерей, о тех, кто прошёл этот ад и выжил, и заговорили с великой болью о злодеяниях фашистов, особенно в отношении малолетних узников. Время неумолимо проходит, но пережитое забыть невозможно, это навсегда осталось в памяти.

КОРОЛЬ Евгений Ильич
До войны жил в г. Ковель (Украина).
С родителями был вывезен на принудительные работы в трудовой лагерь возле г. Линц (Австрия), один из филиалов концлагеря Маутхаузен.
Проживает в Бресте.

Вывезенные в рабство

Накануне Великой Отечественной войны мы жили в Ковеле на Волыни. Я был мал, но помню субботу 21 июня 1941 года. Лето. Вечереет. Взрослые, сидя на крыльце, с недоумением обсуждают безнаказанные дневные полёты немецких самолётов над городом, загоняют детей спать. Просыпаюсь с тревожным ощущением, выглядываю в окно. Вижу, как по шоссе двигаются солдаты в незнакомой серой форме.

Ещё помню, как немецкий солдат в развилине ветвей яблони укладывает винтовку и стреляет в мимо проходящих ничего не подозревающих людей. Тяжело ранит священника.

Лучше помнится январь 1944 года. Советская конница продвинулась от Сарн до Луцка, идёт на Ковель. Ковель — крупный железнодорожный узел, где пересекаются линии на Варшаву, Берлин, Киев, Брест. Немецкое командование делает всё возможное, чтобы не отдать город. На улицах и площадях в спешном порядке строятся оборонительные сооружения, зарываются в землю танки. Во многих дворах вырыты окопы и траншеи. Немецкие солдаты хозяйничают в полную силу, выгоняют жителей из домов, занимают свободные здания, проводят облавы, беспощадно убивают мирных жителей. Многих вывозят в рабство на Запад, в том числе и нашу семью из села Шайны. Куда везут — никто не знает. Наконец наш эшелон застревает в Варшаве. Пошёл слух,

что впереди разбомбили путь. Жутко было смотреть, как под свет ракет бомбят крупный польский город. В июне 1944 года мы попадаем на север Австрии в город Линц. Нас загоняют в какой-то санпропускник, принуждают раздеться. Груды одежды. Загоняют в какое-то бетонное помещение. Внезапно всех обдают какой-то синей вонючей жидкостью. Затем включается невыносимо холодный душ. Вследствие «купания» многие потом заболевают. Заболевает и наш папа. Мы, дети, молились о его выздоровлении. Но тщетно.

Вскоре мы попадаем в городок Бармус, недалеко от Линца, в концентрационный трудовой лагерь за колючей проволокой, в приземистые бараки. В бараках — нары. Кормят брюквенной похлёбкой. Все взрослые пронумерованы. «Железнодорожное новое строительство» — так именуется объект, на котором работают узники. Чувствуется приближение окончания войны. Режим смягчается. В день какого-то юбилея Гитлера малолетки получают «подарки» — картофельную кожуру, приправленную молоком. В апреле 1945 года охрана незаметно исчезла. Лагерный люд предоставлен сам себе. Мама ходит с торбой, попрошайничает. Австрийские жители не отказывают. Случайно обнаруживается склад витаминов, и масса людей громит складские помещения. В гофрированных цилиндриках — таблетки диаметром около 15 сантиметров. Это наша немалая радость.

Вскоре на территории лагеря появляется американский «Виллис». За рулём — огромный негр. Бывшие узники окружают машину. Молчат. Молчит и водитель. Никто не знает английского языка. В тишине проходит минут десять. Шофер нажимает на газ и разворачивает автомобиль. Уехал. Потом появляются ещё «студабекеры» с американскими солдатами.

Свершилось. Вермахт разгромлен. Депортированным оказывается гуманитарная помощь. В бывшем лагере снуют вербовщики, уговаривают уезжать в Канаду, Австралию, Америку. Пугают Сибирью. Мы принимаем решение: только на Родину.

Советский фильтрационный пункт. Относительно нас компрометирующих данных нет. Кто пособничал немцам, того отправляют в ГУЛАГ. Наша семья распадается. Дядю призывают в

ряды Красной Армии, мы просимся в Брест. Там наша бабушка, коренная брестчанка. Но вот мама уходит за кипятком и отстаёт от состава. Нас, троих детей, ссаживают на перрон. Я — самый старший. Сестра всхлипывает, я растерян. Но, к счастью, вскоре появляется наша мама: догнала вслед идущим поездом. Несколько дней мы провели в заброшенном монастыре. С благодарностью вспоминаются безымянные люди, приютившие, окружившие нас заботой и вниманием.

НІКІЦІНА (Разанава) Любоў Сцяпанаўна
Нарадзілася ў 1942 годзе ў в. Сялец Бярозаўскага р-на.
Разам з маці была арыштавана, знаходзілася
сярод смяротнікаў у турме ў г. Бяроза.
Жыве ў г. Бяроза.

Яўген СЯЛЕНЯ

З самага краю брацкай магілы

(Лёс бацькоў і сястры паэта Алеся Разанава)

Маці вядомага беларускага паэта Алеся Разанава Надзея Іванаўна Крыпан нарадзілася ў 1912 годзе ў вёсцы Задор'е Плешчаніцкага (цяпер Лагойскага) раёна Мінскай вобласці ў сялянскай сям'і. Пасля заканчэння медыцынскага тэхнікума працавала ў Мінску. («Яна цудоўная сястра», — напісаў пра Надзею Крыпан у адной характарыстыцы, што захавалася да нашых дзён, славуты на ўсю Беларусь доктар Яўген Клумаў.) Пасля далучэння Заходняй Беларусі была накіравана ў армейскі шпіталь у Бярозу. Пасля таго, як Надзея ўладкавалася на новым месцы, да яе прыехалі маці Сцепаніда з малодшай дачкой Таняй, якая тут пайшла ў школу. Сярэдняя з траіх сясцёр Крыпан — Аня — вучылася ў Мінску, а з пачаткам вайны дабралася ў Бярозу, да сваіх.

Бацька паэта — ураджэнец Тамбоўшчыны, Сцяпан Іванавіч Разанаў, нарадзіўся ў сялянскай сям'і ў сяле Вялікая Ржакса Ржаксінскага раёна. У 1929 годзе яго сям'я ўступіла ў арганізаваны ў сяле калгас «Сталь», а дзевятнаццацігадовы Сцяпан быў абраны членам праўлення гэтай калектыўнай гаспадаркі. У 1930 годзе ён з'ехаў у Маскву, дзе быў прыняты на фабрыку «Красная ра-

ботница». Там ён працаваў да прызыву ў 1933 годзе ў Чырвоную Армію. Пасля завяршэння вайсковай службы вярнуўся ў Маскву і з сакавіка 1936 года служыў у 3-м стралковым атрадзе чыгуначнай аховы імя Ф.Э. Дзяржынскага. Са студзеня 1939-га па снежань 1940-га — загадчык гаспадаркі ў трэсце «Мосинд-одежда». Далей — вучоба на курсах на бурыльнага майстра і камандзіроўка ў Заходнюю Беларусь. Накіравалі Сцяпана Разанава ў ваенны гарадок Слабудка Пружанскага раёна Брэсцкай вобласці, дзе ён пачаў працаваць зменным буравым майстрам.

Потым была вайна, якая перавярнула і знявечыла лёсы мільёнаў людзей. Многае давялося перажыць і бацькам паэта Алеся Разанава. Але менавіта трагічныя падзеі вайны дазволілі сустрэцца і назаўжды звязаць сваё жыццё Сцяпану Разанаву і Надзеі Крыпан.

У першы ж дзень вайны нямецкія самалёты нанеслі бомбавыя ўдары па Чырвоных казармах у Бярозе, дзе размяшчаліся падраздзяленні 205-й матарызаванай дывізіі, і па іншых важных аб'ектах, разбамбавалі яшчэ не дабудаваны аэрадром «Рыбнікі» (які з паваеннага часу носіць назву «Асаўцы»). І ўжо 22 чэрвеня ў ваенна-палявы шпіталь № 847 паступілі першыя параненыя, а ў горадзе адбыліся пахаванні забітых чырвонаармейцаў і мірных жыхароў. У той дзень, як распавядаюць яшчэ жывыя сёння сведкі, тыя, каму давялося займацца параненымі, хадзілі «па калені ў крыві».

Пасля аказання дапамогі параненым персанал шпіталя спрабаваў сысці на ўсход разам з адыходзячымі армейскімі групамі, але з гэтай задумы нічога не атрымалася. Большасць працаўнікоў шпіталя, у тым ліку і Надзея Крыпан, вярнуліся ў Бярозу і сталі выконваць свае прафесійныя абавязкі ў акупаваным горадзе.

У ліку аб'ектаў, на якія той нядзельнай раніцай пасыпаліся фашысцкія бомбы, апынуўся і ваенны гарадок у Слабудцы. Менавіта тут атрымаў тады асколачнае раненне ў шыю буравы майстар Сцяпан Разанаў, які займаўся свідраваннем артэзіянскіх свідравін. І ўжо праз некалькі дзён, адыходзячы на ўсход, каля Бярозы, ён апынуўся ў групе палонных. Немцаў насцярожыла яго чорная форменная адзежа з рамянём, а таксама адрозная ад мяс-

цовага насельніцтва стрыжка. І яны чамусьці прынялі Разанава за камісара, а з гэтай катэгорыяй савецкіх вайскоўцаў у фашыстаў гутарка была кароткая — расстрэл. Іх ужо прывялі да месца, дзе гэта і павінна было адбыцца. Але непадалёк абазваўся кулямёт, і гэта адцягнула ўвагу канваіраў, чым і скарыстаўся Сцяпан — ён сігануў у высокае жыта, каля якога спынілі палонных, і ўдала ў ім схаваўся. Чэргі, якія прагрымелі ўслед, не прычынілі ўцекачу ніякай шкоды.

Ён дабег да самой Бярозы, забег на чыйсьці падворак і, выхапіўшы ў гаспадара гачку, пачаў замест яго абрабляць агарод. «Ты мне пасёк ўсе буракі», — наракаў потым гаспадар. У яго і затрымаўся на некалькі дзён уцякач. А калі лінія фронту адсунулася на ўсход, вырашыў наведацца ў былы ваенны шпіталь, дзе яму апрацавалі рану, якая выявілася не цяжкай. У сувязі з недахопам дапаможнага персаналу Разанаву прапанавалі працу санітара. У яго становішчы асаблівага выбару не было, і ён пагадзіўся, бачачы ў гэтым магчымасць вычакаць, а затым зарыентавацца ў сітуацыі. Дзякуючы такому збегу акалічнасцяў адбылася сустрэча Надзеі Крыпан і Сцяпана Разанава. І яна ў іх лёсе сталася знакавай — маладыя людзі сталі мужам і жонкай, нягледзячы на ўсю складанасць і непрадказальнасць будучыні, якая іх чакала.

Яны працягвалі працаваць у цяпер ужо грамадзянскай лякарні. Якім чынам, праз каго менавіта на сувязь з імі выйшлі партызаны, цяпер, на жаль, практычна ўстанавіць немагчыма. Але тое, што, натхнёныя пачуццём доўгу, яны здолелі перадаваць у лес медыцынскія матэрыялы і лекі, — факт бясспрэчны. Яны, вядома, разумелі, што ходзяць на краі прорвы, але паступіць па-іншаму проста не маглі.

Ад Свінэмюндэ да Маўтхаўзена

Так працягвалася да красавіка 1942 года. З прыходам вясны Сцяпан вырашыў, што яму трэба пераходзіць да больш актыўных дзеянняў супраць акупантаў, дзеля чаго неабходна сысці ў лес, да партызанаў. Па неасцярожнасці падзяліўся гэтымі думкамі ў сваім

Сцяпан Разанаў. Свінэмюндэ. 1943 г. Фота з сямейнага архіва А.С. Разанава

асяродку, пасля чаго на наступны дзень быў арыштаваны. Здавалася — канец. Аднак немцы, мабыць, не вельмі паверылі даносчыку, а можа, проста вырашылі, што гэты здаровы мужык можа яшчэ паслужыць рэйху, і адправілі Разанава ў Паўночную Нямеччыну на прымусовыя работы, дзе былы санітар быў прызначаны на працу да баўэра. Сцяпан вырас у сельскай мясцовасці і таму быў звыклы да сялянскай працы, але гнуць спіну на немца ў яго не было ніякага жадання, што гаспадар заўважыў, і адмовіўся ад такога рускага. Пасля гэтага мясцовыя ўлады адправілі Сцяпана Разанава ў горад Свінэмюндэ, што на Балтыйскім узбярэжжы.

Разанава прызначылі ў Свінэмюндэ рабочым на завод, які выпускаў грозную марскую зброю — тарпеды. Майстрамі на заводзе былі немцы, а асноўную работу выконвалі прадстаўнікі многіх еўрапейскіх краін, акупаваных Нямеччынай. Менавіта такая сітуацыя вызначала працоўны рэжым на гэтай вытворчасці, і ў работнікаў па спецыяльнаму дазволу была магчымасць выходзіць у горад. Падчас аднаго такога выхаду, які атрымаў Сцяпан Разанаў, ён змог сфатаграфавацца ў мясцовага фатографа. Дзякуючы гэтаму захаваўся здымак, датаваны 1943 годам, які быў пасланы ў Бярозу Надзеі Крыпан.

Аднак такі дабрабыт быў уяўным. Рабочыя ўпотай чынілі супраціў фашысцкаму рэжыму. Ім кіравала падпольная арганізацыя, у ядро якой уваходзіў і Сцяпан Разанаў. Падпольшчыкі паставілі перад сабой задачу выпускаць тарпеды з такімі дэфектамі, каб яны не выбухалі пры дасягненні мэтаў — баявых караблёў ці іншых судоў markрознага прызначэння. І гэтыя шасціметровыя серабрыстыя «цыгары» з зарадамі велізарнай магутнасці нярэдка паглыналі марскія глыбіні. Так працягвалася да таго часу, пакуль у працоўны асяродак не трапіў здраднік, пасля чаго за справу ўзялося гестапа.

Здарылася гэта ў 1944 годзе. Цяпер, без вывучэння неабходных дакументаў, цяжка сказаць, як дзейнічала падполле, ці былі ў яго нейкія сувязі з іншымі арганізацыямі Супраціву і якімі «аўсвайсамі» яно карысталася, але яшчэ ў тым жа 1944 годзе Сцяпан Разанаў наведваў забраных у Германію Таццяну і Ганну — сясцёр Надзеі Крыпан, якія працавалі ў баўэра ў раёне Шчэціна.

Былі допыты, катаванні, але найбольш пакутліва было пераносіць нічым не спатоленую смагу. «Пясчаны пошап смагі» — так вельмі ёміста назаве гэтае знясільваючае катаванне сын Сцяпана Разанава Алесь у «Паэме запаленых свечак», напісанай пад уражаннем аповедаў бацькі ў 1980 годзе. У сваіх аповедах Сцяпан Разанаў падкрэсліваў, што ён тады і сам не разумеў, адкуль браліся сілы вытрымаць, выстаяць, нікога не выдаць. Здавалася яму, што аднекуль звыш прыходзіла духоўнае заспакаенне.

* * *

Вытрымаў, выдужаў Сцяпан Разанаў. Але загрымеў-такі ў размешчаны каля Патсдама канцлагер Заксенхаўзен, які для яго стаў толькі перавалачна-сартавальным пунктам. Канчатковым жа месцам яго далейшых нечалавечых выпрабаванняў быў адзін з самых страшных нямецка-фашысцкіх канцлагераў — Маўтхаўзен. Менавіта тут у 1945 годзе прыняў пакутніцкую смерць савецкі ваенны інжынер, выдатны навуковец-фартыфікатар генерал Дзмітрый Міхайлавіч Карбышаў (у люты мароз голага чалавека палівалі вадой са шланга датуль, пакуль ён не ператварыўся ў ледзяную груду). «Менавіта ў Маўтхаўзене, — пазней казаў Сцяпан Разанаў, — я спазнаў, якімі нелюдзямі могуць быць людзі». Але нават там, здавалася б, у неймаверных умовах, былі сапраўдныя барацьбіты з фашызмам, якіх не маглі зламаць самыя жорсткія катаванні і здзекі. І хоць там працаваў бесперапынны канвеер смерці, людзі розных нацыянальнасцяў стварылі групу супраціву. Да тых, хто заставаўся ў жывых, прасочваліся радасныя паведамленні пра становішча на франтах, пра пераможны наступ Савецкай Арміі і саюзнікаў. У зняволеных у лагеры як бы

і не было імёнаў і прозвішчаў — іх называлі па нумарах. І вось падпольшчыкі паведамілі, што на наступную раніцу падлягае адпраўцы ў крэматорый нумар N. Менавіта гэты нумар насіў Разанаў. І тут жа новае паведамленне: памёр француз з нумарам вось такім, трэба хутка абмяняцца нумарамі жывому з мёртвым… Так да Сцяпана прыйшло выратаванне, і ён апынуўся ў ліку тых шчасліўцаў, якія былі вызвалены з канцлагера войскамі нашых саюзнікаў.

Маці з дачушкай Любай у час акупацыі

…Надзея Крыпан, якая ўжо чакала дзіця, пасля арышту мужа доўга нічога не ведала пра яго лёс. Затым яна са сваёй маці Сцепанідай перабралася ў Сялец, дзе пасялілася ў хаце ксяндза, які з’ехаў у 1939 годзе ў Польшчу. Там у той час у школе размяшчаўся паліцэйскі ўчастак, дзейнічала — назавём яе так — участковая лякарня. У ёй і стала працаваць акушэрка Надзея Крыпан. Яна была незаменным чалавекам для парадзіх не толькі ў Сяльцы, але і ў навакольных вёсках і шматлікіх па тым часе хутарах. Больш пешшу, а часам на падводзе, што прыязджала па яе, яна дабіралася ў любую пару года і ў любы час туды, дзе патрабавалася яе дапамога. Была яна і акушэркай, і бабкай-павітухай, а ў іншых выпадках і хроснай маці. А ў лістападзе 1942-га Надзея Крыпан і сама стала маці — яна нарадзіла дзяўчынку, якой далі ласкавае імя Люба, Любачка. Але і да родаў, і пасля іх Надзея Крыпан, выкарыстоўваючы сваю магчымасць перамяшчэння па вёсках, увесь час падтрымлівала сувязь з партызанамі. Добра вядомы на Пружаншчыне, ды і сярод былых партызанаў і падпольшчыкаў Бярозаўскага раёна Уладзімір Касьянавіч Гузаў, які ў шэрагах народных мсціўцаў знаходзіўся з ліпеня 1941 года, 19 кастрычніка 1984 года напіша: «Пацвярджаю, што Крыпан Надзея Іванаўна была сувязной партызанскага атрада імя Кірава брыгады імя Панамарэнкі Брэсцкага злучэння з ліпеня месяца 1943 года па ліпень 1944 года. Будучы сувязной, Крыпан Н.І. перадавала ў атрад імя Кірава медыкаменты, перавязачны матэрыял для параненых партызанаў. Крыпан Н.І. мела сувязі з падпольнай арганізацыяй у в. Скорцы,

дастаўляла медыкаменты ў арганізацыю, а адтуль іх атрымлівалі партызаны. У падпольнай арганізацыі Крыпан атрымлівала ўлёткі пра становішча на франтах і распаўсюджвала сярод насельніцтва ў в. Сялец».

Надзея Крыпан з маці Сцепанідай і дачкой Любай. Сялец. 1943 год. Фота з сямейнага архіва А.С. Разанава

Зразумела, маладую жанчыну што ні крок падсцерагала небяспека. Але бяда прыйшла наогул адтуль, адкуль яе не чакалі. Пасля забойства партызанамі пастаўленага нямецкімі ўладамі камендантa вёскі Малеч Аўгусціновіча пракацілася хваля арыштаў, якая дайшла і да Сяльца. Мабыць, у чымсьці была западозраная і Надзея Крыпан, якую таксама арыштавалі і разам з гадавалай дачкой Любай адправілі ў Бярозу для наступнага этапавання на фабрыку смерці на Броннай Гары. Рыхтуючы сваю крывінку ў апошні шлях, Надзея, заліваючыся слязьмі, паспела яе прыбраць ва ўсё самае лепшае, што было ў сціплым гардэробе гэтага нявіннага стварэння. Бялявая, уся ў кудзерках, Любка не разумела, якая доля навісла над лёсам яе мамы і ёй самой. Яна цешылася сваім убраннем, увесь час штосьці лапатала і нават спрабавала прытанцоўваць на руках у маці. Гледзячы на дзяўчынку, міжволі святлелі тварамі асуджаныя на пагібель людзі. Таксама звярнуў увагу на яе і нямецкі афіцэр.

— Якое прыгожае дзіця, шкада забіваць, — вымавіла перакладчыца, што стаяла побач з ім.

— Чыё гэта дзіця? — пацікавіўся афіцэр.

І гэтая жанчына, імя якой невядома, але да якой Надзея Іванаўна праз усё сваё жыццё захавала велізарную нявыказаную ўдзячнасць, не задумваючыся, адказала немцу:

— Гэта дачка нямецкага афіцэра, якога ўжо няма ў жывых, ён загінуў на Усходнім фронце.

Такі адказ-экспромт нечакана вызначыў лёс Надзеі Крыпан і яе дачкі — яны былі вызвалены і адпушчаны дахаты. Немец, аднак, праз перакладчыцу папярэдзіў:

— Сёння я вас адпускаю, але наступны раз пры найменшым падазрэнні літасці не будзе.

Так паводле збегу акалічнасцяў два, здавалася б, асуджаныя на смерць чалавекі вярнуліся да жыцця ад самага краю брацкай магілы.

Надзея Крыпан пасля вяртання ў Сялец сфатаграфавалася са сваёй маці і Любай у мясцовага фатографа ў тым жа 1943 годзе, што і Сцяпан Разанаў. І гэтая фатаграфія таксама захавалася да нашых дзён. Ведаючы ўсё перажытае гэтымі людзьмі, міжволі прыходзіш да высновы пра нейкае містычнае супадзенне.

Нягледзячы на папярэджанне, акушэрка Надзея Крыпан, працягваючы працаваць у Сяльцы, з не меншай рызыкай, чым раней, заставалася партызанскай сувязной. І зноў гэта ледзь не скончылася трагічнай развязкай.

У адзін з летніх дзён Надзея Крыпан прыйшла ў названую Гузавым явачную кватэру ў вёсцы Скорцы, дзе сустрэлася з двума партызанамі з кіраўскага атрада, якія чакалі яе. Калі Надзея паднялася да іх на гарышча хаты, нечакана пачуўся ўсхваляваны голас гаспадыні:

— Бяда, у вёсцы з’явіліся немцы і паліцаі!

Ці была гэта планавая аблава, якія перыядычна праводзіліся ў вёсках, ці гэтым разам няпрошаныя «госці» з’явіліся тут выпадкова, сказаць цяжка. Але факт застаецца фактам: яны пачалі абыходзіць хаты, з аўтаматамі напагатове, правяралі хлявы, скляпы і іншыя пабудовы. Так чарга дайшла і да хаты, дзе была явачная кватэра, на гарышчы якой за пустымі бочкамі схаваліся два ўзброеныя партызаны і адна бяззбройная жанчына.

І вось пачуліся гартанныя галасы, на ламанай рускай мове хтосьці пытаў пра партызанаў, а гаспадыня хаты, якая прадбачліва паспела пакласці поруч сцяны драбіну, усё катэгарычна адмаўляла. Але адзін з немцаў прыставіў драбіну і стаў паднімацца па ёй угару.

Надзея Крыпан чула крокі немца, які ўздымаўся па драбіне, і біццё свайго сэрца.

— Я ўжо развіталася з жыццём, — распавядала яна пазней. — Разумела, што партызаны, можа, і здолеюць адбіцца і знойдуць схованку ў блізкім лесе, а для мяне тут ужо сапраўды прыйдзе канец.

На шчасце, нічога падазронага ён не заўважыў, на гарышча, каб абследаваць бочкі, паднімацца не стаў, і партызанам ужываць зброю не давялося. Пранесла! Неўзабаве аблава скончылася, немцы і паліцаі з'ехалі ў бок Пружанаў.

А Надзея Крыпан, ачуняўшы пасля перажытага, накіравалася дахаты, у Сялец.

Не раз успамінаючы потым той выпадак, яна распавядала, што, калі ішла, не адчувала пад нагамі зямлю. Здавалася, што за плячамі выраслі крылы, якія неслі яе па паветры. А навакольная прырода — незвычайна зялёная трава, дрэвы і хмызнякі, бяздоннае сіняе неба здаваліся казачна прыгожымі і адухоўленымі. Гэта быў нейкі гімн адраджэння чалавека.

Доўгая дарога дамоў

Такое, кажуць, бывае толькі ў кіно. Бывае, і ў жыцці здараюцца даволі займальныя сітуацыі.

У 1939 годзе ў нямецкі палон патрапіў Мікалай Яцкевіч, які служыў у польскім войску. А быў ён родам з Сяльца. Хапіў былы салдат усякага за гады няволі ў чужой Нямеччыне, але лёсам яму было наканавана выжыць і выпадкова сустрэцца са Сцяпанам Разанавым у канцлагеры Маўтхаўзен ужо пасля яго вызвалення. І калі Сцяпан даведаўся, што Яцкевіч родам з Сяльца, што ён збіраецца вяртацца на радзіму, то папрасіў адшукаць у Бярозе

медсястру Надзею Крыпан і, калі яна жывая, перадаць прывітанне ад мужа, гэта значыць ад яго — Сцяпана Разанава.

Яцкевіч просьбу дзіўнага незнаёмца выканаў. Надзею Крыпан ён знайшоў не ў Бярозе, а ў яго родным Сяльцы і перадаў ёй прывітанне ад нейкага старога, які назваўся яе мужам Сцяпанам Разанавым. Гэтая вестка абудзіла нямала пачуццяў у душы жанчыны, ускалынула надзею, якая ў яе ніколі не праходзіла, на тое, што муж яе жывы, што ён усё ж адгукнецца. Але чаму ж стары? Бо Сцяпану ўсяго трыццаць пяць…

Тым часам, пасля ўсяго перажытага Сцяпан Разанаў і сапраўды выглядаў старым. Стаўшы вольным чалавекам, ён так і не наважыўся ў такім змучаным выглядзе ехаць у Бярозу, а адправіўся на сваю радзіму ў Тамбоўскую вобласць. Гэтая пасляваенная, перагружаная дарога да бацькоўскага дому была і няпростай і доўгай, але прывяла да шчаслівага канца. Праўда, у Вялікай Ржаксе яго дачакалася толькі маці, а бацька пры няясветленых акалічнасцях загінуў у Маскве. Сцяпан працаваў у калгасе, дапамагаў маці ў яе няхітрай гаспадарцы, аднавіў сілы, здабыў выгляд чалавека свайго ўзросту і адправіўся зноў на захад, у Беларусь. Сваю жонку і дачку Любу, якая нарадзілася без яго, ён адшукаў у Сяльцы ў снежні 1945 года і, здавалася, здабыў душэўны супакой.

Пад родным дахам

Пасля ваеннай разрухі жыццё паступова ўваходзіла ў хоць і нялёгкае, але мірнае рэчышча. Гады акупацыйнага ліхалецця загартавалі характар Надзеі Крыпан, але не забілі лепшыя чалавечыя якасці. Яна з галавой акунулася ў свае акушэрскія клопаты ў Сялецкай участковай лякарні, балазе пасля вайны медпрацаўнікам яе профіля справаў у шмат разоў дадалося. Былы раённы акушэргінеколаг Валянціна Дзмітрыеўна Вяржбіцкая адзначае:

— Надзея Іванаўна была вельмі адказным чалавекам, падчас праверак да яе практычна не было прэтэнзій. Жанчыны-пацыенткі да яе ставіліся з вялікай павагай і з не меншым даверам, а гэта ў

такой тонкай справе, як акушэрства, мае немалаважнае, а часам і вызначальнае значэнне.

А Сцяпан Іванавіч пасля прыезду ў Сялец адзін час працаваў прадаўцом у краме, затым стаў нарыхтоўшчыкам другаснай сыравіны. На запрэжаным у воз спакойным коніку ён аб’язджаў вёскі і хутары, збіраў у людзей рыззё, пакулле, стары алюмініевы посуд, косці, пяро, а наўзамен прывозіў ніткі, іголкі, грабеньчыкі, жаночыя хусткі, фарбавальнікі для тканін, іншыя вельмі патрэбныя ў паўсядзённым жыцці кожнай сям’і няхітрыя тавары. Але пасля ўсяго перажытага, асабліва ў нямецкіх канцлагерах, у яго было падарвана здароўе, яго праследавалі настальгічныя відзежы ўсяго таго, што давялося зведаць, і нейкае пачуццё віны перад тымі сулагернікамі, якія скончылі свой жыццёвы шлях у крэматорыі. Думкі, якія бударажылі яго, назапашаныя ў душы перажыванні Сцяпан Разанаў давяраў спецыяльнаму сшытку, спрабаваў выказаць у вершаванай форме:

Я видел свет,
прорвавшийся сквозь тучи,
Я видел свет,
озаривший тьму,
Я видел свет,
в котором нас сжигали…
Остался жив —
не знаю почему.

Усе гэтыя перажыванні, сумневы, пастаянныя нелады са здароўем прывялі да таго, што Сцяпан Разанаў прыахвоціўся да спіртнога. Сын Саша, які нарадзіўся ў Надзеі Іванаўны і Сцяпана Іванавіча ў 1947 годзе, у 1975 годзе — ужо вядомы беларускі паэт Алесь Разанаў, у «Паэме рыбіны» з болем у душы так пісаў пра гэту бяду роднага бацькі:

«Які з цябе быў гаспадар — і над сабою не ўладны: то чорная скруха, то бесклапотнае блазнаванне, то непрабудныя п’яныя тыдні, калі ўсёй хаце балючы і невыносны, то хворы — не адарвешся ад ложка».

Такая вось атрымалася проза жыцця.

Эпілог

Падчас нядаўняй нашай сустрэчы Алесь Разанаў вельмі цёпла ўспамінаў пра сваіх бацькоў.

— Мая мама, — казаў ён, — была вельмі цікавая апавядальніца. Яе ўспаміны пра пражытае літаральна зачароўвалі. У людзях яна імкнулася бачыць толькі добрае і да самаадданасці гатовая была прыйсці ім на дапамогу ў цяжкіх сітуацыях.

Пра бацьку:

— Ён вельмі бярог набытую дзесьці кнігу «Жывыя змагаюцца», аўтарам якой быў французскі пісьменнік, удзельнік Руху Супраціву Жан Лафіт, які быў арыштаваны ў 1942 годзе гестапа і прайшоў праз канцлагеры Маўтхаўзен і Эбензэ.

У бацькі быў нейкі прыродны нюх да духу паэзіі, а яго парывы, імпульсы, пачуцці міжволі перадаваліся і мне, уваходзілі ў маё цела і кроў. Успамінаю, з якой непадробнай радасцю, гонарам і хваляваннем ён успрыняў публікацыю ў друку маіх першых вершаў.

А мне падумалася: як бы пацешыўся Сцяпан Іванавіч за свайго сына, аўтара шматлікіх зборнікаў, паэта еўрапейскага маштабу, калі б ён дажыў да нашых дзён. І няма сумневу, што ва ўсім тым, што датычыць творчасці Алеся Разанава, не апошняе месца займае і генны пачатак яго бацькоў.

Надзея Іванаўна пакінула нас, пражыўшы 81 год, Сцяпан Іванавіч — у 76. Любоў Сцяпанаўна Разанава (цяпер — Нікіціна) шмат гадоў адпрацавала медсястрой у дзіцячым садку ў Бярозе, цяпер на пенсіі. Алесь Сцяпанавіч Разанаў жыве ў Мінску, часта і падоўгу бывае ў замежных паездках. У 2003 годзе па запрашэнні мясцовых літаратурных аб'яднанняў знаходзіўся ў творчай камандзіроўцы ў Аўстрыі і наведаў канцлагер-музей Маўтхаўзен, у якім яго бацька прайшоў праз усе пакуты створанага гітлераўцамі пекла.

• Заксенхаўзен •

(Konzentrationslager Sachsenhausen)

Нацысцкі канцэнтрацыйны лагер у Германіі, за 30 км на поўнач ад Берліна, сёння — раён горада Араніенбург. Створаны ў ліпені 1936 года. З канцлагерам Заксенхаўзен былі звязаны 42 яго філіялы і 10 будаўнічых брыгад.

Зняволеных выкарыстоўвалі для рабскай працы для нямецкіх кампаній, напрыклад на авіяцыйным заводзе Heinkel у Араніенбургу, на фабрыцы Siemens ці AEG у суседнім Берліне.

У лагеры Заксенхаўзен праводзіліся злачынныя медычныя эксперыменты на зняволеных, якія часта сканчаліся смерцю або інваліднасцю. У 1941 годзе на савецкіх ваеннапалонных адбылося выпрабаванне новага спосабу знішчэння людзей — атручэння газам у прыстасаваных для гэтай мэты грузавіках. У 1942 годзе ў канцлагеры была пабудавана газавая камера і крэматорый, а таксама спецыяльны расстрэльны пакой, у якім было забіта звыш 10 тыс. вязняў, целы якіх потым былі спалены.

У Заксенхаўзене існаваў падпольны камітэт супраціву, які кіраваў разгалінаванай, добра заканспіраванай лагернай арганізацыяй, якую гестапа не здолела раскрыць.

21 красавіка 1945 года, у адпаведнасці з аддадзеным нацысцкім кіраўніцтвам загадам, пачаўся Марш смерці. Планавалася звыш 30 тыс. вязняў калонамі па 500 чалавек перакінуць на бераг Балтыйскага мора, пагрузіць на баржы, вывезці ў адкрытае мора і там іх затапіць. Тых, хто адставаў, і знясіленых людзей расстрэльвалі па дарозе. Аднак, задуманае масавае знішчэнне вязняў ажыццявіць не атрымалася — у першых днях мая 1945-га савецкія войскі вызвалілі калоны на маршы. Сам лагер быў вызвалены савецкімі і польскімі войскамі 22 красавіка 1945 года. У лагеры на той момант заставалася каля 3000 вязняў.

Колькасць вязняў у канцлагеры ў розныя гады даходзіла да 60 тыс. чалавек. На тэрыторыі Заксенхаўзена загінула ў розны спосаб звыш 100 тыс. вязняў.

У ацалелых будынках і на тэрыторыі былога канцлагера сёння дзейнічае музей, урачыста адчынены 23 красавіка 1961 года.

ЗИМОВЕЦ Эдуард Михайлович
Родился в 1924 году и до войны жил в Киеве (Украина). Вывезен на принудительные работы в Германию. Бывший узник концлагеря Заксенхаузен (Германия). Проживает в Бресте.

Поле памяти

Можно сказать, что я, Эдуард Зимовец, родился дважды в один и тот же день — 15 апреля. Сначала появился на свет в 1924 году в Киеве, где прошло моё детство, оборванное войной. А во второй раз — снова 15 апреля 1945-го, когда 18-я танковая бригада освободила меня вместе с другими узниками концлагеря Заксенхаузен, которых нацисты, заметая следы своих преступлений, намеревались утопить в Балтийском море.

Моя довоенная биография укладывается в несколько строчек. Вместе с мамой я жил в одном из бывших служебных помещений Софийского собора в Киеве. Мама пела а церковном хоре… Как все мальчишки, я увлекался техникой, по целым дням пропадая во дворе у грузовика. Тогда и получил первые уроки вождения. Но 19 сентября 1941 года немцы заняли Киев…

В мае 1942-го меня вместе с другими подростками вывезли на работу в Германию, где пришлось рыть траншеи для закладки труб. Неосторожное слово, сказанное при свидетелях, отправило меня, мальчишку, в одиночную камеру тюрьмы. А через некоторое время, 3 марта 1943 года, я был перевезён в концентрационный лагерь Заксенхаузен.

Находясь ежеминутно между жизнью и смертью, пробыл там почти два года. Два года в настоящем аду… Тем, кто знает о войне по книгам и фильмам, очень трудно себе представить весь ужас

того, что пережили мы. Как ни старались фашисты, не смогли убить или сломить волю человека, сделать его бессловесным покорным рабом. Даже в таких условиях в концлагере действовала подпольная организация, задания которой я не раз выполнял. Меня подвергали пыткам, сажали в карцер… Однако сумел выжить даже после того, как сделали операцию без наркоза.

При приближении восточного фронта к Ораниенбургу фашисты решили уничтожить узников концлагеря Заксенхаузен, утопив их в море. Около 60 тысяч заключённых погнали на Шверин разными дорогами. Одних убили охранники, другие по пути умерли от истощения, часть была помещена в трюмы на баржу, которую затем потопили в Балтийском море. Координаты затопления до сих пор неизвестны.

«Марш смерти» закончился у города Кривитц. Закончился освобождением из ада. Уже на следующий день я был зачислен в 18 танковую бригаду. Все эти события я изложил в своих воспоминаниях — документальной поэме «Дорогой смерти», написанной в 2008 году.

Письмо другу Э. М. Зимовцу от Владимира Воеводченко*

Дорогой Эдуард!

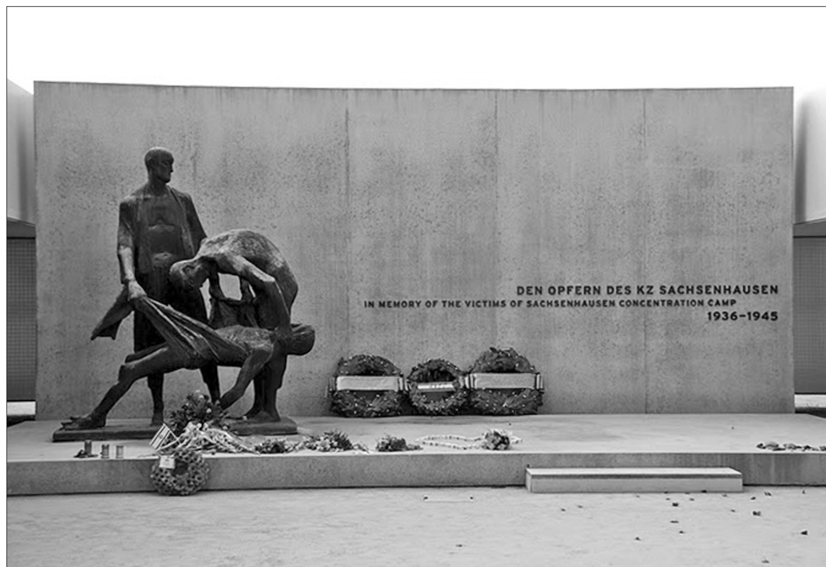
Дорогой побратим по борьбе и страданиям в концлагере Заксенхаузен!

Твои воспоминания о «Марше смерти» — правдивы. Благодаря твоему рассказу мне пришли на память ужасы, творимые озверелыми фашистами, обочины дороги, заваленные трупами узников, потерявших способность двигаться.

Я тоже был участником этого зловещего марша, и, похоже, что мы с тобой шли в одной колонне потому, что описанные тобой события мне известны, и я подтверждаю их правдивость.

---

* Владимир Воеводченко — вице-президент Международного комитета Заксенхаузен.

Мемориал в бывшем концлагере Заксенхаузен

Я потерял на этом марше двух своих товарищей по блоку, несовершеннолетних Ваню Дорошенко из Донбасса и Колю Кавуна из Киевской области. В ходе движения вдоль фермерского поля мы увидели кагаты заготовленных кормов для скота, как после оказалось — из брюквы.

Из колонны узники бросились к кагатам, побежали и мы. Я схватил одну брюкву и побежал назад, а Ваня и Коля замешкались в толкотне возле кагатов, охрана открыла огонь, и многие были убиты и ранены. Не вернулись в колонну и мои товарищи, навсегда оставшись на фермерском поле, отдав юные жизни при попытке утолить голод хоть скотским кормом.

Я шел с поляками из блока № 45 и был свидетелем подготовки к нападению на охрану с целью прорыва на свободу. Фронт был рядом, и была надежда, что удастся добраться до своих. Правда, начало выступления мне не было известно, и я спохватился, когда поляки численностью не менее тысячи уже бежали в направлении на восток. Я побежал вслед за ними, пытаясь догнать основную массу, но охрана уже пришла в себя и открыла огонь со всех видов

оружия, полетели и гранаты. Я был ранен, и на этом моё стремление к быстрой свободе закончилось. Я лежал около двух суток, потеряв всякую надежду на спасение, пока меня не подобрали советские танкисты и не определили в полевой госпиталь, да и поляки не все прорвались.

Какова судьба прорвавшихся, мне и по сей день не известно. Руководил подготовкой к прорыву хорошо знакомый мне поляк, бывший польский офицер Генрик Малковски, но удалось ли ему уйти, я не знаю.

Спустя почти пятьдесят лет я пытался найти Генрика Малковского, обращался в польский Комитет бывших узников Заксенхаузена, но в списках его не оказалось.

Я дважды посещал «Марш смерти», искал следы нашего пребывания в Беловском лесу, но многие десятилетия стерли их. И лишь память хранит до сих пор тот кровавый марш, смерть тысячи наших собратьев.

Благодарю тебя, дорогой Эдуард, за воспоминания, всколыхнувшие душу, и дай Бог тебе, дорогой, здоровья и благополучной жизни.

ШЫЛАВА Лізавета Пятроўна
Нарадзілася ў 1930 годзе.
Перад вайной жыла ў Пухавіцкім р-не.
Была непаўналетнім вязнем у канцлагерах Брандэнбург і Фалькензее — філіялах канцлагера Заксенхаўзен (Германія).
Жыве ў г. Пружаны.

Час, які немагчыма забыць

Гляджу на цяперашніх падлеткаў і радуюся іх бесклапотнасці. Сваё 14-годдзе я сустрэла ў фашысцкім канцэнтрацыйным лагеры смерці…

Калі ў Пухавіцкім раёне пачалі арганізоўвацца партызанскія атрады, мой бацька стаў сувязным. Ён часта бываў у раённым цэнтры, здабываў патрэбную інфармацыю для партызан. І вось аднойчы даведаўся, што нашу сям'ю паліцаі збіраюцца арыштоўваць. Мы вымушаны былі ўцякаць у лес. Гэта адбылося 8 сакавіка 1943 года.

Старэйшыя браты адразу ўліліся ў рады партызанскага атрада імя Ленінскага камсамола Першай мінскай брыгады. Малодшыя дзеці засталіся ў сямейным лагеры «Кляновае» ў лесе за вёскай Міжрэчча. Бацькі выкапалі для нас зямлянку, пабудавалі нары, печ. Пачалося нялёгкае, поўнае небяспекі жыццё.

Аднойчы ноччу з 16 на 17 ліпеня брат Сцяпан, якому ў той час было 16 гадоў, і яшчэ два партызаны пайшлі на заданне і трапілі ў засаду. Сцяпан быў цяжка паранены ў абедзве нагі. Ранкам яго па крываваму следу знайшлі немцы. Аднаго немца ён паспеў забіць. А апошнюю кулю пусціў у сябе.

Другі мой брат Валянцін загінуў на фронце ва Усходняй Прусіі ў сакавіку 1945-га…

У лесе партызанам часта даводзілася мяняць сваё месцазнаходжанне. Але мы заўсёды стараліся быць побач з атрадам, у складзе якога змагаўся Валянцін. Ён быў адважным патрыётам, смела помсціў ворагу за смерць Сцяпана, на яго рахунку было шмат узарваных нямецкіх эшалонаў.

Як мы жылі, колькі ўсяго перацярпелі, немагчыма выказаць звычайнымі словамі.

1 мая 1944 года нямецкія самалёты ўзяліся бамбіць лес. Па калені ў вадзе мы хаваліся ў балоце. Калі па балоце ланцугом пайшлі карнікі з сабакамі, некаторыя людзі, у тым ліку і я, кінуліся ў лес. Але тут нас сустрэлі аўтаматныя чэргі. Так я апынулася ў палоне.

Пачыналася другая старонка жыцця — жыцця ў фашысцкім рабстве. Усіх нас пагрузілі, як жывёлу, у таварныя вагоны. Ехалі доўга — праз Мінск, Брэст, на Варшаву.

Першым прыпынкам быў Асвенцім. Тут усіх пастрыглі, апрацавалі нейкай дэзынфіцыруючай вадкасцю, а вечарам загналі назад у вагоны і павезлі далей — у Германію.

Не ведаю, чаму нас не пакінулі ў Асвенціме. Але і аднаго дня хапіла для таго, каб ніколі не забыць гэты жудасны лагер смерці, — з чорным дымам, які без перапынку валіў з труб крэматорыяў…

У Германіі таварняк спыніўся ў лесе каля горада Брандэнбурга. Тут мы зноў прайшлі апрацоўку і ўпершыню за ўвесь час атрымалі порцыю баланды і пітной вады. А на наступны дзень у лагер прыехалі нямецкія баўэры і пачалі выбіраць сабе рабоў. Хто быў больш моцны і здаровы, тых забралі адразу. А мы стаялі на гэтым рынку тры дні. Я была вельмі худзенькай, невысокага росту. І спатрэбілася толькі для работы на кухні: мыла посуд, катлы, лупіла бульбу. Побач працавалі рускія, французы, італьянцы…

Жылі худа-бедна. І сярод немцаў знаходзіліся людзі. Але праз тры месяцы гэты лагер расфармавалі, І мы апынуліся ў Фалькензее. Гэта была вялікая тэрыторыя, абнесеная ў некалькі радоў калючым дротам. Я і тут працавала на кухні. Але гэта ўжо была зусім іншая работа. Баланду для вязняў гатавала сама немка. Яна ж праз вялікае акно ў сцяне кухні назірала за тым, як мы працуем. Калі што-небудзь не падабалася, «выхоўвала» нас цяжкай дубінкай.

Руіны крэматорыя ў канцэнтрацыйным лагеры Заксенхаўзен

Нягледзячы на тое, што працавалі на кухні, мы не маглі з'есці лішнюю лыжку кашы ці баланды і пастаянна пакутавалі ад голаду.

Акрамя голаду, адольваў холад. Абутку ў мяне не было, толькі драўляныя калодкі на босую нагу. Не было цёплай вопраткі. Працавала з сямі гадзін ранку да дзесяці вечара. Нярэдка прыходзіла дахаты і горка плакала па маме. Мне здавалася, калі б яна была побач, то абавязкова дапамагла б, падтрымала хаця б ласкавым словам.

Я не ведала, што наперадзе яшчэ больш цяжкія выпрабаванні. У студзені 1945-га мяне і яшчэ адну дзяўчыну перавялі ў іншы лагер, вязні якога працавалі на ваенным заводзе. Нягледзячы на ўзрост, мне таксама далі чатыры станкі. І патрабавалі выканання працоўнай нормы, як ад дарослай. Умовы былі такія, што за гэты час я зусім перастала баяцца смерці і нярэдка думала пра яе як пра адзінае збаўленне ад невыносных, нечалавечых пакут…

Аднойчы, прыйшоўшы са змены, мы з жанчынамі ўбачылі ў небе самалёт з чырвонымі зорачкамі на крылах. І зразумелі: лінія фронту ўжо зусім побач! Мы не памыліліся: лагер вызвалілі той жа ноччу з 22 на 23 красавіка савецкія разведчыкі. Усе плакалі ад невыказнай радасці: мы нават не спадзяваліся дажыць да гэтага светлага дня.

Вельмі хацелася дахаты: як там бацькі, брат? Але яшчэ цэлы май я працавала ў ваенным шпіталі. І вось нарэшце зборны пункт, у якім трэба было праходзіць так званую «фільтрацыю». Я лічыла дні, калі змагу сустрэцца з роднымі. Але сустрэчу зноў трэба было адкласці: я захварэла на тыф і яшчэ паўтара месяцы правалялася ў шпіталі.

І вось таварны вагон імчыць нас на радзіму! Мая душа, здаецца, спявала ад радасці і шчасця.

На двары стаяў жнівень. Пачынаўся новы перыяд майго жыцця. Праз месяц я пайшла вучыцца ў школу. Закончыла сем класаў, потым — Мар'інагорскі сельскагаспадарчы тэхнікум, па накіраванні якога прыехала на работу ў Пружаны. Потым завочна закончыла Беларускую сельгасакадэмію. Працавала 25 гадоў начальнікам раённай насеннай інспекцыі, 10 гадоў — галоўным аграномам сельгасупраўлення. Выйшла замуж, нарадзіла дзвюх дачок, дачакалася чатырох унучак…

Але хачу зазначыць, што для нас, былых вязняў, першыя пасляваенныя гады былі вельмі цяжкімі, асабліва ў маральным плане. Шмат часу мне даводзілася ўтойваць той факт, што была ў Германіі. Таму што многія вязні фашысцкіх лагераў смерці тут жа аказваліся ў лагерах сталінскіх. Наконт гэтага мяне, як толькі прыехала з Германіі, папярэдзіў начальнік Камітэта дзяржаўнай бяспекі: маўляў, нікому ніколі не расказвай, дзе ты, дзяўчынка, была. Забудзь пра ўсё, выкінь усё са свайго жыцця!

А хіба гэта магчыма забыць?!

МИКУЛИК Нестор Иванович

Родился в 1926 году в д. Криница Пружанского р-на. Вывезен на принудительные работы в Германию, был узником штрафного лагеря в Гогензальце, концлагерей Заксенхаузен, Хейнкель, Ландсберг. Репрессирован, был узником Каргопольлага. Жил в Бресте.

Без вины виноватые

В июле 1941 года всех жителей нашей деревни Криница Пружанского района, в том числе и нашу семью, немцы выселили в Кобринский район, а дома сожгли. Весной следующего года старостой деревни я был зачислен в списки молодежи для отправки в Германию. В это время мне было шестнадцать лет. Нас отвезли в Кобрин с мамой, признали меня на комиссии годным. Спрашиваю у немца: что делать у вас будем? Хлопает меня по плечу: «Гут, гут, коров пасти будешь». Мелькнула мысль убежать, но везде стояли охранники с оружием.

В Германии на бирже труда меня забрал последним к себе бауэр на хутор у деревни Довосфельде, недалеко от города Бойч-Кроне, ныне территория Польши. У бауэра по фамилии Верт я доил коров, готовил корм для скота, пахал, сеял, косил, управлялся с волами. На те мои годы работа была тяжёлой. Вкалывали от рассвета до темна вместе с украинцем Олексой Колобко. Отлучаться из усадьбы не разрешалось, одним словом, неволя.

Как-то спрашивает хозяйка меня: «Ты большевик?» Я был обыкновенным «заходнебеларускім хлопцам», ни в какой партии не состоял, но ответил, не задумываясь: «Да, большевик». Из-за этого ответа был посажен в концлагерь, но об этом чуть позже расскажу.

Пася скотину, иногда почитывал немецкую газетку. До войны учился в польской школе и при Советах осваивал потихоньку немецкий язык. Интересовали меня сводки с Восточного фронта, часом мелькало сообщение и о белорусских партизанах.

Неволя, тяжелая работа на хозяев — своих врагов, романтическое желание партизанить, вера в то, что «кто был никем, тот станет всем», — побудили решиться на побег. Уговорил Колобко, и 10 октября 1943 года ночью, ориентируясь по Большой Медведице, двинулись на восток.

Шли ночами, отдыхали в лесу днём в стогах сена. Были у нас примитивная карта и немного хлеба. На третьи сутки перешли бывшую польско-немецкую границу, осмелились продвигаться по шоссе, но задержал жандарм, ехавший на мотоцикле, и доставил в полицию. Из-за дверей с надписью «арестантен» вывели страшно избитого человека. Стало ясно: здесь пытают, калечат, и мы назвали адрес бауэра, от которого убежали.

Из гестапо нас доставили в штрафной лагерь в Гогензальце. Выстроили вновь прибывших перед конторой. И вот похаживает гестаповец с куском резинового шланга в руке, даёт команду выйти из строя, нагнуться. Нагнулся, эсэсовец врезал со всей силы, командует «нохенмаль». И так разиков пять за встречу бедная моя спина в работе побывала.

Поместили в карантин, в камере оказался земляк из Барановичей. Лежал он на боку, весь исполосован вдоль и поперек, в гнойных ранах. Он рассказал, что уже второй раз пытался бежать из штрафного лагеря, ударил эсэсовца лопатой. Просил, если я останусь жив, передать жене и детям место его гибели. Назвал адрес: Барановичи, улица Минская, дом 95. Фамилию позабыл, начиналась на букву «Б», как будто Барташевич. Одежда его вся была изорвана, растерзана овчарками. Я отдал ему одну свою рубаху. Утром его и ещё одного поляка, собрав весь лагерь, повесили на передвижной виселице.

Через несколько дней меня остригли, перевели в зону, в общий барак. Он не отапливался, и мы мечтали попасть на общие нары: хоть чуть-чуть теплее. По зоне приказали двигаться только бегом. Если переходил на шаг, охрана «крестила» шлангом. В шланг был

вправлен трос и на конце запаян оловянный шарик. В лагере находилось около полутысячи мужчин и человек двести женщин. Женщины содержались в отдельных бараках.

После подъёма заключённые раздевались до пояса, выбегали из барака, строились по двое, по команде «марш ин ватраум» мчались в умывальник. В дверях стоит эсэсовец, упражняется шлангом по спинам. Потом завтрак — одна кружка эрзац-кофе из молотого жареного ячменя без хлеба. После «кофею» под конвоем водили за пределы зоны на сельхозработы, выдав серые полотняные брюки, куртку и головной убор. За считанные минуты должен переодеться, не поддевая под низ ничего «цивильного». На тех, кто одевал своё, натравливали овчарок. Собачьи клыки рвали и того, кто что-нибудь приносил в кармане — табак, хлеб, брюкву, свеклу. Оставшиеся в зоне чистили песком ложки, посуду, собирали соломинки, посыпали песком дорожки. Даже если работа была сделана, никто не имел права идти в барак, присесть где-нибудь.

Нас заставляли учить немецкие песни, с которыми шагали на обед — пятьсот граммов «зуппе», взболтанной мучной баланды, иногда с добавкой капусты, шпината, брюквы. Вечером двести граммов того же кофе. Мяса и сахара не полагалось.

Каждый вечер проводилась проверка: выстраивался четырёхугольником весь лагерь, внутри находились эсэсовцы с овчарками. Стояли по команде «смирно», не шелохнувшись. Пошевелился — получи по зубам. Стояли без головных уборов. Я застудил голову и заболел.

После проверки звучала команда: «По будам разбегайся, марш, марш!» В бараках было по трое дверей, в которые и бросались люди, а на них натравливали псов. Однажды меня сбили с ног, и я остался лежать последним перед дверью. Слава Богу, овчарки набросились на толпу, штурмующую дверь соседнего барака. Иначе не миновать мне второго «крещения», которое не заставило себя долго ждать.

Как-то позвали меня и Олексу в контору, отгороженную колючей проволокой от зоны. Перед дверью, на ступеньках стоял эсэсовец со шлангом. Мы подбежали трусцой без головных убо-

ров. Немец спросил: что вы хотите? Я стал объясняться. В это время зазвенел рельс «на проверку». Мы стремглав помчались в зону. Но эсэсовец нагнал меня и полоснул по стриженой голове. В глазах сверкнула молния, чуть-чуть не упал, из последних сил кинулся в зону. Эсэсовец не преследовал. Мы уже усвоили их привычки: если стоишь — прибьет, убегаешь — доволен. Целую неделю осматривал в осколок зеркала красный рубец, что пересёк всю голову.

В отдельном бараке содержали польских подпольщиков. Не раз приходилось видеть, как перед конторой у всех на виду их истязали. Били, выламывали суставы, подвешивали за связанные вместе руки и ноги на жердях.

Месяца через два после нашего «исправления» в лагере выдали отобранные карманные вещи, дали подписать бумагу: ничего не видел, ничего не знаю. Это был уже декабрь 1943 года. Отправили в Познань в «арбайтцамт» — на биржу труда, а отсюда — на завод, где работали чехи и поляки. Я штамповал детали на прессе. Работали по двенадцать часов.

На завод однажды приехала дочка бауэра, говорила, что её мама не против нашего возвращения. Но мы не согласились, ибо на заводе мы чувствовали себя немножко свободнее, хотя у бауэра кормили лучше. Вскоре меня снова арестовали по доносу бауэрши (вот подлая была!) как «юнгу-большевика». Вот когда аукнулся мой ей ответ…

Нас отправили в концлагерь Заксенхаузен. Двенадцать человек, спаренных наручниками, подвели к шлагбауму, втолкнули во внутрь лагеря. На площади маршировало человек пятьдесят, одетых в полосатые пижамы. Полукругом были расположены длинные, вместительные щитовые бараки. На бараках начертан лозунг латинскими буквами примерно такого смысла: «Работа даёт свободу».

С правой стороны дымит четырёхгранная кирпичная труба. Нам пояснили: из этой трубы вылетают к Боженьке в рай человеческие души. Нас поставили лицом к площади, спиной к проходной. Над нами по настилу прохаживается эсэсовец в каске. На вышках — пулемёты. Слева виднеется забор, метра три высотой,

кирпичная стенка. В стенку забетонировано стекло, колючая проволока, штыри. Лицом к стенке простояли, наверное, с час.

Потом завели в баню, раздели, забрали одежду, сказав, что отдадут по освобождении. Выдали полосатую одежду, номера, чёрной краской по белой материи. Мой номер был 76556. Добавили красный треугольник, а на треугольнике буква «Р» — русский, белорусов они не признавали. Направили в карантин. Здесь командовал «капо» по имени Фриц, у него треугольник был красный с обводкой, без буквы, это означало, что он — немец, политический заключенный, дезертир. Треугольники имели следующую классификацию: красный — за политику, чёрный — за саботаж, зелёный — бандиты, розовый — насильники.

В карантине возле меня очутились хорват и француз. С Мишелем я подружился. Заняли койки в третьем ярусе напротив друг друга. Даже после того, как перевели нас в концлагерь Хейнкель, дружба наша продолжалась. Здесь меня подкармливали его земляки, которые получали посылки через Красный Крест. «Капо» нас тоже не обижал, когда раздавал супчик, усаживал вместе с «элитой», и добавка «не мінала» ни меня, ни хорвата, ни Мишеля.

Ремонтировали мы дорогу в зоне концлагеря. Однажды работали возле блока норвежцев. Степенные и солидные, они расспрашивали меня о России, угостили баночкой шпрот и горстью пшена. Вот где довелось впервые попробовать белорусу заморского деликатеса. Делились продуктами с нами и военнопленные английские лётчики. На кухне работали русские парни. От них тоже кое-что перепадало, даже «клюмпе» — выделанная из дерева обувь с острым носом.

Изредка отправляли «полосатиков» на работу за зону, выстраивали по пять в рад, наши военнопленные музыканты играли марш. Самое большое физическое наказание в лагере — двадцать пять палок. Перед экзекуцией заключённого отправляли к лагерному врачу, и он выдавал справку, в которой указывал количество ударов штрафнику.

В лагере Хейнкель мой номер был 76556, поместили меня здесь в блоке для малолетних. Донимали бомбёжки союзников, некоторых из нас направили этапом под французскую границу,

недалеко от города Штутгарта. По дороге я ослабел, с голодухи стал припухать и после нескольких часов работы становился «дохлым». Потом попал в концлагерь под Ландсбергом, филиал лагеря Дахау. Здесь строили, ремонтировали дорогу. Таскали на себе тележки со щебнем.

27 апреля 1945 года лагерь был освобождён американскими войсками, и первый раз за три года неволи нас по-человечески накормили. Через месяц передали нас в городе Линце советской военной администрации. Там была проверка, а потом служба рядовым зенитной артиллерии на территории Австрии и Венгрии. В конце 1948 года был направлен в Прикарпатский военный округ, в город Черновцы.

А в сентябре 1949 года был арестован по обвинению в «антисоветской агитации». Это была ложь. Причина ареста заключалась в том, что меня освободили американцы, и я, мол, получил от них какое-то задание. Об этом всё время твердили следователи на допросах. Осудили на десять лет исправительных трудовых лагерей. Отработал более шести лет в Каргопольлаге Архангельской области на лесоповале.

Амнистирован после смерти Сталина в 1956 году. Работал грузчиком, потом шофёром в городе Дзержинске, в Донбассе. В 1962 году вернулся в родные Криницы. Женился. Родилось двое детей, сын и дочь. На месте старого, отцового, построил новый кирпичный дом. Заочно окончил Пружанский совхоз-техникум по специальности техник-электрик.

После моего обращения в Верховный Совет СССР в 1967 году военная коллегия пересмотрела моё дело, признала невиновным и сняла судимость «в связи с отсутствием состава преступления».

В 1972 году вместе с семьёй переехал в Брест. Дом, построенный в Кринице, продал по госцене колхозу. Работал шофёром, оператором газовой котельни, плотником, столяром, своими руками построил дом в Бресте.

Мой общий трудовой стаж — тридцать два года. С 1986 года на пенсии. Официально реабилитирован, имеются соответствующие документы.

Восемь лет я пробыл за колючей проволокой: полтора года в фашистских лагерях и шесть с половиной — в сталинских… Это были годы морального унижения, каторжного физического труда, боли и страданий. Сколько здоровья отняли они у меня!

Не даёт мне покоя одна мысль: почему мы до сих пор все «без вины виноватые»?

Ворота концлагеря Аушвиц (в Освенциме) с надписью «Arbeit Macht Frei» — «Труд делает свободным». Эту надпись узники многих концлагерей ежедневно видели утром, когда их выводили на работу, и вечером, когда возвращались в свои бараки

МІЛЮК Павел Адамавіч
Да вайны жыў на хутары Гашчына Ляхавіцкага р-на.
Былы вязень Баранавіцкай турмы СД, канцлагераў
у Калдычэве, Трасцянцы, Аўшвіц (у Асвенціме)
і Грос-Розэн (Польшча).
Пражывае ў г. Ляхавічы.

Эх, каб я паслухаў палякаў...

Пасля двух месяцаў утрымання ў падвале Баранавіцкага СД мяне прывезлі ў канцлагер Калдычэва — кіламетраў за трыццаць ад Баранавіч у накірунку Навагрудка. Абвінавачвалі фашысты маю грэшную душу за сувязь з партызанамі, аднак даказаць канкрэтна віну не змаглі. Мяне, відавочна, палічылі «каштоўным таварам» для абмену на палонных немцаў, бо іх тады хапала, акурат урэзалі немчузе па карку пад Сталінградам.

Не буду адмаўляцца, што перад акупантамі быў я невінаваты. Да арышту 17 жніўня 1943 года зрабіў нямала, каб адпомсціць за расстралянага майго бацьку — Адама Сцяпанавіча Мілюка, які да акупацыі працаваў старшынёй Куршынавіцкага сельсавета Ляхавіцкага раёна, а таксама і за іншых ахвяр…

У Калдычэве нас трымалі тыдні два. Мала таго, што тут было галадна і холадна, дык яшчэ заядалі вошы. Нягледзячы на позднюю восень і замаразкі, ноччу выходзілі з барака, скідалі вопратку, старанна яе вытрасалі, апраналіся, зноў ціснуліся на нары, каб крыху адпачыць.

У пачатку лістапада 1943 года, раніцай нас выгналі з баракаў, пастроілі і пачалі адлічваць: айн, цвай, драй… Трэці — два крокі наперад. У такую тройку трапіў і я. Цераз гадзіну загналі ў машыны-душагубкі і павезлі ў канцлагер Трасцянец. Тут было

не лепш, чым у Калдычаве, нават горш, таму што ў бараках панавала страшэнная цеснага, а людзей усё заганялі і заганялі з розных куткоў Беларусі. Хоць гэта былі не людзі, а «прывіды», худыя, знявечаныя на допытах у гестапа, з выкручанымі пальцамі, з перабітымі рукамі, з ранамі на твары і целе. Сам я ў той час быў не лепшы за іх, ды ўсё роўна сціскалася сэрца і балела душа і за адабраную іхнюю маладосць, і за страчанае здароўе.

У Трасцянцы прабылі некалькі тыдняў, наладзілі сувязь з Мінскім падполлем, падрыхтаваліся невялікімі групамі ўцякаць з лагера. Наладзілі ўцёкі 29 лістапада, але не суджана было іх ажыццявіць: раніцай карнікі акружылі густым ланцугом увесь лагер, падагналі фургоны, з якіх і вош не ўцячэ, напхалі туды, як селядцоў у бочку, і павезлі на Мінскую чыгуначную станцыю. Тут пазаганялі ў вагоны так, што і стаць было недзе, а каб сесці, то і «кот не спяваў».

Цягнік ішоў вельмі марудна, доўга прастойваў на станцыях. Страшэнна даймаў холад у неабагрэтым цялятніку. Хацелася есці. Успамінаўся той любы момант жыцця на хутары Гашчына Ляхавіцкага раёна, калі мама раніцай выцягвала вілкамі некалькі вялікіх чыгуноў з печы з духмянаю, сыпкаю бульбаю, высыпала яе ў ёмісты цэбар і гаварыла: «Вазьмі, сынок, у свіронку пасітак ільняной мякінкі, дасып у бульбачку і стаўчы свінкам»… Я з задавальненнем выконваў матчына даручэнне, але перш з’ядаў некалькі параных бульбін нават з шалупіннем…

4 снежня 1943 года нас прывезлі ў Асвенцім. Не даязджаючы да канлагера некалькі кіламетраў, эшалон прыпыніўся. У вагон зайшлі паліцэйскія, усе яны размаўлялі па-ўкраінску, закамандвалі нам скінуць верхнюю вопратку і абутак, усё склалі ў вялікія мяхі і панеслі з сабою, развітаўшыся: «У вас усё роўна ў лагеры вашыя транты адбяруць».

Распранутых і босых на марозе нас дапнулі ў канцлагер.

Паліцаі не памыліліся. Той астатак апраткі, які яшчэ ліпеў на нашым знявечаным целе, загадалі зняць «на захоўванне». Потым усіх пагналі ў лазню, вымылі гарачай вадою і выгналі на пляц на дзве гадзіны голых і босых, дзеля «загартоўкі». З апошніх сіл змагаліся з холадам: падскоквалі на месцы, рабілі ўзмахі рукамі

і нагамі, але не хапала сіл. Прапоўз час, а на плошчы з некалькіх соцен чалавек засталося жывых некалькі дзясяткаў. Першая проба на загартоўку скончылася. Хто застаўся жывы і мог рухацца, таго ўціснулі ў барак, выдалі паласатыя штаны, такі ж «мундур», паласатую шапку-бесказырку і на ногі — драўляныя бахілы без ануч і шкарпэтак.

У бараку былі трохпавярховыя нары, без ніякага насцілу. На дошках паслана пацёртая цырата, цвёрдая як жалеза. Сціснуўшыся па шэсць чалавек на вузкіх нарах, мы правялі першую ноч. Раніцай лагерны звон (гонг) узняў усіх на апель (праверку). Хто марудзіў, атрымліваў моцны ўдар металічнай палкай па галаве. Гэта рабілі вязні Асвенціма аўстрыякі, яўрэйскага паходжання, якім гітлераўцы паабяцалі захаваць жыццё і вызваліць з лагера за іх адданую службу. Карнікі задаволена ўсміхаліся, хвалілі сваіх памагатых, а між сабою разважалі: «Хто можа ўпікнуць нас за здзекі з вязняў, мы — народ гуманны, зняволенныя б’юць адзін аднаго…» Нічога не скажаш, хітра прыдумалі душагубы… Толькі найміты памыліліся, вызвалення з канцлагера яны не атрымалі. Пасля года стараннай службы іх кінулі ў крэматорый.

Апель цягнуўся доўга. Карнікі некалькі разоў пералічвалі, выклікалі па спісе вязняў, злаваліся на тых, хто не адзываўся, а расшалопаўшы, што гэта прозвішчы памёрлых пасля лазні і загартоўкі, швергаталі між сабою: ах, дык яны ж — алес капут…

Урэшце апель скончыўся. Адзін з карнікаў загадаў: «У барак на сняданак!» Снеданне — паўлітра гарачай вады, хочаш — пі, хочаш — вылі. Пасля сняданку ізноў нас выстраілі на плацу. Доўга разглядалі кожнага паасобку, дужэйшых ставілі ў асобны рад, у які трапіў і я. Далі каманду нам ісці наперад, да вадасховішча, не надта вялікага, пакрытага тоненькім ільдом. Сярод карнікаў быў медык з нейкімі прычындаламі, сярод якіх мы заўважылі гадзіннік-секундамер і нейкія манометры. Зразумелі, што дабра чакаць не прыходзіцца, і не памыліліся. Адзін з карнікаў даў каманду: «У ваду!» Гэтая каманда неяк не адразу дайшла да нашага розуму. Пры тэмпературы ніжэй нуля — ды ў ваду! Аднак выбару не было: жалезная палка па галаве — таксама не мёд. Праз некалькі хвілін камандуюць: «З вады! Выкруціць адзежу».

Выкруцілі. А яны зноў: «У ваду!» Увесь час гэтага купання катмедык глядзеў на гадзіннік і нешта запісваў у блакнот. Пасля трохразовага «хрышчэння» дазволілі апрануць нашу паласатку, але апрануліся толькі пяць зняволеных, а сорак пяць засталіся на «Чудскім возеры». Ніхто з карнікаў не звяртаў увагі на знясіленых, паўжывых істот, што ляжалі на зямлі і ціха стагналі. Потым нас з горам напалам паставілі ў рад, і адзін з карнікаў вымавіў: «Вы будзеце жыць па дзвесце гадоў». Але нам было не да жартаў.

У снежні 1943 года на левай руцэ накалолі лагерны нумар. Пасля гэтага імя і прозвішча вязня не існавала, быў толькі нумар. Яшчэ і сёння, праз пяцьдзясят чатыры гады, на маёй руцэ «красуе» нумар 165596.

Пасля «водных працэдураў» я захварэў на плеўрыт. Мяне адправілі ў «бальніцу». Гэта быў такі самы барак, толькі трохі чысцейшы. «Лячылі» нас медыкі-вязні: кожны дзень мералі тэмпературу і ржавым шпрыцам выцягвалі з левага боку гной. Сёння дзівую сам з сябе, як я змог перамагчы такую хваробу ў голадзе, холадзе, без аніякіх медыкаментаў? Мусіць, маладосць і Божая літасць узялі сваё…

Значна пазней, калі я працаваў перакладчыкам у савецкай ваеннай часці, якая займалася нямецкімі ваеннапалоннымі, адзін афіцэр мне растлумачыў, чаму нас тады купалі: маладому ўрачу трэба было напісаць навуковую працу адносна ўстойлівасці чалавечага арганізма.

Нянавісць да людаедаў узрастала з кожным днём. Я цвёрда вырашыў: што б ні стала, з лагера ўцяку, але як? Летам 1944 года гітлераўская авіяцыя несла вялікія страты. Тысячы разбітых самалётаў фашысты звозілі на вялізны пляц недалёка ад лагера. Адна каманда разбірала самалёты, другая, у якой быў і я, складала гэтыя абломкі ў вышэзныя ярусы.

У другой палове верасня 1944 года, пад вечар нашы лётчыкі бамбілі ваенны гарадок непадалёк ад лагера, дзе жылі карнікі. У час паветранай трывогі канвой уцякаў у бамбасховішчы, строга наказваючы вязням не разбягацца, іначай усіх расстраляюць. Нехта з лётчыкаў бухнуў бомбу акурат у гару абломкаў варожых самалётаў. Як маланка мільганула ў маёй галаве думка ўцякаць, і

я схаваўся ў абломках побач з катлаванам ад бомбы. Перапалоханыя карнікі пагналі вязняў у лагер, не пералічваючы, як гэта было раней, што спрыяла маім уцёкам. Вязні, сябры мае па няшчасці, палічылі, што я загінуў.

За ноч пашчасціла адысці ад лагера і схавацца ў лесе. Лес гэты, мусіць, быў не вельмі вялікі, але на ягоным ускрайку быў даволі вялікі груд ля рачулкі. На гэтым грудзе тры хлопчыкі пасвілі каровы. Пастушкі адразу змікіцілі, хто такі я.

Гутарылі мы па-польску, яны палічылі, што я паляк. Трэба адзначыць, што польскі народ вельмі з’яднаны, палякі моцна стаяць адзін за аднаго. Я і сёння да глыбіні душы ўдзячны простым польскім грамадзянам. Менавіта бацькі гэтых пастушкоў накармілі мяне, далі магчымасць памыцца, пагаліцца, падстрыгчыся, адпачыць у надзейным месцы, далі вопратку і абутак. Я стаў непадобным да лагерніка, а выглядаў як сапраўдны вольнананяты работнік. Гэтыя добрыя людзі цераз некалькі дзён ноччу на коннай фурманцы завезлі мяне на дваццаць кіламетраў у накірунку Варшавы, дзе тады ўспыхнула паўстанне польскіх патрыётаў супраць гітлераўцаў. Мне хацелася быць бліжэй да лініі фронту, а палякі раілі пачакаць, прапанавалі надзейнае падполле. Калі б я іх тады паслухаў, то, магчыма, пазбегнуў бы тых пакут, якія былі наперадзе.

На выпадак сустрэчы з немцамі я прыдумаў наступную версію: прозвішча Альберт Новік, нацыянальнасць — украінец, год нараджэння — 1922, жыхар горада Роўна, дабраахвотна выехаў вясной 1942 года на работу ў Германію, працаваў каля горада Брэмена. Там ужо дзейнічаў Заходні фронт, нас адвозілі ў цэнтр Германіі, па дарозе пачаўся налёт варожых самалётаў, усе ўцякалі з эшалона і хаваліся, дзе хто мог. Калі мінула паветраная трывога, эшалон адышоў, а я адстаў, цяпер шукаю працу.

Ішоў я ноччу. Восень тады была сухая, ежы ў мяне трохі было, а вось вады па дарозе не знаходзіў. Мучыла смага. Заходзіць у паселішчы не адважваўся (сярод добрых людзей часам і дрэнныя сустракаюцца). Аднак нешта трэба было рабіць. Траплялiся часам невялікія, перасохлыя вадаёмы, яны яшчэ больш распальвалі смагу. Адчуваў, што трачу апошнія сілы. Неяк ноччу ішоў ляс-

ной дарогай. На паляне ўбачыў вялікі двухпавярховы дом і шмат гаспадарчых пабудоў. Гарадок гэты быў абнесены мураваным плотам. Пасярэдзіне ад дарогі ў плоце была брама і брамка з металу. Над брамай вісела шыльда з надпісам. Я зразумеў, што гэта лясгас, падумаў: тут ёсць студня, і не памыліўся. Пералез цераз плот і подбегам да вадакалонкі. Толькі дакрануўся да рычага, як з двух бакоў каля мяне бы з-пад зямлі выраслі-сталі два вялікія сабакі-аўчаркі, не брахалі і не кусалі, але калі я хацеў адысці ад калонкі, пераступілі дарогу, загырчэлі. Уцякаць не было сэнсу. Выручыў моцна кульгаючы на левую нагу вартаўнік. Паверыў у маю версію, паспачуваў, праклінаў вайну і сваё калецтва, гаварыў, што немцы народ працалюбівы, што ім не патрэбна вайна, а трэба праца, свабода і хлеб.

Амаль падобнае сказаў мне дырэктар лясгаса, які таксама выслухаў маю прыпавесць, параіў звярнуцца на дрэваапрацоўчы камбінат, які знаходзіўся недалёка ад лясгаса. Па дарозе туды сустрэўся легкавы аўтамабіль. Спыніўся побач са мною. З яго выйшлі тры карнікі, папыталі дакументы. Я выклаў ім сваю версію, дадаўшы што ўсе нашы дакументы засталіся ў начальніка эшалона. Яны спачатку паверылі, аднак адзін з іх вярнуўся і загадаў паказаць левую руку. Угледзеў мой нумар, ударыў па твары металічнай трасцінай, але другі ў званні палкоўніка спыніў яго: «Не чапай, даб’юць у штрафной камандзе без нас…»

Палкоўнік-гестапавец не памыліўся. У штрафную каманду траплялі за ўцёкі і іншыя грахі. Адтуль не вярталіся жывымі. Цяжкая праца, палова пайкі, бясконцыя ўдары па спіне, цкаванне аўчарак, штогадзінны пад’ём ноччу і праверкі… Мне давялося там пабыць два дні. На трэці дзень у Асвенціме пачалася вялікая завируха, змяшаліся штрафныя і нештрафныя, грэшныя і бязгрэшныя. Нас загналі ў вагоны і павезлі на Захад. Гэта было ў другой палове кастрычніка 1944 года. Некалькі дзён прайшло ў дарозе, і апынуліся мы ў канцлагеры Грос-Розэн. Голад, холад, праца на земляных работах адбіралі апошнія сілы, але не адпускала думка: уцякаць, уцякаць, уцякаць. У лютым 1945 года ўсіх, хто быў прывезены з Асвенціма, павезлі на Захад, далей ад Усходняга фронту, потым завярнулі назад, таму што амерыканцы адкрылі другі

фронт. Вагоны былі старыя, без столі, верх заплецены дротам і пакрыты цыратаю. Яшчэ ў час пасадкі нейкі польскі чыгуначнік усунуў мне ў рукі нажніцы для рэзкі дроту. Я іх схаваў у рукаве сваёй халатайкі і прынёс у вагон. За шэсць дзён падарожжа мы атрымалі па паўкілаграма хлеба з каштанавай мукі і па аднаму літру вады. У нашым і суседнім вагонах канваіраў не было. Шмат вязняў памерлі. Амаль усе абяссілелі. Прасілі тых, хто дужэйшы: уцякайце, хлопчыкі, а то ўсе загінем, і родныя не даведаюцца, дзе апошні прытулак знайшлі. А мо каму і пашчасціць вестку данесці…

Сем чалавек і я, восьмы, наважыліся ўцякаць. Сцямнела. Эшалон ледзьве поўз пад узвышша, церусіў дробны дожджык. Мы як бач прарэзалі акно ў драцяной столі і вылезлі на буфер. Адтуль па адным скакалі па ходу цягніка. Я скочыў апошнім, і не вельмі ўдала, моцна выцяўся галавой і рукамі. Бег, ішоў, падаў, поўз, зноў бег, абы толькі далей ад чыгункі. Ускочыў у малады лясок, уздыхнуў з палёгкаю. У цемры не заўважыў вузенькай рачулкі і ўваліўся ў яе па самыя плечукі. Успомніў сваё «хрышчэнне» ў Асвенціме, нават азірнуўся і вачам не паверыў, што побач не было ўзброеннага карніка з аўчаркаю. Пачаў дапінаць холад. Выйшаў на поле, убачыў доўгі бурт. Хоць зямля была мерзлаю, раскапаў, разгроб салому, выцягнуў некалькі кармавых бручак, зжаваў не абіраючы. У хуткім часе наткнуўся на сцірту саломы, сабраў апошнія сілы, залез у сярэдзіну, пачаў у думках асэнсоўваць абставіны і заснуў. Прачнуўся, калі сонца хілілася на захад. Усё маё худое цела, галава нібы наліліся нейкім млосным цяжарам. Згрыз бручку, зноў закапаўся ў салому і заснуў. Пабудзіў дождж, і, калі ён сціх, пакінуў сваю «кватэру», пайшоў шукаць гасцінец. На перакрыжаванні шасейных дарог прачытаў на ўказальніку: «Ваймар — 17 км». Я ведаў, што побач з гэтым горадам быў канцлагер Бухенвальд. Дык вось куды кіраваў наш эшалон… Знайшоў яшчэ адзін надпіс — Бодэнбах. Чэхаславакія! Буду прабірацца туды. Цалюткую ноч ішоў палявымі дарогамі, раніцай у полі заўважыў вялікую адрыну, дзверы не замкнёны, поўная саломы. Апусціўся на падмостак, прыкрыўся, пачаў драмаць. Раптам чую конскі тупат і скрып колаў. Уваходзяць людзі, размаўляюць на трох мовах,

здагадаўся, што гэта былі нямецкі баўэр і ягоныя батракі. Грузяць салому. Усё бліжэй і бліжэй падыходзяць да майго бярлога. Становішча горш за губернатарскае, але тут камандуе гаспадар: «Хопіць. Едзем дамоў». Падумалася: нарадзіўся ў сарочцы.

Вечарам таго ж дня ў час паветранай трывогі каля вёскі Магдаля спаткаў дзяўчыну Наташу, якую вывезлі ў Германію з Харкава, яна звяла мяне з даволі добра ўзброенай групай французаў. Яны сустрэлі мяне са скрытым недаверам. Адзін з іх добра ведаў польскую мову. Разгаварыліся. Цераз некалькі дзён сталі сябрамі.

З часам гэтую гарыстую мясцовасць зямлі Цюрынгія без асаблівых баёў захапілі войскі саюзнікаў. Я накіраваўся ў Бухенвальд. Сустрэў тут чатырох сяброў, з якімі ўцякаў з эшалона: Сцяпана Жука са Слоніма, Паўла Дабракова з Ленінграда, Кастуся Салдатава з Рыбінска і Івана Алхімава з Масквы. Парадаваліся сустрэчы, пасмуткавалі па тых, хто не дажыў да дня вызвалення.

Падумалася, што ўсе выпрабаванні ўжо ў мінулым, аднак шмат бяды было яшчэ наперадзе, на сваёй зямлі. Бацька Сталін і дзеці-сталінцы на людзей з нумарамі на левай руцэ глядзелі, як на ворагаў народа. Гэта была «падзяка» за тое, што я і мае равеснікі, дваццацігадовыя, якім ніхто не загадваў, не ўгаворваў, па прызыву ўласнага сумлення ішлі на змаганне з лютым ворагам. Той пашпарт без права выезда за межы раёна я ніколі, нават па смерці, не забуду…

ВЕРШИНИНА (Безмен) Дина Викентьевна
Родилась в 1938 году в Минске.
До войны жила в Бресте. Малолетняя узница
концлагеря под г. Ченстохова (Польша).
Жила в Бресте.

Василий САРЫЧЕВ

Помни имя своё

Своего приезда в Брест Дина Безмен не запомнила: мама привезла её в 1940 году, когда девочке не было и двух лет. Отец, 29-летний Викентий Безмен, получил назначение в надзорсостав брестской тюрьмы с окладом 500 рублей и, обосновавшись, вызвал из Минска семью. Мама, Мария Николаевна, была старше мужа на семь лет.

Жили на ул. Переца (ныне 17 сентября) за торговыми рядами, на месте которых стоит рынок ЦУМа. Семья занимала второй этаж кирпичного дома в двухстах метрах от тюрьмы.

21 июня 1941 года у отца гостил друг пограничник. Пошли с детьми на Мухавец, вечером накрыли стол. Мать потом рассказывала, что гость советовал увозить семью в Минск, как сделал сам. А отец отмахнулся: «Ничего и не будет, смотри, как в Германию зерно идёт — вагон за вагоном».

Легли поздно и спали так крепко, что не слышали взрывов. Проснулись уже тогда, когда в квартиру ворвались немцы. Пограничник сориентировался быстрее хозяев — прямо с постели рванул на балкон и сиганул вниз. Маленькая Дина побежала за ним, а следом немец — как котёнка, сбросил её с балкона и стал стрелять по убегавшему гостю. Девочка удачно упала на клумбу, но шрам на голове остался по сей день.

Отца подстрелили в кровати и, раненого, куда-то потащили. А 11-месячную сестру пуля сразила насмерть.

Едва немцы покинули квартиру, побежав дальше, мама подобрала и осмотрела Дину, а спустя какое-то время, оправившись от шока, взяла отцовскую кобуру с пистолетом и поспешила на двор к сортиру. Бросила в дырку и едва не получила разрыв сердца: под досками в нечистотах прятался еврейский мужчина. Шепнул, чтобы не выдавала. После войны мама (если не обозналась) встретила его работающим в фотографии на Советской, возле кинотеатра «1 Мая».

Маму с Диной приютили Андрушкевичи — местная семья, жившая по соседству ближе к реке. Когда приходили немцы из жандармерии с бляхами на груди, женщину с малышкой прятали в огуречных бочках. Впоследствии маму всё же выследили и увели в здание гестапо на К. Маркса, но потом отпустили: Мария хорошо знала польский и литовский, потому что всё детство у неё прошло в наймах. Дину научила не говорить, что папа военный: он электрик, чинил провода…

У Андрушкевичей мать и дочь прожили около двух лет. Во второй половине оккупации их посадили в эшелон и повезли на Запад.

Куда везут и зачем, никто толком не знал: немецким разъяснениям не особенно верили. На подъезде к Ченстохове к составу подходили польки и обращались к маме: «Пани, отдай мне ребёнка, вас везут на мыло!» Мама не отдала.

В Ченстохове их разъединили, определив разные пункты назначения. Когда девочку забирали, мама успела вывести на кусочке клеёнки химическим карандашом: «Безмен Дина, родилась г. Минск, 1938 год» — и привязала к руке белым лоскутком. Всё твердила: «Доченька, запомни, тебя зовут Дина, ты из Бреста!» С этой клеёночкой на руке, как с талисманом, Дина прожила несколько лет. Даже мылась, не снимая, химический карандаш оказался удивительно стойким. Уже в послевоенном Бресте, когда училась в четвёртой школе в ветхом здании на ул. Интернациональной и когда не знавшая её историю учительница приходила в раздражение: «Сними ты эту клеёнку с руки!» — Дина отвечала: «Нет, мне нельзя!» (…)

Мамин эшелон продолжил путь на Запад, а Дину с другими детьми дошкольного возраста доставили в концлагерь, где содержались военнопленные из Европы. Название местности Дина по малолетству не запомнила. Во французском бараке было 13 русских детей. Днём малыши пролезали под колючую проволоку, выдёргивали на поле свёклу, брюкву и приносили в лагерь — если сходило с рук, это был их дополнительный рацион.

К пленённым европейцам немцы относились не так, как к русским, от которых отказалась своя страна (Сталин вычеркнул пленных из числа советских людей). Французы получали посылки по линии Красного Креста. Они подкармливали детей, поили подогретым пивом, давали шоколадки. Когда Дина заболела корью, для неё соорудили ямку, подстелили туда шинели и выхаживали. По сравнению с русскими европейцы имели серьёзные послабления по части режима. Богатые родственники даже могли их выкупать. Один такой выкупленный француз просил немцев отдать ему Дину, но получил отказ: «Дас ист русиш!» Покидая лагерь, француз снял с себя теплую рубашку, надел на малышку и чем-то подпоясал.

Периодически детей уводила на занятия воспитательница из надзорного состава. Била за каждое слово, сказанное не по-немецки. (Метод кнута дал плоды: когда Дину освободили и привезли обратно в Брест, она разговаривала только на языке побеждённых. Её даже не смогли полноценно отдать в школу: первый год ходила на уроки ознакомительно. А потом мама определила Дину в класс с французским языком, чтобы забыла, затёрла немецкий.) Ещё было приобщение к труду. Какой-то немец всё учил пятилетнюю Дину красить забор загона для лошадей. Ребёнку быстро надоедало: раз-другой проведёт кистью, а потом залезет на лошадь. Немец, когда обнаруживал, не жалел оплеух.

Весной 1945-го лагерь, в котором находилась Дина, был освобождён 144-м сборочно-полевым пунктом Северной группы войск (любопытно, что этот самый «144-й сборочно-полевой», двигаясь дальше на Запад, месяц-другой спустя освободит и лагерь, в котором находилась мама девочки, — дочка узнает об этом через годы). Детей временно оставили на попечении следственного отдела контрразведки, который допрашивал и просеивал узников,

выявляя власовцев и им подобных. Дину опекала сестра трижды Героя Советского Союза летчика Покрышкина — Мария Степановна, она служила в отделе в звании не то капитана, не то майора.

В подвалах домов, которые занимал СМЕРШ, держали власовцев. Дина и остальная ребятня заглядывали в зарешёченные окна без стёкол. «Деточки, дайте кусочек хлебушка!» — неслось оттуда. Но сотрудники успели предупредить: «Не подходите к окошкам, там предатели и враги, убившие ваших родителей».

Когда воинская часть стала готовиться к переводу в Бессарабию, детей приказали отправить в Союз. В день отправки их построили, начальник отдела произнёс слова напутствия. Мария Покрышкина прижала Дину к себе и сказала: «Ничего не бойся! Отвезу тебя домой, найдём там твою маму…» Никуда она её отвезти не могла — проводила до застеленной соломой телеги…

На повозке детей везли по мосту через Одер. Течение несло по реке стулья, детские куклы… Ближе к берегу в воде прислоненные к столбам странным образом стояли мёртвые немцы. Дети в повозках крепче прижались друг к другу…

На станции юных возвращенцев посадили в приспособленные товарные вагоны ко взрослым остарбайтерам, и состав отправился на Восток.

В Бресте всех выгрузили и доставили на пересыльный пункт на ул. Каштановой (ныне Героев обороны Брестской крепости), ближе к крепости. Там разместили в трёх или четырёх кирпичных польских домах. Территория была обнесена проволокой, стерегли часовые — Родина встретила возвращенцев настороженно.

В этом пересыльном пункте Дину разыскала мама. Она была совсем больной, испортила в лагере сердце и лёгкие, и её определили в больницу на Ленина. А Дину отправили в Томашовку в детский дом санаторного типа, где тоже долго лечили: из Германии девочка привезла малярию и легочные недуги.

В посёлке Дина страшно скучала. Выйдет за детдомовский забор, сядет под елью у дороги и часами смотрит в пустоту. Многие томашовские женщины помогали детдому продуктами. Особенно запомнилась одна: подоит корову и несёт молоко в детдом, а первой напоит Дину под её неизменной ёлочкой.

Депрессия не отпускала. Девочка была так безутешна, что однажды её отвезли в Брест повидаться с мамой. В больнице Дина забилась под кровать и ни за что не хотела выходить. В конце концов её решили оставить. Лечащий врач по фамилии Круг отпустил маму на несколько дней утрясти вопрос с дочкой. Их пустили в сарай на Граевке, соорудили два топчана, но маме надо было возвращаться в больницу, а оставлять девочку одну хозяева отказались. И её снова отправили в Томашовку.

После выхода из больницы маму долго не прописывали: репатриантка считалась недостаточно надежной для режимного города. Отчаявшись, женщина сутки просидела на ступеньках управления НКВД. К ней выходили, увещевали, выговаривали. А мама твердила: «Мужа в Бресте убили, и меня расстреливайте, никуда я отсюда не уеду…»

Кто-то из сотрудников управления посоветовал написать Швернику, Кагановичу и Маленкову. Мама написала. Пришёл ответ: судьба Безмена В.Т. не установлена. Но каким-то образом вопрос с пропиской всё же решился. Получив наконец свой угол, мама смогла забрать Дину из детдома.

Замуж она уже не выходила.

После войны вернувшихся с принудительных работ в Германии воспринимали как людей с пятном в биографии. Мама устроилась истопницей сначала в военный трибунал на ул. Интернациональной, потом в объединение молочной промышленности. И началось жужжание за спиной, что приехала из Германии, где неизвестно чем занималась. Мама пошла на приём в комитет: «Расстреляйте или дайте спокойно жить». С руководством объединения провели работу, и больше женщину никто не третировал. В объединении мама проработала более сорока лет.

Вылечили её на удивление: за все трудовые годы — а работала до 80 лет — Мария Безмен ни разу не брала больничный. Вышла на пенсию — и через три года умерла.

Дина Викентьевна (по мужу Вершинина) прожила обычную советскую жизнь, была экономистом и нормировщицей на электроламповом заводе.

ФІЛАТАЎ Леанід Георгіевіч
Сябра Саюза беларускіх пісьменнікаў. Нарадзіўся ў 1939 годзе, перад вайной жыў у г. Маларыта. Былы непаўналетні вязень канцлагера Потшыкаў пад г. Чанстахова (Польшча). Жыве ў пас. Мухавец Брэсцкага р-на.

Данкэ, гэносэ доктар

Яно прыйшло ў далёкім-далёкім сне і паўтарылася таксама ў сне зусім нядаўна: блакітныя вочы ў бялявых вейках за шкельцамі акуляраў, рудыя валасы, пабіты рабаціннем твар, халодная вялікая рука на маёй параненай стрыжанай галаве, афіцэрскі нямецкі мундзір. Я прачнуўся, здрыгануўся і заплакаў менавіта ад гэтага чужога мундзіра. Але вочы глядзелі цёпла і ласкава, ад рукі ішла пяшчота. «Буттет жить!» — з палёгкаю, радасна вымавіў немец па-руску. «Данкэ, данкэ», — адказала праз слёзы па-нямецку мама…

Ён быў у маім жыцці — невядомы вайсковы нямецкі доктар, каторы паўстаў на апошняй маёй сцяжынцы, што вяла ў газавую камеру.

Потым былі заплеценыя калючым дротам, рассунутыя на той час козлы. У праём уварвалася імклівая фурманка, запрэжаная сівым канём. На фурманцы, круцячы над галавою лейцы, у повен рост стаяў перакрыжаваны кулямётнымі лентамі малады хлопец, гікаў, нешта крычаў. У задку воза масціўся за «максімам» яшчэ адзін партызан. Яны маланкаю праімчалі праз увесь канцлагер, над якім пасля гэтага здарэння залунала трывожна-жаданая вестка: «Нашы, рускія, блізка!».

Потым былі тры чырваназорныя танкі на лагерным пляцу і нейкі барадаты здаравіла-салдат у вушанцы, што шугануў мяне пад неба і падараваў на памяць сваю вушанку, у якой я мог схавацца з рукамі і нагамі.

Майму дзяцінству тупаў тады пяты гадок. Як бачыце, я родам з вайны, але… Усё па парадку.

Нарадзіўся ў маі перадапошняга перад вайною года ў весцы Бабінічы Віцебскага раёна ў невялікай хаце дзеда па маці Восіпа Бугаёва. Маці мая, Фядора Восіпаўна, тады скончыла Віцебскі педагагічны інстытут і пасля 17-га верасня была накіравана ў Заходнюю Беларусь выкладчыкам Брэсцкага педвучылішча. Сюды ж былі пераведзены яе сястра і брат. Атабарыліся вялікай сям'ёю ў палескім мястэчку Маларыце, дзе цётка Марыя Восіпаўна займала пасаду завуча мясцовай школы. Яе дзеці, мае стрыечныя браты Нікіценкі, ужо тады былі сіротамі: іхні тата Антон загінуў на «Фінскай», а наш — Георгій Фёдаравіч Філатаў — у хуткім часе будзе ўгрызацца ў зямельку пад Масквою, стрымліваючы немчугу. Усіх малых было пяцёра. Гадавала нас бабуля Наста Лапека-Бугаёва, дужая, разумная жанчына, на долю якой выпала ў першы дзень вайны пахаваць сваіх дачку і ўнука, маіх маці і брата.

Раненька 22 чэрвеня 1941 года на ганку школы, дзе мы жылі, разарваўся першы ў Маларыце фашысцкі снарад. Бабуля, параненая, з выбітымі асколкамі вачыма, разам са скалечанымі дзецьмі трапілі ў захоплены немцамі мясцовы шпіталь. Трымаліся толькі тым, чаго не шкадавалі нам шчырыя маларыцкія людзі: клалі яйкі, бутэльку малака, бохан хлеба, кус сала мне ў рукі (адзін я здолеў хадзіць, паколькі паранены быў усяго ў галаву).

Цётка Марыя пайшла ў падполле. У 1943-м трапіла ў гестапа і пасля васьмі месяцаў катавання была расстраляна прама на допыце. Удзячныя маларытчане ў светлы пасляваенны час на новым будынку школы ўладкавалі свайму былому завучу мемарыяльную дошку, якая стала сціплай данінай памяці нашай шматлікай сям'і, што ў маі 1945-га недалічылася ажно сямі сваіх крэўных.

У верасні года Перамогі пайшоў шасцігадовым у школу за прыёмным бацькам настаўнікам Аляксеем Нічыпаравічам Афана-

сьевым, каторага і дагэтуль добрым словам успамінае ўсё наша вялікае лясное сяло Ляхаўцы. Калі адплыло ў Прырыцкім краі галоднае, ды ўсё ж залатое дзяцінства, пайшла цяжкая жыццёвая проза. Не стала бацькі — разумнага, найвышэйшай культуры чалавека, памерла мама, Ларыса Мяфодзеўна, — бясконцай дабрыні жанчына, што аддала ўсе свае сілы, каб вывесці мяне ў людзі. Вучыўся, працаваў, шырока крочыў у жыццё, спатыкаўся, падаў, уставаў, далей іду. Нажыў трох дзетак, даўшы ім імёны тых, каго назаўсёды забрала не толькі родная беларуская зямля.

На ўсе жыццё ўдзячны гэтай зямлі, як мага хачу ёй аддзячыць за прытулак, за хлеб, якімі яна падзялілася з намі ў цяжкія дні. Толькі трывога свідруе свядомасць. Найменшанькі мой у чатыры гадочкі першымі словамі ў жыцці прачытаў: «па-гро-за вай-ны».

Вось, бадай, і ўсё самае істотнае з майго сталага веку, што помніцца, чуецца сэрцам, што непакоіць і гаіць, што надае смеласці пакласці часам на паперу шчыры, выпакутаваны радок. Друкавацца пачаў з 1958 года. Маю пяць малых і пяць вялікіх кніжак прозы: «Дарога», «Жывая зямля», «Адарваць ад сэрца», «Асколкі болю», «Страла жыцця».

Узнагароджаны літаратурнымі прэміямі: «Мядоваю», «Берасцейская зорка», Дыпломам імя Уладзіміра Андрэевіча Калесніка.

ШМАКИНА Екатерина

Родилась в 1927 году. До войны жила на Могилёвщине. Партизанская связная, бывшая малолетняя узница тюрьмы гестапо в Славгороде, Черикове и концлагеря Людвигсгафен (Германия). Проживает в Бресте.

В подвале гестапо

Нападение Германии на нашу Родину застало меня в возрасте четырнадцати лет. В апреле 1941 года я вступила в комсомол. Искренне утверждаю, что Могилёвская область в Беларуси — сплошное кладбище без могил и крестов погибших в июле–августе этого года. Вооружённые только винтовками, измученные в боях красноармейцы и командиры сражались против немецких танков, гибли под минометным огнём, под бомбами и пулемётными очередями из самолётов.

Для подростков тех лет, для пионеров и комсомольцев понятия «долг и честь перед Родиной» были не только словами, а смыслом жизни. Все мы думали только об одном — каким образом включиться в борьбу против оккупантов, как помочь отцам и братьям в жестокой схватке с коварным врагом. Не задумываясь о последствиях, шли в ряды партизан и подпольщиков. Командование в целях конспирации не вело учёт нашей работы. Тем более не выдавало никаких документов.

С осени 1941 года и весь 1942 год я вместе с ребятами из нашей деревни собирала оружие, передавала его партизанам, которые базировались в лесах за рекою Сож. Нам давал задание Самусенко Иван Прохорович через своего сына Гришу, они были связными, потом ушли в отряд и погибли. Весной 1943 года я встретилась с командиром разведки отряда № 41, передала ему гранаты и тол и получила новое задание по сбору данных о движении транспорта

на шоссейных дорогах. Для выполнения этого задания мы создали специальную группу, в которую, кроме меня, вошли школьные подруги Рыжанкова Соня и Василенко Таня.

Однажды нас засекли полицаи, но мы от них как-то ушли. А вот 11 июня 1943 года полицай выследил меня и сдал в гестапо с поличным (записи моих наблюдений за движением немецких машин и их опознавательных знаков). Это была суббота перед Троицей. Меня охраняли два немца, а полицай, отнявший листки, докладывал в гестапо города Славгорода о поимке связной партизанского отряда. На допросе присутствовал переводчик и всё тот же полицай, который первым ударил меня в лицо. Его выгнали, сняли у меня отпечатки пальцев. «Выдержать, никого не выдать, не навлечь беды» — вот чем была заполнена моя душа. После третьей «резины» потеряла сознание.

Облили водой и начали снова: «Кто послал, кто соучастник?» Однажды ввели мать во время допроса. Били её и меня. До сих пор не покидает чувство вины перед покойной мамой. Опять потеряла сознание. Очнулась — мамы в подвале не было. Истязали меня две недели, изувечили в тисках пальцы, ошпарили плечо и руку, рассекли голень ноги. Кровь текла из носа, рта, ушей, пропал слух. Дважды выводили на расстрел. Издевались, по сути, над ребёнком, и это люди, носившие на своём обмундировании слова «С нами Бог».

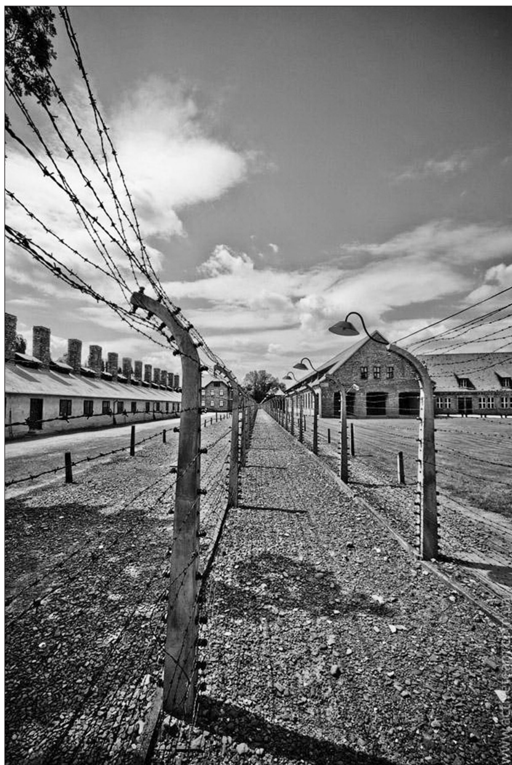
Утром в подвал на третий день Троицы зашёл офицер-гестаповец. На соломе сидели командир Красной Армии, его мать и жена из-под Чаусов. Офицер в чёрном держал в руках тонкую плетёную проволоку, потом начал ею хлестать красного командира по голове. Глянув в ту сторону, я увидела окровавленное месиво вместо лица и зацепленную за проволоку серую нить из глаза. В ужасе закричала. Палач принялся за меня. Бил, поставив на колени. В это время молодой парень, видимо, сошёл с ума, начал грызть стенку, приговаривая: «Хлеба, хлеба хочу». Немец пнул меня ногой, вынул пистолет, выстрелил тому парню в затылок и уверенным шагом вышел из подвала. Так разве мог быть с такими людьми Бог?..

Через две недели отправили меня в тюрьму города Черикова. Здесь впервые дали попить и кусочек хлеба. Полицай, который повёл на допрос, шепнул: «Если в чём и призналась, то откажись, этот немец не будет пытать». Однажды этот же полицай завёл на свою квартиру, где его мама угостила меня щами и картофельным коржиком. Потом подвёл он меня к зданию гестапо, где на площади стояло десять-двенадцать связанных в цепочку людей. Меня примкнули к ним, а за мною — ещё два человека. На площадь въехала машина. Вышедший из неё офицер спросил почему-то, сколько мне лет. Я от испуга перепутала, ответила «фирциг» (сорок). Он ударил меня ногой в живот, что-то скомандовал. Солдат отвязал меня от остальных, дотащил до грузовой машины, забросили меня в неё и повезли на железнодорожную станцию Кричев. Здесь развязали руки и втолкнули в вагон. Вскоре я оказалась в немецком концлагере около Людвигсгафена.

Лагерь, где находилось свыше пятнадцати тысяч заключённых, встретил четырьмя повешенными русскими подростками, которые проникли за пределы лагеря, чтобы собрать на поле оставшуюся после уборки картошку. Жила в бараке с двухъярусными нарами. Водили работать на фирму «Гебрюдер Гиулини», работала стрелочницей на заводской железной дороге. Заменила девушку Марийку, раздавленную две недели назад при аварии.

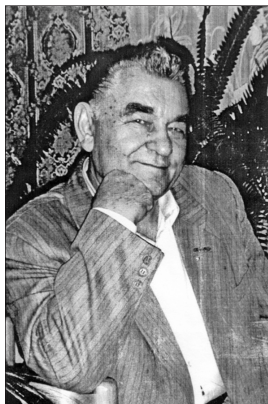
Лагерь был огорожен трёхрядной колючей проволокой. К проволоке было подключено напряжение. Охрана состояла из немецких солдат, находившихся на сторожевых вышках и на территории лагеря. Работали в две смены по двенадцать часов каждая. Мне присвоили номер, изготовленный из куска красной жести, и знак «Ост». Кормили один раз супом из брюквы, вечером кусочек хлеба и чай.

За время работы на моём участке случилось две аварии. За первую получила штраф — отработать двадцать четыре часа в кочегарке. За меня, сговорившись, несколько русских и французов отработали этот штраф. За вторую аварию получила тридцать шесть часов штрафной отработки в кочегарке, которые заменили на рытье окопов.

В апреле 1945 года нас освободили англо-американские войска. После освобождения работала при нашей воинской части в городе Дрездене на демонтаже оборудования. Домой вернулась в октябре 1945 года, устроилась на работу в усилительный пункт связи Славгорода. Через полгода, когда понадобилось рабочее место для племянницы главного инженера, меня уволили с работы как не внушающую доверия (была в Германии). Прокурор района опротестовал приказ начальника, но к работе всё-таки меня не допустили…

Жизнь прошла в борьбе за выживание человека с подорванным в страшные годы войны здоровьем. Обвиняю во всех страданиях и невзгодах войны и тех, кто их развязывает.

СТАТИВКО Леонтий Сергеевич
Родился в 1938 году в д. Бережное Столинского р-на. Вместе с матерью был вывезен на принудительные работы в Германию в трудовой лагерь Гундштадт — филиал Дахау. Был заместителем председателя Брестской областной организации бывших узников фашизма. Жил в Бресте.

Запах серы

(Из последних страниц дневника, оборванного внезапной смертью бывшего малолетнего узника фашизма Леонтия Стативко)

Всю мою жизнь казнил меня запах горелого человеческого тела, который впервые донёс к нам с мамой в поместье бауэра северный ветер из концлагеря Дахау. Обессилевшую мать мою списали с фабрики, на которой производили серу, в филиале Дахау — Гундштадт. День в день четыре месяца приносила мама этот резкий, едкий, ядовитый, приторно-сладкий запах серы, удивительно схожий с запахом гари из труб крематория. Уже в мирное время на уроке химии во время опыта, учуяв серу, я буквально потерял сознание.

Да, огненный смерч войны опалил безжалостно белорусского мальчишку и его семью. Но мальчишке удалось выжить. Господь сохранил его «ради жизни на земле», которая в фашистской душегубке не стоила и ломаного гроша.

В Гундштадте, что в переводе означает «собачий город», мы и жили по-собачьи. Кормили нас баландой из брюквы, нам в детский блок иногда приносили суп из картофельных очисток и по 150 граммов эрзацхлеба.

Немного сытнее стало у бауэра в деревушке Штыберай близ Дахау. Самыми последними забрал нас хозяин усадьбы и запряг маму в рабское ярмо. Она доила коров, растила свиней, телят, гусей, сеяла, жала, косила, убирала навоз, управлялась с волами. Вкалывала от рассвета до ночи, а сама, как тростинка, бледная, аж светится. Мал я был, а понимал её тяжкую жизнь и, безусловно, любил мать бесконечно.

В конце апреля 1945-го отозвались войска союзников. Двое суток дрожала земля от взрывов, не жалели американцы ни мин, ни бомб, ни снарядов. Наконец представители американских властей начали фильтрацию интернационального населения из концлагерей. Десять дней находились мы под открытым небом на городском рынке Дахау. Формировали нас по национальной принадлежности. Русских, то есть советских, погрузили в крытые «студебекеры», которыми управляли здоровилы-негры, повезли по разбитой «ушчэнт» Германии, передали советской администрации.

Родные солдаты малость откормили доходяг и товарняками отправили на долго-

Пинск. Памятник узникам фашистских лагерей

жданную Родину. Проверку прошли в Пинске. Настал час дальше идти в жизнь. Учился, работал, но упаси Боже обмолвиться было, что «гібеў» в концлагере.

С теми, кто с презрением относились к нашим судьбам, хотелось бы поменяться долей. Пусть бы хлебнули фашистского порядка, пусть бы нюхнули немецких газа и серы, пусть бы улетели их души через кирпичные комины то ли в пекло, то ли в рай. Убеждён в том, что всем, кто страдал в фашистской неволе, надо бережнее относиться к друг другу, теснее сплачиваться для совместной деятельности во имя лучшей жизни, пусть уже и не нашей, но хотя бы наших наследников. Люблю и считаю девизом нашего существования слова из песни «Возьмёмся за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке…» Особенно в последний час, когда так жестоко обидели нас наши «кормчие»…

От редакции.

Леонтий Сергеевич Стативко умер за письменным столом над листками своей правдивой, наивно-искренней исповеди, разбитый в одночасье инсультом летом 2011 года…

Его корни — на Столинщине, в д. Бережное, где он родился 4 ноября 1938 года. Там же он окончил после войны среднюю школу, а потом поехал учиться в Брест.

Закончил Брестский педагогический институт, отслужил в Армии, на Балтфлоте, работал по специальности — директором школы. Позже работал заместителем заведующего орготделом Брестского обкома комсомола, заведующим орготдела Брестского областного совета профсоюзов и на других руководящих должностях.

Вырастил двоих сыновей. Умер 7 июня 2011 года. Будучи на пенсии, как бывший малолетний узник фашизма, активно занимался общественной работой. Был заместителем председателя Брестской областной организации бывших узников фашизма.

Леонтий СТАТИВКО

Мы выжили

В то грозное и тяжкое тогда,
казалось, навсегда
нас угоняли в никуда.
В ту страшную войну
познали жуть фашизма.
А нам поставили в вину…
отсутствие патриотизма.
А в чём вина?
Молчит война.
Наверно, были маловаты,
А на войне не виноваты
лишь мёртвые солдаты.
Мы выжили из всех невзгод,
сердцами мы не очерствели
И пламенное званье патриот
в неволе сохранить сумели.
Из детства, юность миновав,
во взрослость мы шагнули,
но не сломались, не согнулись.
Нам руку протянуть
за тяжкий путь
до смерти не нашлось
возможности и средства,
А к сожаленью, не вернуть
Войной загубленного детства.

КЛИМЕЦ Михаил Павлович
Родился в 1938 году в д. Ровбицк Пружанского р-на. Инвалид с детства, был вывезен с родителями на принудительные работы в лагерь Черновесь Белостокского округа. Жил в Бресте.

Вдвойне трагичная судьба

В наш лесной беловежский край немцы пришли в июле 1941 года и сразу стали преследовать первых советских активистов. Семья депутата сельсовета — моего отца Климца Павла Антоновича — была арестована в январе 1942-го. Отец, мама, Елена Адамовна, брат Анатолий два месяца содержались в пересылочных пунктах Сухопаль, Беловежа, Белосток и в конце марта, вместе со многими жертвами фашизма — земляками Черешко, Рубель, Богдан, Черчен и другими — были доставлены в трудовой лагерь мебельной фабрики недалеко от железнодорожной станции Черновесь Белостокского округа. Местность была лесная, фабрика и фанерные бараки были ограждены колючей проволокой и охранялись немецкими солдатами с овчарками.

Полтысячи взрослых размещались в холодных фанерных бараках, работали до пятнадцати часов в сутки на лесоразработках и в мебельных цехах фирмы «Черновесь-Белосток». Отец и мать ежедневно страдали от изнурительного труда, холода, голода, побоев. В жестоких условиях находились и дети узников, так называемые «бандыт-киндер». Малолетки (до четырнадцати лет), в том числе и я с братом, содержались в детско-санитарном бараке за колючей проволокой. Хилых и немощных в бараке находилось примерно пятьдесят душ. Голод и холод, побои привели к тому, что я и брат

продолжительное время в лагере и после войны болели туберкулёзом лёгких и хроническим нервным заболеванием.

Моя судьба была вдвойне трагична: я инвалид с детства — нет правой руки, искалечена левая нога. Дети, даже инвалиды, использовались на работах в подсобных овощных хозяйствах, изготовлении почтовых конвертов, стирке и ремонте немецкого обмундирования и т. д. Постоянные голод и холод заставляли нас искать пищу в лесу, на грядках, помойках. Десятки малолеток погибали. Осенью 1943 года я был избит немцем лишь за то, что не смог убирать овощи, в итоге получил сильную травму ноги, которая напоминает о себе и сегодня, в мои шестьдесят лет.

В июне 1944 года железнодорожная станция и трудовой лагерь Черновесь подверглись бомбежке двух противоборствующих сторон. Горели бараки, мебельные цеха, была частично разрушена железнодорожная станция. Мы прятались в наспех построенных окопах и подвалах. Однако это не спасало — я получил осколочное ранение затылочной части головы. Вечная память и благодарность моей маме и польской бабушке Терезе, которые вылечили меня травами и спасли от смерти.

В августе 1944-го нас освободила Красная Армия. С большими трудностями вернулись на родину, в деревню Ровбицк. Жилище наше было разграблено, а некоторых родственников немцы расстреляли за связь с партизанами.

После войны отец трагически погиб в колхозе во время хлебозаготовок, а мать после рабства в лагере была пожизненным инвалидом 2-й группы. Похоронили мы её в 1993 году на родовом кладбище возле Беловежской пущи рядом с восьмилетней дочерью, умершей в 1941 году. Младшие братья Анатолий и Александр более десяти лет воспитывались в Шерешовском и Кобринском детских домах.

Отучившись в Могилевском республиканском культпросветучилище и Белорусском государственном университете им. Ленина, я заведовал библиотекой Ровбицкой школы и местной избой-читальней, возглавлял Ровбицкий сельсовет, работал секретарём Пружанского райкома комсомола, заведующим отдела про-

паганды РК КПБ, заместителем начальника управления культуры Брестского облисполкома.

Сейчас я на пенсии по инвалидности, однако активная моя жизнь продолжается. Стал историком-краеведом, по мере своих сил участвую в работе Брестской ветеранской организации, цель которой — социальная защита бывших жертв фашизма.

Международный День узника. 11.04.2010.
Панихида возле помятника жертвам фашизма в Бресте

• Остарбайтары •

У студзені 1942 года нацысцкае кіраўніцтва Трэцяга рэйху паставіла задачу: вывезці з акупаваных тэрыторыяў СССР на прымусовыя работы ў Германію 15 мільёнаў працоўных. Немцы называлі іх «остарбайтарамі» (усходнімі працоўнымі). Для вывазу з акупаваных тэрыторыяў у Германію сотняў тысячаў савецкіх грамадзянаў у гарадах і вёсках часта ладзіліся аблавы, была задзейнічана нямецкая армія і паліцыя. Паводле нямецкіх даных, у лютым 1942 года штотыдзень на прымусовыя работы ў Германію адпраўлялася 8–10 тыс. чалавек. Большую частку вывезеных на прымусовыя работы ў Германію грамадзянаў складалі жанчыны, а таксама падлеткі ва ўзросце ад 10 да 16 гадоў (да 30%).

У Германіі остарбайтары жылі ў лагерах двух тыпаў: у прыватных лагерах, якія былі пабудаваныя і ўтрымліваліся за кошт буйных кампаніяў, такіх, як «Хейнкель» і «Опель», і ў спецыяльных лагерах, якія ахоўваліся прыватнымі ахоўнымі структурамі «веркшутц». Усе лагеры былі абнесены калючым дротам і знаходзіліся пад аховай. Свабоды перамяшчэння остарбайтары не мелі. Яны былі абавязаны насіць нашыўку цёмна-блакітнага і белага колераў з надпісам «OST», якая паведамляла немцам, што гэты чалавек — працаўнік з Усходу, і паніжала іх у правах. Галодны рацыён і прымітыўныя ўмовы ўтрымання з'яўляліся стандартнымі ўмовамі жыцця гэтых людзей у нацысцкай Германіі. Остарбайтараў выкарыстоўвалі на самых цяжкіх і небяспечных работах.

Праца доўжылася 12 гадзінаў у дзень, 6 дзён на тыдзень. Часам яна нават аплочвалася, але паводле ставак утрая меншых, чым у нямецкіх рабочых. Аплата была разлічана такім чынам, каб яе хапала толькі на беднае харчаванне, адзенне і прадметы першай неабходнасці. У адпаведнасці з дзяржаўнымі інструкцыямі нацысцкіх уладаў прадугледжвалася, што «ўсе працоўныя павінны атрымліваць такую ежу і такое жыллё і падвяргацца такому абыходжанню, якія б давалі магчымасць эксплуатаваць іх у найбольшай ступені пры самых мінімальных выдатках».

Узровень смяротнасці сярод вывезеных у Германію савецкіх людзей быў вельмі высокі. Остарбайтары маглі падвяргацца збіццю і здзекам, іх нават маглі забіць з мінімальнымі наступствамі для немцаў, якія гэта ўчынілі. Тых, хто спрабаваў збегчы, лавілі і забівалі, пакідаючы «у навучанне» труп забітага. Пакіданне свайго працоўнага месца таксама каралася смерцю.

Рабскую працу остарбайтараў выкарыстоўвалі больш за 200 нямецкіх кампаній, уключаючы Daimler-Benz, Deutsche Bank, Siemens-Schuckertwerke, Volkswagen, Hoechst, Dresdner Bank, Krupp, Allianz, BASF, Bayer, BMW і Degussa. Нягледзячы на тое,

што большасць остарбайтараў былі задзейнічаны на буйных ваенных прадпрыемствах Трэцяга рэйху, многім даставалася праца і на дробных і сярэдніх прыватных фабрыках, у хатніх гаспадарках немцаў. Буйныя прадпрыемствы былі мэтамі паветраных налётаў, таму многія з остарбайтараў загінулі пры паветраных бамбаваннях заводаў саюзніцкай авіяцыяй.

Паводле даных на студзень 1944 года сярод усіх замежных грамадзянаў, задзейнічаных на прымусовых работах у нацысцкай Германіі, 2 млн 165 тыс. чалавек паходзілі з СССР, што складала 33,6 %.

У абвінаваўчым заключэнні Нюрнбергскага працэсу па справе галоўных нямецкіх ваенных злачынцаў адзначалася, што з Савецкага Саюза германскія акупацыйныя ўлады ў 1942–1944 гг. вывезлі на прымусовыя работы 4 млн 979 тыс. чалавек з ліку грамадзянскага насельніцтва. Паводле ацэнак даследчыкаў, найбольш было вывезена з тэрыторыі Украіны — 2,4 млн чалавек, з тэрыторыі Беларусі — 400 тыс. чалавек. Таксама на прымусовых работах у Германіі выкарыстоўвалі, па розных ацэнках, ад 1 да 2 млн ваеннапалонных з СССР.

Па заканчэнні вайны тыя з былых остарбайтараў, якія знаходзіліся ў савецкай зоне акупацыі, былі вернутыя ў СССР. Нешматлікая частка остарбайтараў, хто ўсведамляў пагрозу сталінскіх рэпрэсій, адмовілася вяртацца ў СССР. У тых, хто апынуўся ў зоне акупацыі заходніх саюзнікаў, быў большы шанец не вяртацца ў СССР, бо грамадзянамі СССР не прызнавалі асобаў, вывезеных на прымусовыя работы з Прыбалтыкі, Заходняй Украіны і Заходняй Беларусі. Таму многія беларусы і ўкраінцы запісаліся грамадзянамі Польшчы. З гэтай прычыны статыстыка вывезеных на прымусовыя работы з тэрыторыі СССР не ёсць дакладнай.

Па вяртанні ў СССР остарбайтары нярэдка прызнаваліся савецкімі ўладамі здраднікамі радзімы. Вярнуўшыся з нямецкага рабства, яны былі духоўна і фізічна зламаныя. Больш за тое, яны афіцыйна лічыліся асобамі, чыя лаяльнасць да існуючага савецкага рэжыму была сумніўнай, і гэта зноў дыскрымінавала іх. Нярэдка гэтыя людзі атрымлівалі адмову ў прыёме на пэўную працу, не маглі атрымаць вышэйшую адукацыю, чулі ад людзей асуджэнне ў свой адрас.

У 2001–2007 гг. за сваю рабскую працу ў гады вайны атрымалі кампенсацыю ад нямецкага ўраду каля 120 тыс. жыхароў Беларусі, 256 тыс. грамадзянаў Расійскай Федэрацыі, 471 тыс. жыхароў Украіны, а таксама 13 тыс. жыхароў Латвіі, 12 тыс. грамадзянаў Літвы, 9 тыс. — Эстоніі і 3 тысячы грамадзянаў у іншых краінах былога СССР.

ЗАСІМ Марыя Арцёмаўна

Нарадзілася ў в. Шані Пружанскага р-на ў сялянскай сям'і.
Родная сястра паэта Міколы Засіма.
Была вывезена на прымусовыя работы ў Нямеччыну.
Бацькі былі расстраляныя за сувязь з партызанамі.

Адпраўка на прымусовыя работы ў Германію (1942–1943 гг.).
Фота Міністэрства прапаганды III Рэйху

• • • • • • • • • •

Мікола ЗАСІМ

Сястра мая

Ты дзе цяпер, сястра мая,
Аб гэтым я не знаю.
Адно, аб чым дачуўся я:
Схапілі паліцаі.

І павязлі на Беласток,
У Прусію рабою,
І хлеба не далі кусок
Узяці нат з сабою.

Каб па дарозе не ўцякла,
Скавалі рукі туга,
І каля кожнага сяла
Цябе сцябалі пугай.

Табой наводзілі ўсім страх,
Каб ўсе былі пакорны.
А я, сястрыца, у карчах
Аблёг, быў моцна хворы.

Не мог, любімая, павер,
Прыйсці на дапамогу.
Заліў крывёю люты звер
Усе шляхі-дарогі.

Ты дзе цяпер, сястра мая,
Аб гэтым я не знаю.
Адно — надзею маю я,
Ў Берліне што спаткаю.

Старасельскі лес, 1943 г.

Сестре

Сестрёнка милая моя,
Ты где теперь — не знаю.
Одно, о чем прослышал я, —
Схватили полицаи

И увели на Белосток,
В Германию рабою.
И хлеба увязать в платок
Ты не могла с собою.

В слезах, поникнув головой,
Ты шла с другими рядом.
На сельских улицах конвой
Толкал тебя прикладом,

Чтоб нашим людям в души страх
Вселить, не дать потачки…
А я лежал в сырых кустах,
Больной, в бреду, в горячке.

Не мог тогда поспеть к тебе,
Спасти сестру родную.
Но нынче снова я к борьбе
Вернулся, вновь воюю.

Сестренка милая моя,
Не знаю, где ты ныне.
В одно лишь твердо верю я:
Найду тебя в Берлине..

Перевод с белорусского
Александра Твардовского

МАЛАХОВСКИЙ Николай
До войны жил в г. Бобруйск.
Бывший малолетний узник гестаповских тюрем в Бобруйске и Березине.
Был вывезен на принудительные работы в Германию в г. Эринцхаузен, стал узником концлагеря Гидергайм.
Репрессирован, бывший узник ГУЛАГа.
Жил в Бресте.

Лежали, ожидая смерти

В июле 1941 года меня арестовал полевой жандарм в городе Бобруйске по подозрению в шпионаже. Доставили в гестапо, поместили в подвал. Здесь было очень много людей. Меня, мальчишку, предупреждает пожилой дядька: ни в чём не признавайся, а то повесят. На другой день допрашивают: как ты, сморкач, оказался в расположении наших, немецких, войск? А я отвечаю: «Ей-богу, из-за любопытства». Не поверили, начали избивать, раскалённые металлические пластинки прикладывали к телу, сломали левую руку выше локтя. Потерял сознание. Привели в чувство взрослые дяди. Ничего не мог есть, сквозь зубы пил только воду. Руку вправили, но паршиво, до сих пор калека.

В комендатуре пробыл два месяца. Потом вместе с двадцатью побратимцами перевезли в тюрьму на станции Березина. После тюрьмы перевели в концлагерь, где жизнь человеческая ничего не стоила, в любой момент могли нас расстрелять или повесить. Жили в бараках, земляных норах. Кормили пищевыми отбросами. На первых порах отпускали немцы военнопленных при наличии свидетелей — жены и других родственников. Фотографировали при этом всю группу для пропагандистских целей.

Меня никто не вызволил. В 1942 году отправили под строгой охраной в Германию. Очутился в городе Эринцхаузене на литейном заводе «Будерус». Отливали здесь детали для автотранспорта, кормили два раза в сутки, суп из брюквы со жменей соевой муки, 250 граммов хлеба. Работали по десять–двенадцать часов шесть дней в неделю. В воскресенье немцы не работали, а нас выгоняли на разгрузку и погрузку вагонов. Жили в бараках, за колючей проволокой, охрана за «неудовлетворительную работу» избивала до смерти. Многие кончали жизнь самоубийством.

Однажды, работая в ночную смену, я плюнул на всё и удрал. Задержал польский железнодорожник, сдал в немецкую комендатуру. Били меня, били, потом возвратили в лагерь, опять били и посадили в бетонный мешок. Двое суток не давали ни еды, ни воды.

К счастью направили в цех, где работали военнопленные французы. Познакомились, подружились. С товарищем-украинцем бежали, когда полицай дремал, закутавшись в одеяло, выскользнули из лагеря.

Шли двое суток, на третьи выбились из сил и решили отдохнуть. Залезли в копну соломы. Только начали дремать, обнаружил нас постовой противодесантной службы. Отвёл в какой-то населённый пункт и сдал жандармам. На допросе заявили: работали у фермера и, выйдя в лес, углубились в горы, заблудились, двое суток блуждаем. Разговоры разговорами, сажают нас на целую ночь в деревенскую тюрьму. Утром надели наручники, сковали по парам и опять допросили. Втолкнули в вагон, привезли во Франкфурт-на-Майне, поместили в тюрьму.

Пробыли мы здесь около двух месяцев, потом перевели в концлагерь Гидергайм, здесь содержалось около десяти тысяч человек. На груди моего пиджака нашили номер 4224, на спине масляной краской наквацали: «AEL». Кормили варёными очистками два раза в день плюс сто пятьдесят граммов эрзац-хлеба. По утрам выводили на построение, вызывали по номерам. Лагерь имел два филиала: Гундштадт и Бляйденштадт. Здесь, в горах, велись строительные работы. И я там повкалывал землекопом по извлечению

неразорвавшихся авиабомб, зато кормили дополнительно, третий раз, — баландой.

После тотальной мобилизации фрицев на фронт некому было работать у них на заводах и фабриках, и весной 1944 года нас направили на фирмы, стали мы «восточными рабами» — русские, украинцы, поляки, французы, белорусы. Работали по десять–двенадцать часов в сутки. Когда приходила баржа с цементом, тянули жилы все восемнадцать часов.

В апреле 1945 года рванули из лагеря. Скатились в кювет и ушли в горы. Дождались прихода американской полиции, которая собрала бывших узников и направила в лагеря по национальной принадлежности.

Через два месяца передали нас в город Дессау на Эльбе советским войскам. Ожидая фильтрации, десять дней прожили под открытым небом на голой земле. Потом погрузили в машины, перевезли в Кечендорф под Берлином, направили на демонтаж заводского оборудования.

В сентябре 1945-го погрузили командиры в телятники и отправили на Урал. При проезде через родной Бобруйск — чёрт дернул, соскочил на ходу, добрался домой… Работал в колхозе, а в октябре 1947-го мобилизовали в угольную промышленность. Вкалывал в Горловке, на шахте «Кочегарка-3».

Через год по доносу в КГБ арестовали, осудили на пять лет «за преклонение перед иностранной техникой» — похвалил американские автомобили — и был направлен на Урал, в Нижнюю Туру. На завод по производству «тяжёлой воды», сами понимаете — водородная бомба. Закончили строительство завода, этапировали в «Арзамас-16» под Горьким. Прокантовался до июля 1951 года.

После освобождения работал и учился в вечерней школе, в Саратовском политехническом институте. Начинал со слесаря, потом мастер, старший мастер, начальник участка, главный инженер. В 1971 году приехал в Латвию, в Ригу. Здесь проработал ровно двадцать лет. У меня там есть друзья, мне кажется, что помнят и они обо мне.

Сейчас на пенсии. Заместитель председателя Брестской областной организации бывших несовершеннолетних узников фашизма, член ревизионной комиссии Брестского областного комитета Красного Креста. Инвалид второй группы.

Актив Брестской областной организации бывших несовершеннолетних узников фашизма на мероприятии, посвящённом 65-летию Победы. 09.05.2010

ЛЕВОЦКИЙ Алексей
Родился в 1924 году в д. Кривичи Пинского р-на.
Был вывезен на принудительные работы в Германию.
Бывший узник тюрьмы в Билефельде и фашистского концлагеря Лядэ (Германия).
Проживает в г. Пинск.

Норма — четырнадцать вагонеток

Родился я 8 декабря 1924 года в деревне Кривичи Пинского района в семье крестьян. В семь лет пошёл в начальную польскую школу, которую закончил в 1939 году. Сразу после окончания пришла к нам Красная Армия. Вторая мировая война застала меня в родной деревне. До весны 1942 года жил с родителями, работал на сельском хозяйстве. А весной меня и родственников староста хотел отправить на работу в Германию. Чтобы избежать этой беды, я уехал в Пинск.

Здесь устроился рабочим на мебельную фабрику. Делал клёпки, бочки, часть которых забирали немцы, а часть мы передавали партизанам. Летом 1943 года заведующую фабрикой Голомазову Ирину немцы арестовали, меня также забрали в лагерь, размещённый по улице Театральной. 19 июня молодёжь погрузили в товарные вагоны и отправили в Германию.

Привезли в город Дортмунд, направили на кирпичный завод. Живём в бараках для восточных рабочих. Возим на тачках глину и кирпичи, загружаем печи, вагоны.

Летом 1944 года направили на Западный фронт рыть окопы. Примерно через неделю или две американская авиация разбомбила лагерь, нас перестали кормить, и мы решили возвратиться на прежнее место работы.

В поезде меня арестовали полицаи и посадили в тюрьму города Билефельд. Там допросили и вменили в вину побег с окопных работ. Из тюрьмы отправили в концлагерь Лядэ возле города Миндена, присвоили лагерный номер 920740. Здесь мы строили электростанцию. Через два месяца отправили в каменный карьер. Здесь назначили сроки: двадцать восемь или пятьдесят шесть суток работы. Кому выпало 56, все погибли.

Упавших, обессиленных никто не имел права подымать. Кормили два раза в сутки, а дневная норма выработки на двоих составляла четырнадцать вагончиков, загруженных камнем. Не выполнивших норму вечером не кормили и избивали. Я свои двадцать восемь суток отбыл, остался жив, направили опять в лагерь Лядэ на строительство электростанции.

В ноябре 1944-го из концлагеря увозят на биржу труда в город Минден. Хотели определить к бауэру, но я обессилел, сильно исхудал, попросился обратно на кирпичный завод к своим ребятам. Просьбу удовлетворили, и друзья откормили, привели меня в чувство.

В апреле 1945 года нас освободили американские войска. Из лагеря перешли жить в деревню, откуда переправили в советскую зону оккупации под Магдебург. Работали на демонтаже заводского оборудования. Осенью сорок пятого вернулся на родину к родителям. В 1947 году женился, а в 1948-м году переехал в город Пинск.

В начале работал в «Заготзерно», потом в речном порту кочегаром на паровом кране, затем крановщиком на дизель-электрическом плавучем кране.

В 1985-м вышел на пенсию. Живу в домике, перевезённом из родных Кривичей, с женой Марией Андреевной. Имеем двух дочерей, внуков и правнуков, оба инвалиды второй группы.

ШИБУНЯ Татьяна
Родилась в 1935 году.
До войны жила в Малоритском р-не Брестской обл.
С родителями вывезена на принудитульные работы в Германию. Бывшая малолетняя узница трудового лагеря Оберторг (Германия).
Проживает в Бресте.

Разные немцы

Мне было тогда девять лет. Июнь 1944 года, цветёт гречиха. Приезжают на конях четверо немцев с полицаем, приказывают отцу собрать всю семью и весь скот. По окончании сборов сопроводили до станции Заболотье, загнали и нас, и скот в вагоны. В Малорите вагоны с живностью отцепили, а нас, четверых малолетних детей, отца и маму, затолкали в новый состав и угнали в Германию.

В вагонах было тесно и душно. Все плакали, мы жалели оставшуюся дома бабушку. По приезде под конвоем нас доставили в концлагерь Оберторг, в город Нойсе. Здесь сфотографировали с лагерными номерами. Моя фотокарточка сохранилась, отчётливо виден номер 10043. В бараках были трёхъярусные нары, жесткие и холодные. Кормили очень скудно, баланда и брюква, мятая с кожурой картошка — в воскресенье.

Маму, отца и старшую сестру каждый день гоняли на фабрику, хозяин, некий Дикман — о нём неплохо отзывались узники — даже нам иногда передавал немного перловой каши. Ох, и вкусная была!..

Однажды охранник избил сестру только за то, что у неё вроде неаккуратно был пришит номер. Каждый день издевательства и слёзы.

Потом начались бомбёжки американской авиации, во время которых все прощались друг с другом и с коротенькой своей жизнью.

Наконец разбомбили Оберторг, нас загнали на территорию завода Шмольц, и здесь с воем падают бомбы, сидим в воронках и день и ночь. Холодно, грязно, очень хочется есть.

В апреле 1945-го нас освободили американцы. Но мне хочется сказать о немцах. Одни содержали нас в нечеловеческих условиях, унижали, били, морили голодом. Но были и такие, кто сбрасывал незаметно нам с верхних этажей хлеб, проезжая мимо на велосипедах, совал кусочки хлеба, давал старую одежду. Как не вспомнить их с благодарностью!

Из интернационального лагеря Этцель мы вернулись на родину, где начались новые беды. Отца почти каждый день вызывали в НКВД. Уходя, он всегда прощался с нами. А мы сидели всю ночь напролёт у окна, ожидая его с допроса…

Больно, обидно было дома испытывать новые унижения. Но постепенно всё уладилось, хотя пришлось и голодать, и жить у чужих людей, скитаться по чужим углам.

ЛАТЫПОВА Вера Георгиевна
До войны жила в пос. Никольское Ленинградской обл. Была вывезана на принудительные работы в Германию. Проживает в Бресте.

Много пришлось пережить

…Дети войны — и веет холодом,
Дети войны — и пахнет голодом,
Дети войны — и дыбом волосы,
На чёлках детских седые полосы.
Какая разница, где был под немцами —
В Дахау, Лидице или в Освенциме?
Их кровь алеет на плацах маками,
Трава поникла, где дети плакали.
Дети войны — и боль отчаянна!
О, сколько надо им минут молчания…

Война — это не только убитые и раненые. Это и украденное детство, и вечный страх тех, кто провёл свои юные годы в плену и рабстве.

Я жила в большой семье. Нас было у папы с мамой пятеро. До войны жили в Ленинградской области, в посёлке Никольское. Когда началась война, завод, где работал папа, был эвакуирован в Куйбышев. И так как у отца была бронь, он тоже уехал с заводом. Расставание было тяжёлым, он нас всё время успокаивал: «Не переживайте, вторым эшелоном поедут семьи». Никто не мог предположить, что расставание будет длиться четыре года. Второго эшелона не было: немцы перерезали путь на Москву. Была

отдана команда рыть окопы, рвы и там прятаться при бомбёжках и обстрелах. Мне было в то время два годика, Толику — четыре, Жене — одиннадцать, Мише — пятнадцать, а Любе — семнадцать лет.

В августе 1941 года в Никольское вошли немцы. Линия фронта проходила как раз через Никольское — Саблино. Поэтому бомбёжки и обстрелы были ежедневные.

И вот пришла зима, очень холодная, топить нечем. Немцы не привыкли к таким морозам, поэтому отбирали тёплые вещи. Однажды ночью к нам зашёл сильно замёрзший немец и, увидев на дедушке валенки, стал требовать, чтобы тот их отдал. Дед заупрямился, тогда немец повалил старика, сам стал стаскивать обувь. Но мы громко кричали, плакали. Немец, услышав наши мольбы, прекратил борьбу, выругался и ушёл.

Старшего брата Мишу вместе с другими ребятами отправили в лагерь, который организовали при школе. Их заставляли чистить дороги, копать могилы, закапывать трупы, заготавливать дрова в лесу, разбирать разрушенные бомбёжкой постройки. Однажды Миша прибежал домой и принёс нам подкрепление — немного овса.

С трудом пережили зиму. Правда, не стало нашего дедушки. Весной чуть-чуть полегчало. Стали собирать молодую лебеду, крапиву. Щавель, мороженную картошку, которая случайно осталась на огородах с осени.

Затем Мишу с другими узниками угоняют в концлагерь, в Ново-Лисино. Это был уже 1943 год. Много брату пришлось испытать, пережить, увидеть немало смертей также в других лагерях. После прорыва блокады Ленинграда немцы погнали узников на Псков, дальше на Таллинн, который наша авиация постоянно бомбила, в Латвию, в город Виндау.

В ночь с 30 апреля на 1 мая 1945 года брат с товарищами бежал из лагеря. Путь возвращения домой был очень долгий. Мы два года о нём ничего не знали. А что было с нами?

Когда фашисты поняли, что Ленинград им не захватить, стали собирать местных жителей в группы и гнать на Запад. Так и наша

семья оказалась в Латвии в распределительном лагере. Сюда приезжали бауэры и набирали себе батраков. Увидев маму с четырьмя детишками, нас никто не хотел брать. Но всё же сжалилась одна пожилая женщина и приютила нашу семью.

Мама и старшие сёстры Люба с Женей работали с утра до вечера. А я с братом Толей всё время находились в бараке. Сестра Женя пасла коров. Однажды одна корова упала в ров и сломала ногу. Вытащить её сестра не могла и горько плакала. Хозяйка избила сестру и сутки не кормила. А Жене было в ту пору всего тринадцать лет.

Прошло меньше года, и немцы снова забрали нас от хозяев в лагерь. Всех, русских и украинцев, пригнали на пристань и стали грузить на палубу военного корабля. Наша мама очень боялась взойти на палубу. Тогда немец пригрозил ей расстрелом и сказал, что детей увезут в рабство в Германию.

Нас разместили на верхней палубе в качестве прикрытия отступающим немецким войскам. Пока корабль плыл по Балтийскому морю в Германию, нас бомбила советская авиация, но, заметив гражданское население, лётчики догадались, в чём дело, и бомбардировки прекратили.

Через несколько дней корабль приплыл к острову Рюген. Узников выгрузили, и мы опять попали в распределительный лагерь. Теперь хозяевами становились сами немцы. Нас опять никто не брал. И когда один из хозяев подводы отлучился, мама меня и Толика незаметно уложила в пустую повозку и прикрыла. А сама с моими сёстрами остановились недалеко от телеги. Когда хозяин увидел троих, то поманил пальцем и сказал: «Я забираю вас». Таким образом, чудом маме удалось сохранить нас вместе.

Мы вместе с польской семьёй попали в отдельно стоящий барак. Поместье, где мы работали, называлось Госсельфитц. Работы было много: уход за скотом, очистка помещений, заготовка кормов, уборка с полей свёклы, капусты, брюквы. Мы с Толиком подметали полы в бараке, убирали двор, ходили за хворостом в лес.

Одежда наша износилась, почти не грела, поэтому мы постоянно болели. Кормили одним брюквенным супом. Если Любе, старшей сестре, удавалось ухватить с поля морковку или кар-

тошку, для нас был праздник. А если сестра попадалась охранницам, то получала плёткой.

Так мы существовали до самого освобождения нашими войсками в начале мая 1945 года. Толя вспоминает, ему было тогда 8 лет, как к бараку подошли наши солдаты с автоматами на груди и сказали: всё, конец войне, собирайтесь домой.

Тяжело пришлось нашей маме за все четыре года войны. Но она спасла нас. Папа всё это время ничего о нас не знал. Вернувшись в Никольское, мы послали в Куйбышев телеграмму. И папа быстренько за нами приехал.

Послевоенное детство и юность прошли в рабочем посёлке Петра-Дубрава в России. Там, на эвакуированном из Никольского заводе, наша семья проработала в общей сложности 125 лет. Практически все получили образование. Миша закончил строительный институт, Женя — гидротехнический техникум, Толя — политехнический институт, а я — плановый. И только Люба, старшая сестра, — курсы бухгалтеров. Война помешала…

После войны прошло уже свыше 65 лет. Из нашей большой семьи в живых уже нет пятерых. Брат Михаил живёт в Ставрополе, я — в Бресте, мы с ним переписываемся, часто разговариваем по телефону и вспоминаем нашу малую родину — посёлок Никольское, теперь уже город.

ТАРАСЕВИЧ Нина Калениковна
Председатель Столинской районной организации ОО «Белорусская ассоциация бывших несовершеннолетних узников фашизма». Родилась в 1932 году в г. Столин. Была вывезена с родителями на принудительные работы в Германию, малолетняя узница трудового лагеря в Берлине. Проживает в г. Столин.

Самый радостный день

Я родилась в 1932 году в г. Столине в крестьянской семье. В 1940 году пошла в школу, проучилась до начала войны.

14 февраля 1944 года нашу семью насильно угнали в немецкое рабство. Мы оказались в Берлине. Отец, мать и старшие братья Михаил и Владимир работали на фабрике, а я с маленьким Костей находилась в лагере. Во двор лагеря нас выпускали под охраной всего на один час. В основном мы находились в бомбоубежище. Было очень страшно, когда бомбили столицу Германии.

Кормили нас очень плохо. Детям на день давали сто граммов хлеба, утром чай, в обед суп из протухлых овощей, вечером — снова чай. Один раз в неделю выделяли по одной картофелине. Конечно, есть очень хотелось.

Особенно участились бомбёжки в начале 1945 года. До обеда — советские, после обеда — американские самолёты. Мы, дети, от страха седели. Самым радостным днём в моей жизни стал тот день, когда бойцы Красной Армии открыли ворота лагеря и с радостью сказали: «Вы свободны, можете ехать домой». Отца и

старшего брата Михаила призвали в действующую армию. Отца вскоре демобилизовали, а брат прослужил три года.

Уже 15 мая 1945 года нас с мамой, братьев Владимира и Константина посадили в товарный вагон и отправили в сторону Бреста. Добирались мы на Родину больше двух недель. Прибыли в Столин, а дома нет, одно пепелище. Нас приютила мамина тётя. Мы помогали ей по хозяйству, а она нас кормила, чем могла. По возвращении отца нам дали небольшие две комнаты. Отец устроился на работу в горпо, развозил по ларькам и магазинам хлеб. Только тогда мы почувствовали вкус самой главной человеческой пищи.

С 1945 по 1952 год я училась в Столинской средней школе. Потом год проработала счетоводом. В 1953 году поступила в Барановичский учительский институт. Проработала три года в школах Столинского района преподавателем русского и белорусского языков и литературы. В 1957 году поступила и в 1960-м закончила Брестский пединститут. Работала учителем, инспектором районо. За успешную работу награждена значком «Выдатнік народнай асветы».

Уходила на пенсию в 1987 году с должности преподавателя Столинского сельскохозяйственного техникума. В 1986 году была награждена медалью «Ветеран труда».

Уже более десяти лет являюсь председателем Столинской районной организации бывших несовершеннолетних узников фашизма.

БАБОШИНА Александра Саввовна

Родилась в пос. Прутыльцы Корсунь-Шевченковского р-на Киевской обл. (Украина). Была вывезена на принудительные работы в Германию в г. Ваймар. Проживает в Бресте.

До войны я жила в Киевской области, в посёлке Прутыльцы Корсунь-Шевченковского района. Родители работали в совхозе. В семье нас было четыре брата и я, самая меньшая.

21 июня 1941 года вечером с подружками мы учились танцевать, а 22 июня утром объявили — война! Бомбили Киев, затем через неделю к нам наехало очень много немецких солдат, сразу стали издеваться над людьми, грабили, избивали, расправлялись с коммунистами, на глазах у нас стали расстреливать.

Через некоторое время стали вывозить молодёжь в Германию. Сначала забирали постарше. Меня родители прятали. Отвезли в другую деревню и там специально заразили чесоткой (там была эпидемия). Через некоторое время я вернулась домой, и немцы, как посмотрели на мои руки, так и шарахнулись и меня не забрали. Все руки были в пузырях.

Вскоре немцы стали активно продвигаться внутрь нашей страны. Я вылечилась, немцы ушли, а у нас остались полицаи-предатели. Так было до 1943 года. В это время немцы стали активно отступать и сразу начали забирать оставшуюся молодёжь, в том числе забрали и меня. На ночь нас поселили в какой-то разбитой школе до утра, а утром нас увезли на железнодорожный вокзал. Нас поселили в товарные вагоны. Вагоны были набиты битком.

Нам бросили в вагон буханку хлеба, поставили бачок воды, и так мы ехали день и ночь.

Привезли нас в город Ваймар, поселили в лагерь с колючей проволокой, по которой проходил ток. Условия были страшными. Мы были грязные, голодные, нас сразу переодели в полосатые костюмы и выдали деревянные колодки. Так мы и шагали в строю с 6 утра и до вечера.

Работали на заводе. Работа была просто непосильная. Приходилось возить тяжёлые тачки, убирать цеха. Кормили нас баландой с брюквой, в которой плавали сгустки крови. Нам давали две таблетки сахарина и 200 граммов хлеба. Строго наказывали. Рядом был политический лагерь, и однажды политические шли рядом и передали мне газетку с родины. За это я получила карцер на двое суток (цементная будка с каплями воды сверху). Вешали людей в лагере, а нас ставили вокруг, чтобы смотрели и не плакали. Так и оставляли трупы висеть перед окном барака на длительное время.

Затем начались страшные бомбёжки, в лагере начался беспорядок, ворота были открыты, и мы убежали с подругой. Это было в апреле, было холодно и голодно. Вечером заходили в деревни и просили кушать. Немцы были и хорошими: кормили, жалели и отправляли нас, боялись гестаповцев. Это была середина апреля 1945 года. Нас встретили американцы, поселили в свой лагерь и через реку Эльбу переправили нас на противоположный берег, где нас передали русским офицерам. Сколько было радости!

Здесь меня взяли в свою воинскую часть (в/ч 11357), где я служила зав. полевой почтой. Ещё были бои и перестрелки под Берлином. В 1947 году часть перевели в Брест, я уже работала телефонисткой, в 1948 году уволилась. Училась, вышла замуж за военнослужащего. Так мы и поселились в Бресте, где и живём до сих пор.

КРИВОБЛОЦКИЙ
Леонид Викторович
Председатель Малоритской районной организации бывших узников фашизма. Родился в 1936 году в г. Малорита. С малолетними братом и сестрой находился в трудовом лагере под Кёльном вместе с отцом, которого вывезли на принудительные работы в Германию. Проживает в г. Малорита.

Родная земля

Родители мои были глубоко верующими людьми. И Бог даровал им четырнадцать детей, а мне, значит, — семь сестёр и шесть братьев. Правда, накануне войны ушли из жизни трое братьев-младенцев и, самое горькое, — вместе с нашей мамой.

Старшие пять сестёр и два брата к началу войны уже входили в самостоятельную жизнь. А на руках отца, Виктора Кондратьевича Кривоблоцкого, оставалось четверо: две сестры, Вера и самая младшая — Надя, да я с братом Николаем.

Уже перед самым освобождением, в 1944-м, подвела нас младшая Надя. Незаметно ушла в лес. Отец пошёл её искать. Заметил это кто-то из недругов отца, донёс в жандармерию: «Старый Кривоблоцкий подался к сыну-партизану». Действительно, наш старший брат Фёдор уже партизанил. Отца поймали, посадили в подвал. На вторые сутки разрешили попрощаться с детьми. Затем его и нас, младших, кроме Нади, которую спрятали сёстры, затолкали в вагоны, что стояли на станции Малорита, и увезли в Германию.

Довезли до Кёльна, потом перекинули на железнодорожную станцию Геген Будберг. Отца и нашего дальнего родственника, несовершеннолетнего юношу Владимира Харсюка, определили работать на «чыгунку». Отец обслуживал стрелочные переводы, а Володя попал в путейскую колонну, немцы её называли «ротой».

Жили мы в бараках и кое-как в 1945-м, вместе с отцом, братом Николаем и сестрой Верой, дождались освобождения американскими войсками. Мне тогда едва исполнилось 9 лет. Некоторые земляки после освобождения решили уехать в США. Отец наш не принял предложения уехать в Америку: звала родная земля и дети, особенно младшая Надя.

Вернулись в родную Малориту. Переростками сели за парты. Вскоре нас отыскали братья Фёдор и Иван, которые добывали уголь в Донбассе. Определили они меня в шахтёрское ФЗО, и я двадцать лет отползал с ними под землёй в шахте имени Засядько. Нашей шахтёрской династии «изменил» младший брат Николай, который посвятил себя учительскому делу.

В 1986 году, выйдя на пенсию, вместе с женой, Верой Максимовной, перебрался на родину, в Малориту. Всегда считал, что нет места лучше Гальчино. Для меня Гальчино — это не только урочище в Малорите, где стоит родной дом, но и сад, выпестованный мною на 46 сотках доставшейся по наследству земли.

Фруктовый сад заложил ещё тесть — Максим Терентьевич Сацюк. Сад стал главным делом моей жизни. Теперь около своих деревьев провожу большую часть времени — деревья требуют каждодневного ухода. Ещё до пенсии, приезжая погостить домой, привозил из Украины понравившиеся саженцы разных сортов яблонь и груш. Сейчас в нашем саду около трёхсот плодовых деревьев. Уже более пяти лет сотрудничаю с Институтом плодоводства Национальной академии наук. Ученые дают мне для испытания новые сорта яблонь. Некоторые из них пока не имеют названия. Позже они получат имя и будут занесены в государственный реестр. Так что хватает в саду забот и мне, и жене.

Во время отпусков погостить приезжают семьи двух наших дочерей, которые живут в Перми и Измаиле. Особенно рад бываю двум внучкам, которые душой пошли в деда. Внучки — первые

помощники в саду. Им и побелить деревья, и привить их — всё в радость.

Многое довелось мне и всей нашей большой семье пережить, когда мы были вывезены в Германию, и потом, когда возвратились на родину. Было время — к бывшим узникам фашизма относились с недоверием, укоряли, мол, работали на немцев…

С каждым годом тех жителей нашего района, которых немцы вывезли в годы войны на принудительные работы, становится всё меньше и меньше. Сегодня Малоритская районная организация бывших узников фашизма, учреждённая 20 лет назад, состоит из 61 человека. А два года назад нас было 77. Люди это пожилые, всем за 70–80 лет, мне стукнуло 75. Часто встречаюсь с людьми, которые пережили то же, что и я, помогаю решать проблемы. Разговариваю с ними, стараюсь поддержать их дух, но незаметно начинает щемить сердце: «Кто же следующий из них, выживших жертв фашизма?» Пусть жизнь ваша будет безоблачной и спокойной.

СТЕЛЬМАШУК
Вадим Куприянович

Родился в 1932 году в д. Пастухово Болото Каменецкого р-на. Был вывезен на принудительные работы в Германию. Проживает в Бресте.

Родился я 7 февраля 1932 года в деревне Пастухово Болото Каменецкого района. Живу с женой Софьей Израильевной, 1938 года рождения, инвалидом 2-й группы. У нас две дочери. Одна проживает в России, другая — в Иордании. А мы — брестчане, живём на улице Кирова.

В годы войны проживали в родном селе, которое находилось в самой гуще Беловежской пущи. С начала войны в лесу было много советских солдат, которые в основном уходили на восток. Но некоторые оставались в лесу. Возле нашей деревушки обосновались 12 человек. И в соседних деревнях тоже были люди. Немцы к нам пока не заглядывали.

Но осенью 1942 года ночью фашисты с собаками ворвались в деревню и приказали через полтора часа всем быть на улице. Потом погнали нас в сторону Жабинки, а деревню — подожгли. В пути остановили колонну, собрали мужчин и предупредили, что если увидят кого-нибудь из нас ближе, чем за 25 километров от нашей деревни, — расстреляют на месте! Потом немцы с собаками уехали, а мы все потихоньку разошлись по родственникам. Нашу семью приютили в деревне Берёзовка родственники.

А 20 марта 1943 года всех вывезли в Германию. Работали мы на сельхозработах в имении Толькс, у землевладельца Тэтау. Освободили нас советские войска 8 февраля 1945 года. Домой возвратились 6 июля, в деревню Берёзовка Каменецкого района Брестской области.

В 1,5 километрах от Берёзовки находилась деревня Сушки, где раньше жили поляки, которые покинули усадьбу, и мы в рассрочку купили один пляц, где и жили всё время. Отец с войны вернулся на костылях к концу 1946 года. Его ранило под Кёнигсбергом, он долго лечился в госпиталях.

Всей семьёй работали на сельском хозяйстве и потихоньку начали обживаться. Я вернулся в школу в 1949 году, окончил 7 классов, поступил в железнодорожное училище на специальность помощника машиниста паровоза. Окончил училище в 1952 году. Работал в паровозном депо Брест-Восточный и учился в вечерней школе. В 1965-м окончил институт железнодрожного транспорта. В 1993-м ушёл на пенсию. По возможности веду воспитательную работу с молодёжью, угощаю их чаем и отвечаю на их вопросы.

ГУТНИКОВА Анна
До войны жила в д. Колодно Брестского р-на.
Была вывезена на принудительные работы в Германию.
Жила в Бресте.

И я зарыдала

Я жила в деревне Колодно Брестского района, где размещалась пограничная застава. Когда началась война, пограничники первыми приняли бой на себя. Многие погибли, некоторые отступили. У нас в доме пряталось два пограничника, один — Чирев Степан, а другого звали Николаем. Они пробыли у нас три месяца.

Наш сосед приметил, как мама носила еду в сарай, и доложил солтысу. О чем-то пронюхали и немцы, грозились расстрелять всю нашу семью, но именно солтыс нас и спас. В это время уже начали увозить людей в Германию. Я значилась в первой очереди. И снова хлопотал солтыс Степан Бобра, дважды помог моему отцу откупиться (позже этот добрый человек погибнет на фронте в рядах Красной Армии). Солтыс определил меня в Брестское училище. Здесь мы латали бельё, вязали варежки, нас учили разным хозяйственным делам, в учебной программе был даже немецкий язык. Училище это дважды хотели вывезти в Германию, но дело проваливалось. Нас вовремя предупреждала учительница, и мы не являлись в школу.

16 августа 1943 года утром, без предупреждения, в школу нагрянули немцы. Всех нас забрали, погнали на улицу 17 Сентября. Продержали в каменном здании два дня, затем погрузили в машины, увезли к поезду и доставили в Белосток. Здесь мы, несколько девушек, хотели бежать. Отошли от поезда метров пятьсот. Вдруг в городе поднялась страшная стрельба — немцы везли

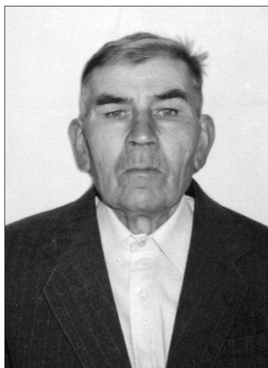
в машинах евреев и строчили по улицам из пулемётов. Испуганные, мы вернулись к поезду.

В какой город нас привезли, не знали, но было там нас очень много. Людей попросту покупали. Ходили хозяева, приглядывались, щупали, даже зубы проверяли. Я попала на фабрику в город Ганаи-Майн, которая принадлежала Гереусу Макум Шмельцу. Со мной были две девушки, одна из деревни Голачево Брестского района — Кондратюк Анна Максимовна, другая — из города Бреста, имени её не помню. Вскоре нас увезли в концлагерь. Причин, чтобы туда попасть, находили множество. Жили в лагере только девушки, было их около пятидесяти человек. Парни и семейные жили отдельно за колючей проволокой.

Фабрику много раз бомбили. Я была однажды ранена в голову и левую руку. Однажды фабрику разбомбили, мы стали никому не нужными, нас никто не кормил, ходили по свалкам, собирали отходы, но еды и там не было. Решили бежать в деревню и просить у добрых людей хлеба. Люди эти нас обзывали свиньями, не давали хлеба ни кусочка, бывало, что и собак на нас спускали. На одежде нашей был пришит «знак отличия» «ОСТ» — восточный рабочий, а мы эти буквы расшифровывали по-своему: «остерегайся советского товарища»…

Однажды нас встретили польские девчата, отдали нам свои «знаки различия» с буквой П — поляки, благодаря чему нас взяли на работу хозяева-бауэры. Две недели я пробыла у такого хозяина. Казалось мне, что я в рай попала, но хозяйка уговаривала меня много не есть, боялась, чтобы я не умерла с голодухи, а мне казалось, что она жалеет. Помнится, когда увидела человеческую еду, то слёзы сами полились из глаз, и я зарыдала.

Немного отъевшись, опять вернулись в город, боялись преследований. Опять нас определили в какой-то лагерь на территории Польши. Побыли в нём немного, ещё раз решились на побег и, слава Богу, добрались домой.

ШАМРЫЛА Якаў Іванавіч

Нарадзіўся ў 1926 годзе ў в. Хатынічы Ганцавіцкага р-на. Быў вывезены з бацькамі на прымусовыя работы ў г. Кіль (Германія). Жыве ў в. Новыя Засімавічы Пружанскага р-на.

Мяне вывезлі ў Германію разам з бацькам, маці і старэйшымі сёстрамі. А два меншыя браты ўратаваліся — засталіся ў сваякоў.

Перад вайной я вучыўся ў польскай 7-гадовай школе ў Хатынічах. Школа была ў Хатынічах добрая, новая — двухпавярховы будынак. Як прыйшлі немцы, то напачатку дазволілі там вучыць дзяцей. А потым са школы зрабілі паліцэйскі гарнізон, абгарадзілі яго трохметровым плотам, каб не абстралялі. Пазней тую школу спалілі, калі частка паліцэйскіх перад самым адыходам немцаў надумала пайсці ў партызаны.

Я ж думаў вучыцца далей і ў вайну. У 1943 годзе бацька паслаў мяне ў настаўніцкую семінарыю ў Ганцавічы. Вучылі нас там на беларускай, яшчэ дарэформеннай, мове, і нямецкай мове таксама вучылі. Тыдзень павучыўся я ў той семінарыі, дзе мне адразу далі напісаць заяву ў СБМ. Кіраўнік СБМ у семінарыі Баўдзей падышоў тады да мяне і кажа: «Ты ж беларус, прысягай Беларусі, будзеш у СБМ!» А я пажыў, паглядзеў ды збег дамоў адтуль…

Немцам і паліцыі (а было іх у Хатынічах чалавек 40) кожны год трэба было здаваць прадукты, яйкі, мяса, сала. Мы былі суседзямі з хатай, дзе жыў камандзір аддзялення паліцыі ў Хатынічах Ярашэвіч. Жонка яго была палячка. Ён казаў, што яна германка, бо прывёз яе пасля таго, як пабываў у палоне, таму, мабыць, яна была з фольксдойчаў. Дык яна гатовіла заўсёды абеды, як немцы

прыязджалі. Неяк прыйшлі да нас разам з ёй з паліцаі (яны ж прывыклі пабірацца — дай ім яйца, сала) і сказалі бацьку аддаць ім двое парасят. А бацька сказаў: «Я не дам задарма! Мне трэба сям'ю карміць. Хочаце, то купляйце».

І вось перад Новым годам, 23 снежня 1943 года, прыйшлі да нас пад вечар у дом з паліцыі. А мы на хутарцы жылі, за два кіламетры ад сяла Хатынічы. Прыйшлі да нас пяць чалавек — паліцэйскія былі з Выганашч, і загадалі: «Апранайцеся!» А мы кажам: «Куды?» Кажуць: «Зводзім вас у камендатуру нашу». Глянулі на малых хлопцаў нашых — Івана і Колю (адзін — з 1932 года, другі — з 1935-га), а яны былі хворыя на тыф, ляжалі і былі нехадзячыя: «Можаце не апранацца. Хату — на замок». І хлопцаў нашых хворых мы там і пакінулі, зачынілі ў доме. А забралі тады мяне, маіх старэйшых сясцёр: Зою (яна з 1920 года), Маню (нарадзілася ў 1923-м) і бацьку з маці. І так нашу сям'ю ды яшчэ шэраг сем'яў перад Калядамі забралі ў камендатуру. Сярод нас была і сям'я аднаго былога старшыні сельсавета, які сам хаваўся ў лесе. Нам сказалі, што ўсіх нас арыштуюць. І вось сядзім вечар, ужо і ранак, есці няма чаго, хата зачынена, што цяпер будзе — не ведаем. Праз адну жанчыну перадалі бацькаваму брату дзядзьку Тамашу пра нас і пра хворых нашых меншых, што засталіся ў хаце. Іх забралі нашыя сваякі, а дзядзька Тамаш пераехаў на наш хутар.

А нас тады, мусіць, чатыры дні проста так трымалі. Потым прыйшла машына з Ганцавіч і нас завезлі з Хатыніч у ганцавіцкую паліцыю. І там таксама ніякіх допытаў нам не рабілі. Мусіць, толькі бацьку раз выклікалі. Нас там было чалавек дваццаць, таксама сем'і. Карміць — нічога не давалі тыя паліцэйскія, але і не білі. Потым завезлі нас у ганцавіцкае СД. Хутка нам абвясцілі, што будзе ісці эшалон з Віцебска ў Германію з віцяблянамі, якіх з наступленнем фронту немцы спешна вывозяць на прымусовую працу. Тады і паліцэйскія ў Ганцавічах сказалі нам, што не хочуць нас расстрэльваць. А бурмістар сказаў, што ўсім нам лепш будзе, калі нас вывезуць у Германію.

У самую зіму прыехалі мы ў Германію. Недзе тры дні ішоў наш эшалон з Ганцавічаў. У тым эшалоне, што вёз людзей аж з Віцебска, было, можа, з трыццаць вагонаў з людзьмі. Былі сярод іх і дабра-

вольцы. А з Ганцавічаў тады забралі ў Германію каля трыццаці чалавек. У дарозе нас амаль не кармілі. Завезлі нас у горад Кіль на Балтыйскім моры, каля дацкай граніцы. Гэта недалёка ад Гамбурга, да якога ад Кіля ідзе канал шырынёю метраў дваццаць. Там нас усіх (і тых дабравольцаў з-пад Віцебска) змясцілі ў лагеры ў вёсцы, пад горадам. Пасялілі ў бараках. Прыехалі мы ў суботу, і таксама ніхто нам нічога есці не даў у лагеры. Людзей — можа, тысячы дзве жыло нас там. У тых бараках у нас былі нары двухпавярховыя, матрацы з саломы ды падушкі, набітыя саломаю, яшчэ коўдра нейкая. Як мы там жылі? Толькі пераспіш — і ранкам у пяць гадзінаў: «Пад'ём!» Толькі бічы «мяўкаюць» — моладзь, якая спіць, на працу немцы-ахоўнікі падымаюць. Начальнік быў немец, чэх быў інструктарам-перакладчыкам для нас, а жанчынынемкі варылі есці. Там раз на дзень нас кармілі, увечары, каля 9-й гадз. Есці давалі адно міску баланды. Там — капуста, морква, бручка і жытняй мукой падкалочана ўсё трохі. А ў той муцэ (мабыць, са складоў была падмецена) — пясок… І еш як хочаш. Некаторыя працавалі на заводах. Там яны маглі трохі падкарміцца салам, калі скрадуць. Але гэта было небяспечна — маглі і забіць за гэта або ў канцлагер адправіць.

А мы, хто без спецыяльнасці, працавалі шмат дзе — куды пасылалі. Хапала рознай працы, бо кожную ноч (а потым і днём) у горадзе была бамбёжка. Мы працавалі на расчыстцы завалаў, прыбіралі ў горадзе пабітыя трамваі, каб праехалі аўтобусы, вазілі пясок. Рабілі ўсю чорную працу ў немцаў. Што немец раней сам рабіў — цяпер яму давалі для гэтага нас, па 5–6 чалавек. Кожны дзень нас вазілі за дваццаць кіламетраў у Кіль: шэсць кіламетраў ідзём пешкі, а астатнія чатырнаццаць — падвязуць. А падвязуць на прыгарадным цягніку так, што мог і задыхнуцца чалавек — так напхаюць людзей у вагон.

Напрыканцы месяца нам плацілі чатыры маркі, на якія можна было купіць у немцаў буханачку хлеба. Цяжка жылі і працавалі. У турмы часам саджалі за любыя правіны. Медычнай дапамогі амаль ніякай не было нам. А аднойчы, як я быў хворы і мне было цяжка працаваць, мяне немец моцна пабіў ні за што. Ажно ў вачах

мне тады пацямнела, і я асеў. Але ўсё роўна прыйшлося неяк працаваць тады. Так, у асноўным на расчыстцы ў горадзе, я працаваў да мая 1945 года, калі англічане з амерыканцамі і канадцамі нас вызвалілі.

Збегчы з лагера было немагчыма. І куды бегчы? Бо гэта ж было так далёка, а паўсюль у вёсках былі ландвахты ўзброеныя. Часам у лагер траплялі збітыя амерыканскія і англійскія лётчыкі. Калі самалёт падбілі, іх немцы лавілі і прыводзілі ў лагер. Я бачыў нават ваеннапалонных неграў са збітых немцамі самалётаў. Але ім было лепш, чым нам, бо іх адзявалі, кармілі, лячылі. А нашых жа, усіх, хто быў у палоне, Сталін не прызнаваў, яны былі для яго здраднікі.

Недзе ў 1945-м да нас прыходзілі агітаваць, каб уступалі ва ўласаўскую армію, а потым і ўкраінцы яшчэ прыходзілі. Але ніхто не захацеў, бо ўжо ўсе ведалі — хутка канец вайне, крах Германіі.

22 красавіка 1945 года мы прачнуліся, а нас ніхто не падымае, не крычыць на нас і не б’е. Тыя, што раней усталі і агледзеліся, кажуць, што ўжо ні ахоўнікаў у бараках няма, ні салдатаў, якія на вежах стаялі і за калючым дротам назіралі.

А як вызвалілі нас, то пэўны час было невядома, як і што нам есці, дзе ежу шукаць. Тады англічане сказалі: каб быў парадак, трэба выбраць камандаванне. Украінцы былі актыўнейшыя, сказалі, што ў іх ужо ёсць камітэт свой, то і сталі ў асноўным яны кіраваць. Тады ўжо начальнікі паехалі ў горад даставаць прадукты нам. Потым ужо хадзілі прасіць у вясковых немак — а то ж нейкі час людзі баяліся, што яны патравяць нас. Пачало наладжвацца харчаванне, кармілі ўжо не так, як пры немцах, а тры разы на дзень. Два месяцы яшчэ мы правялі ў лагеры пад Кілем.

Я жыў у вялікім пакоі на трыццаць чалавек, дык з нас адзін бацька з сынам, якія былі родам з-пад Лунінца, сказаў: «Едзьце, людцы, як хочаце, а мы пакуль што не паедзем у СССР». І засталіся ў Польшчы. А мы з бацькам вярнуліся дамоў, бо ў мяне там былі два браты, дом…

Потым прыехалі рускія салдаты, і ўжо не англічане, а яны намі пачалі камандаваць. Нас зноў адправілі на работы — на землі, якія Польшча атрымала пасля вайны ад немцаў у Познаньскім ва-

яводстве, дзе немцы ўсё пакінулі і зусім выехалі. Там спачатку ўсе праходзілі фільтрацыю ў НКВД. Кожнага доўга распытвалі, што і як, чаму патрапілі ў Германію, ці не дабравольна мы ўсе выехалі.

У канцы 1945-га вярнуўся дамоў. У 1946-м мяне адправілі служыць у «стройбат». Як я быў граматны, то мяне хацелі былі накіраваць вучыцца на сяржанта. Але тады як глянулі ў маю справу, то прыпомнілі мне, што я быў на работах у Германіі. Сказалі, што «ненадзейны»…

Амаль 50 гадоў адпрацаваў бухгалтарам у Хатыніцкім лясніцтве. Жыву разам з жонкай Марыяй Дзмітрыеўнай, якая да пенсіі працавала настаўніцай беларускай мовы і літаратуры. У Хатынічах прайшло амаль усё наша жыццё. Вырасцілі дзвюх дачок — Галіну і Людмілу. Галіна, як і маці — настаўніца беларускай мовы. А Людміла працуе выхавацелькай у садку, яе муж служыць у царкве. Апошнія 9 гадоў жывём у Новых Засімавічах, бліжэй да дачкі.

РУДОВІЧ Іван Іванавіч
*Старшыня Лунінецкай раённай арганізацыі ГА «Беларуская асацыяцыя былых непаўналетніх вязняў фашызму».
Нарадзіўся ў няволі ў 1944 годзе ў сям'і, вывезенай на прымусовыя работы ў Германію.
Жыве ў г. Лунінец.*

Шрамы на сэрцы

50 гадоў я хаваў тайну. Служыў у арміі, вучыўся ў інстытуце, кіраваў прадпрыемствам з «чыстай» біяграфічнай анкетай. І толькі перабудова, якая аднавіла правы былых остарбайтараў — так званых «усходніх рабочых», дазволіла адкрыта змяніць назву бацькоўскай вёскі, што была пазначана ў пашпарце, на сапраўднае месца нараджэння — паселішча Хаге каля горада Эмдэн у Германіі.

У час акупацыі многія юнакі і дзяўчаты з Дрэбска (Лунінецкі раён) хаваліся ад прымусовага ўгону ў Нямеччыну, узяўшы шлюб з равеснікамі. Абвянчаліся і мае будучыя бацькі, але гэта не дапамагло. У 1942-м маму запісалі на вываз. Яе слёз не мог перажыць бацька. Заявіў немцам: куды жонку забіраеце, там і мне з ёю быць. Так і апынуліся разам у баўэра паблізу Балтыйскага мора, на самай поўначы Германіі.

Жылі ў стайні. Апрацоўвалі палеткі гаспадара. Я паявіўся на свет 12 красавіка 1944 года. Пасля народзінаў на працягу месяца маці дазволілі быць з немаўлём, а потым прымусілі працаваць. Пакідала мяне ў 6 гадзін раніцы, забягала ў абедзены перапынак, а потым зноў ішла да васьмі вечара. Калі было наканавана выжыць, так і адбылося… Прыгадвалі, што было цяжка, кармілі мала, але штодня. На суседнім жа хутары паднявольным парабкам баўэр даваў ежу праз дзень, здзекаваўся з іх. Калі тэрыторыю вызвалілі

амерыканцы і спыталіся пра адносіны гаспадара, то пасля скаргаў паднявольных яго адразу расстралялі. Мае бацькі нічога дрэннага не сказалі пра свайго баўэра, які потым у ногі кланяўся беларусам за захаванае жыццё.

У лагеры для перамешчаных асобаў бацькам прапаноўвалі выязджаць за мяжу, але яны імкнуліся да роднай зямлі. Калі трапілі ў савецкую зону, тату прызвалі ў Чырвоную Армію. Ён служыў у Германіі, дарэчы, дзякуючы валоданню нямецкай мовай, ардынарцам у афіцэра. Мама са мной дабралася да роднай вёскі. Працавала ў калгасе. Дачакаліся вяртання роднага чалавека. Бацька ўладкаваўся маставым раманцёрам у дыстанцыі пуці. Паявілася сястра Марыя, на 4 гады маладзейшая за мяне. У яе доме цяпер дажывае век 87-гадовая мама…

У сям'і захавалася яе арбайцкартка з фотаздымкам, адлюстраваўшым рабскі нумар, адрас. У 1990-я мы напісалі ў Германію. Адказаў сын баўэра. Завязалася перапіска. Калі ж ён даслаў запрашэнне, папярэдзіў, што расходы па будучаму прыёму возьме на сябе мясцовая ўлада. Але ад бургамістра следам прыйшла афіцыйная папера, што візіт трэба адкласці па пэўных прычынах. Так наша «другое прышэсце» ў Германію не адбылося. Ні ў бацькоў, ні у мяне гэта не выклікала шкадавання. Не раз думаю аб іншым. Мама хацела дзіця і здолела выхадзіць мяне нават у няволі. Цяпер жа такія выдатныя ўмовы створаны для жанчын, але ў многіх жаданне нараджаць, на жаль, адсутнічае…

На ўліку ў нашай арганізацыі летась налічвалася 259 былых непаўналетніх вязняў фашызму, на пачатак года — 245. Ідуць у нябыт шматпакутныя людзі… Па тэрытарыяльных адзінках колькасць розная: ад 1 чалавека ў Багданаўцы да амаль 80 — у Лунінскім сельсавеце, 60 — у Лунінцы.

Апошнім часам быў удзельнікам III (2004 г.) і IV (2010 г.) усебеларускіх з'ездаў асацыяцыі непаўналетніх вязняў. Вялікае ўражанне пакідае наведванне мемарыялаў. У Асвенціме (Польшча) жанчыны — члены нашай дэлегацыі — ад убачанага часам гублялі прытомнасць, а ў мяне так балела сэрца, што тыдзень не мог супакоіцца… Таксама ўсхваляваў помнік дзецям, загінуўшым у гады вайны. У 2007-м ён адкрыўся ў пасёлку Красны Бераг

Жлобінскага раёна (Гомельшчына), на месцы размяшчэння буйнейшага з 16 дзіцячых канцлагераў Беларусі. Тут пры акупацыі ў хлопчыкаў і дзяўчынак 8–14 гадоў гвалтоўна бралі кроў для гітлераўцаў…

Мемарыял беларускім дзецям — ахвярам фашызму ў пас. Красны Бераг Жлобінскага р-на Гомельскай вобл.

КАЛЕШКА Марыя Іосіфаўна
Нарадзілася ў 1933 годзе ў в. Лобча Лунінецкага р-на.
Была вывезена на прымусовыя работы ў Германію.
Жыве ў в. Лобча Лунінецкага р-на.

Ахвяравалі сабой, каб выратаваць вёску…

Я была 8-гадовай дзяўчынкай, калі пачалася вайна. У лютым 1943-га акупанты спалілі суседнюю вёску Дубаўку Лунінецкага раёна. Яна гарэла цалюткую ноч. Мы, жыхары Лобчы, чулі крыкі і стогны ахвяраў трагедыі, бачылі гэты жудасны касцёр. Раніцай ад паселішча засталіся толькі дзве хаты, што стаялі наводшыбе…

Было страшна. Асабліва калі акупацыйныя ўлады загадалі вяскоўцам рыхтавацца да вывазу ў Германію. Ніводзін чалавек не выратаваўся ў лесе. Баяліся ўцёкамі наклікаць бяду на вёску.

У свята Сёмухі па вуліцах праехала машына з гучнагаварыцелем. Голас па-руску з нямецкім акцэнтам загадваў тэрмінова сабрацца каля пераезду. На прыпыначным пункце расло многа слівовых дрэў. Уразіла: спелыя плады смачна елі немцы, выплёўваючы костачкі і зняважліва гледзячы на натоўп. Вяскоўцы збіраліся як маглі: хто — з рэчамі, хто — у чым стаяў. Немцы рабілі знешні агляд, выбіраючы фізічна больш моцных людзей.

Да вывазу на прымусовую працу ў Германію вызначылі і сям’ю Юрко Іосіфа Андрэевіча і Настассі Фёдараўны, у якіх было пяцёра дзяцей. Калі высветлілася, што ў старэйшага сына цяжарная жонка, іх пакінулі ў вёсцы. Астатніх на цягніку давезлі да Лунінца. Тут пераначавалі ў казарме былой вайсковай часці. На наступны

дзень пры загрузцы ў эшалон Уладзіміру (у вёсцы яго ведалі пад мянушкай Ладзё) пашанцавала збегчы.

Шлях у няволю ў таварняку, дзе ў вагонах для перавозкі грузаў былі змайстраваны нары, быў амыты слязьмі. Вымушаныя «пасажыры» плакалі, перажывалі, настройваліся на горшае. Дарога заняла некалькі сутак. Перабіваліся «сухім пайком». Вязняў высадзілі на нейкай станцыі ў Германіі. Загналі ў лазню, каб вымыліся, і ўсім абстрыглі валасы. Прайшоўшых і гэты здзек людзей выстраілі на пляцоўцы, адкуль кожны баўэр выбіраў сабе работнікаў, бы плантатар — рабоў…

Мае бацькі і старэйшая сястра Праскоўя былі прызначаны на палеткі. Малодшай сястры, Надзеі, і мне знаходзілі занятак у маёнтку. Было цяжка, але звычайная сялянская праца крыху супакойвала «ўсходніх рабочых». На абед давалі баланду — не вельмі падсілкуешся, але і з голаду не прападзеш. Карацей кажучы, кармілі так, каб толькі работнікі выжылі. У нядзелю дазваляўся выхадны. Да дзяцей адносіліся нармальна, не забаранялі гуляць разам з нямецкімі хлопчыкамі і дзяўчынкамі. Дарослым за працу плацілі некалькі марак, але катэгарычна забаранялі купляць прадукты харчавання. Некаторыя сем'і назбіралі па некалькі рукзакоў грошай. Але калі праз два гады нас вызвалілі, маркі нідзе не прымалі, тут яны сталі простымі паперкамі.

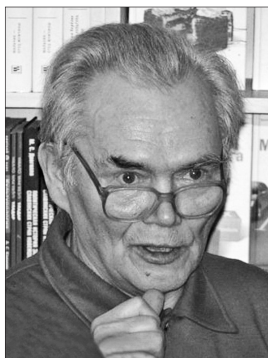
Тэрыторыю, куды былі прымусова вывезены, занялі саюзныя войскі — амерыканцы і англічане. Запомніліся страшэнныя бамбёжкі гарадоў, асабліва Гамбурга. У цягніку, ужо ідучым дамоў, бачылі руіны ўздоўж чыгуначных пуцей. Пераязджаючы раку Одэр па драўляным мосце, затаілі дыханне — такі ён быў ненадзейны. Перасяклі савецкую мяжу. Нарэшце ўсе выпрабаванні скончыліся.

Са станцыі Лунінец дабіраліся як маглі: хто — пехатою, за кім прыслалі коней. Пашчасціла тым, у каго захавалася хата. Большасць жа былі пазбаўлены жытла. Каб не прапасці з голаду і холаду, елі крапіву, на палях збіралі гнілую бульбу, прасіліся ў дамы. Калі ў гаспадароў не было месца, прапаноўвалі клуні ці хлявы… З цяжкасцю перазімаваўшы, на наступную вясну людзі пачалі адбудоўваць, рамантаваць дамы — наўкола хапала лесу.

У пасляваенны час даводзілася пераҗываць голад і холад, але родная зямля мацавала сілы на пераадоленне бядот. Жыццё паступова стала наладжвацца…

Дзеці ў лагеры для остарбайтараў. Германія, 1945 г.

СЁМУХА Васіль Сяргеевіч
Сябра Саюза беларускіх пісьменнікаў. Нарадзіўся 18 студзеня 1936 года ў сям'і лесніка на хутары Ясенец Пружанскага р-на. Бацькі расстраляныя ў 1942 годзе за сувязь з партызанамі. Са сваякамі быў запісаны да вывазу на прымусовыя работы ў Германію. Жыве ў Мінску.

Філасофія дабра і даравання

Насуперак войнам і розным міждзяржаўным калатэчам з кожным годам мацуецца на нашай зямлі зближэнне і прымірэнне народаў. Нават тых, якія ў мінулым, падбухтораныя таталітарнымі тыранамі, вымушаныя былі варагаваць паміж сабою.

Яркі прыклад такога збліжэння — жыццёвы і творчы шлях нашага знакамітага земляка, неперааўзыдзенага перакладчыка Васіля Сёмухі з яго філасофскай канцэпцыяй даравання.

Васіль Сёмуха ў 1959 годзе скончыў рамана-германскае аддзяленне філалагічнага факультэта Маскоўскага дзяржаўнага ўніверсітэта. Працаваў выкладчыкам нямецкай мовы, літсупрацоўнікам газеты «Літаратура і мастацтва», рэдактарам у Беларускім дзяржаўным выдавецтве і выдавецтве «Мастацкая літаратура». Сябра Саюза пісьменнікаў СССР з 1977 г. Сябра Саюза беларускіх пісьменнікаў. У друку пачаў выступаць у 1959 г. Перакладае з нямецкай, латышскай, польскай і іншых моў.

У 1942 годзе васьмігадовага паляшуцкага хлопчыка ледзь не спалілі жыўцом разам з родным хутарам Ясенец, што на Пружаншчыне. Яго бацькоў за сувязь з партызанамі расстралялі фашысты. А ў 1991-м ён стаў кавалерам ордэна «За асаблівыя заслугі

перад Федэратыўнай Рэспублікай Германія». Так немцы ацанілі ягоныя шматлікія пераклады з твораў нямецкіх класікаў: Гётэ, Шылера, Гейнэ, Гофмана, Ніцшэ, Брэхта, Гесэ, Томаса Мана, Рыльке і іншых, а асабліва — яго пераклад на беларускую мову «Фаўста» Ёгана Вольфганга Гётэ. Таксама ён атрымаў вышэйшую ўзнагароду Латвіі «Ордэн трох крыжоў».

У 1992 годзе яго заслугі перад беларускім народам адзначаны званнем лаўрэата Дзяржаўнай прэміі імя Якуба Коласа. А ў 2002 годзе Васіль Сёмуха зрабіў каштоўны дар для беларускага хрысціянства і беларускай культуры — завяршыў сваю шматгадовую працу па перакладзе Бібліі на сучасную беларускую літаратурную мову.

Яго жыццёвая філасофія дабра і даравання нараджалася яшчэ ў далёкім, апаленым вайною, дзяцінстве, насычаным трагічнымі падзеямі і цудоўнымі выратаваннямі, пра якія распавядае сам пісьменнік:

«З першых дзён вайны я ўжо ведаў, што немцаў трэба баяцца, фактаў хапала. — разважае пісьменнік. — Пазнаёміўся з імі ўзімку 1941 года. Мама тчэ кросны. Я сяджу каля яе злева. Любіў пускаць чаўнок па нітках, сукаць цэўкі. І тут наехалі немцы з суседняй вёскі Смаляніцы (там была камендатура з гарнізонам, і там жыла мая цётка Ганна). Усчаўся гвалт. У пакой зайшоў немец і прыступіўся да мамы, пачаў распытваць, настаўляючы пісталет да скроні то ёй, то мне. Абое гаварылі па-нямецку.

Я быў тадыташні, а не сённяшні, таму нічога не зразумеў. А на кухні тым часам білі тату, чуліся крыкі, потым стрэл — гэта застрэлілі сабаку Мэру. На гэты стрэл немец выйшаў і больш не вяртаўся. Гэта было першага разу, калі я пачуў нямецкую гаворку.

Мама Марыя, сялянка з вёскі Куплін (паўтара кіламетра ад Пружаны). Вучылася ў Пружане (ці тое ў школе, ці ў гімназіі). Ведала рускую мову (граматна перапісвалася з братам, які жыў у Амерыцы), польскую (а як жа інакш у польскай гімназіі?), ідыш (70 працэнтаў жыхароў Пружаны былі габрэі), нямецкую (школа ці гімназія), сама палешка і дома гаварыла толькі па-палеску. Добра шыла і мела з таго неблагі прыбытак.

Выйшла замуж за палешука Сяргея з хутара Ясэнэц, ліцвіны яго называлі чамусьці Парасліна: там яны, з ружанскіх вёсак, летам касілі сена на балотах. Гэта паўднёвая ўскраіна Ружанскай пушчы, якая ёсць працягам Белавежскай. На паўночным баку пушчы былі ўжо ліцвіны, дзе былі замужам дзве бацькавы сястры. Яны ўжо гаварылі па-ліцвінску (па-беларуску). Такое вось моўнае памежжа! Бацька быў лесніком у пушчы з нейкім дзіўным для селяніна хобі: майстравіты мужык, рабіў струнныя інструменты (гітары, мандаліны, балалайкі) і розныя іншыя такарныя штучкі. Таксама неблагі прыбытак. І, натуральна, — сялянская гаспадарка.

Другі раз я ўратаваўся летам 1942 года. Прачнуўся раніцай ад нямецкіх галасоў. Ляжаў з галавою накрыты коўдрай, пачуў з другога пакоя і хуценька шмульнуў пад ложак. Там сядзеў, а яшчэ больш спаў ад страху трое сутак, пакуль немцы былі на хутары. Пасля яны кагосьці абстралялі на ўзлессі і засаду знялі. Са Смаляніцы прыгналі падводы вывозіць усё хатняе і быдла. Сярод падводчыкаў была і мая цётка Ганна. Яна і выкалупала мяне з-пад ложка. Бацькоў яшчэ першае раніцы арыштавалі і звезлі ў Смаляніцу. Цётка пазней казала, што ў сяле мама ёй крыкнула: «Ганно, там Вася зостаўса». Таму яна і напрасілася ў падводы. Пасадзіла мяне на воз, загрузілася чым там прыйшлося і паехала з абозам, а з узлесся я ўжо бачыў, як гарэў наш хутар. З паўгода цёця лячыла мяне і вадзіла да знахарак і шаптух. «Од пэрэляку ліэчыла і одкачвала», — казала.

А трэці раз уратаваўся зімою ў Смаляніцы. Запісалі нас (цёця, яе двое дзяцей і я) на вываз у Германію. Павезлі ў Пружану. А там ужо каля сотні падвод з сем'ямі з усёй Пружаншчыны. Там ладзілі так званую селекцыю. Зайшлі мы ўсе раздзетыя па пояс: абапал каля сцен сталы з, мабыць, дактарамі. Паглядзелі на нас, сказалі маёй стрыечнай сястры, сямнаццацігадовай Мані, ісці ў бакавы пакой, нам — «гівэк» (г. зн.: «Geh weg!» — «Прэч!»).

Маню забралі, цёця ўся ў слязах выйшла на двор, запрэгла коніка і рушыла да брамы. Вартавы спакойненька адчыняе, мы выехалі і пад вечар былі ў Смаляніцы. Тут я магу сказаць: «Хай жыве нямецкая акуратнасць і пунктуальнасць!» — едзе падвода

на выезд, значыцца, начальства адпусціла, трэба адчыняць браму! Пазней я пытаўся ў цёці, чаму яна паехала. «Бо дурная была, я ж нэ віедала, шчо трэба было зоставаціса, я ж бо мэрговала, нас одпусьцілі, эно Маню забралі, а ніэмцы ж ніц нэ сказалі».

Усяго са Смаляніцы на селекцыі было пяць сямей. І пасля вайны ніхто не вярнуўся: ні стары, ні малы, толькі тыя маладыя, што былі адабраныя для працы. Вярнулася і наша Маня.

Увесь той час у Смаляніцы і некалькі гадоў пасля вайны цёця, як магла, падтрымлівала маю веру ў вяртанне бацькоў: «От, мне якраз Марыля прысьніласа, сказала, жджы мэнэ, хутко будэмо дома!.. Вэрнуцца, вэрнуцца, і маці і бацько, я от навэтко до Маланкі сходзіла, коб карты кінула: то сказала, нэ буойтэса — осё воны обое, ужэ ў дорозі дохаты, жджыэтэ, хутко будут»… А праўду ж ведала: расстралялі іх у 42-м у пружанскай турме.

Праўду я даведаўся ўжо калі жыў у Пружане… А далей былі пытанні: чаму, за што, і бясконцыя спробы знайсці адказ, і пошукі адказу ў саміх немцаў, у іх мове, літаратуры, гісторыі, культуры. Але гэта ўжо былі іншыя немцы — не фашысты. Яны і прывялі мяне да перакладу — да «помсты» вось такім шляхам, які я сабе выбраў».

Падчас уручэння ў 1991 годзе Васілю Сёмуху Крыжа кавалера ордэна «За заслугі перад Федэратыўнай Рэспублікай Германія» пісьменнік сказаў: «Чалавек не можа жыць нянавісцю, чалавеку запаведана жыць з любоўю ў сэрцы. Гэтая хрысціянская ісціна наколькі простая ў фармулёўцы, настолькі ж і складаная ў рэальным жыцці. Зрэшты, павінен сказаць, нянавісці ніколі не было. Калі я быў малым хлапчом, у душы жыў дзікі страх, комплекс якога не прайшоў дагэтуль, але жыла і разумна падказваная дарослымі вера ў тое, што ўсё абернецца дабром, што лёс адшкадуецца і верне страчанае. У канчатковым выніку ўсё так і абярнулася: не вярнулася толькі бацькаўская ласка, якое мне і сёння не хапае».

ГРЕЦКАЯ Екатерина Терентьевна
Родилась в 1928 году. Была вывезена на принудительные работы в трудовой лагерь в г. Эрфурт (Германия). Проживает в д. Огдемер Дрогичинского р-на.

Анатолий ДЕНИСЕЙКО

Тётя знаменитого хоккеиста

Наша первая встреча с ней произошла весной, когда во дворе её дома, создавая атмосферу праздничного обновления природы, цвели алыча и вишня.

Не скрою, меня волновало знакомство с родной тётей знаменитого канадского хоккеиста Уэйна Грецки. Не так уж часто судьба дарит нам такие встречи.

Екатерина Грецкая — невысокая ростом, худощавая, подвижная старушка. Посеченное морщинами миловидное лицо, украшенные старческим румянцем щёки напоминали о былой её красоте. Забегая вперёд, замечу, что во время беседы не раз всплывали слова о красоте. Они были связаны с её нелегкой женской долей.

Родилась она 4 мая 1928 года. Несколько лет пожила в Канаде, куда её родители выезжали на заработки. Перед Второй мировой войной вернулась со своей матерью Анной Романовной и братьями на родину, в деревню Огдемер Дрогичинского района. Отец Терентий с дочерью Олей остались на чужбине. Расставались временно, но как оказалось, навсегда — военное лихолетье не позволило воссоединиться семье.

В июне 1944-го, когда Красная Армия начала освобождение Беларуси, немцы провели массовые облавы, целью которых была отправка молодёжи в Германию. Среди угнанных в рабство ока-

залась и 16-летняя Катерина Грецкая. Её привлекали к работам на стекольной фабрике города Эрфурта. Около года девушка провела в фашистской неволе.

За колючей проволокой узники изнемогали от голода и непосильной работы. Когда им из милосердия предлагали воду, то нередко звучало в ответ: «Воды не надо — слёз хватает». В мае 1945 года их лагерь освободили американские войска. Она с трудом передвигалась, была опухшая от голода.

Кстати, за годы войны в немецкое рабство было вывезено 399374 жителя Беларуси. Каждый четвёртый из них не вернулся в родные места.

Могла не вернуться и Екатерина Грецкая, у которой в Канаде проживал отец Терентий. Но она предпочла вернуться на малую родину, в родной Огдемер, — лучше чёрствый ломоть хлеба дома, чем пирог на чужбине.

На пути домой её ждали нелегкие испытания. Она попала в фильтрационный лагерь НКВД, где подверглась унизительным допросам: «Почему согласилась ехать в Германию? Почему не пошла в партизанский отряд?» Каким-то образом следователи узнали, что её отец находится в Канаде. Он же работает у капиталистов!.. По тем временам это было великой крамолой. Екатерина реально могла пополнить мрачные списки «врагов народа». Данные списки были своеобразной чёрной дырой, в которой люди исчезали бесследно. От репрессий узницу спас измождённый вид, а может, и возраст — ей было всего лишь 17 лет.

По возвращении домой её направили на работу на торфопредприятие «Огдемер». Поселилась в маленьком домике размером 4×6 метров, в котором когда-то родился её отец Терентий. В страшной тесноте там проживало 8 человек: она с матерью, сестра Нина с мужем и четверо их детей. К слову, этот домик-пятистенок, построенный 120 лет назад, самый старый в округе, относительно хорошо сохранился до наших дней.

Екатерина Терентьевна вспоминает нелёгкие послевоенные годы, тяжёлый труд на торфопредприятии, где она укладывала кирпичики сырого торфа в штабеля. На работе ей выдавали одну

буханку хлеба на неделю. Нашей молодёжи, познавшей материальные блага XXI века, в это трудно поверить.

Позже Грецкая не обрела ожидаемого счастья и в родном колхозе «Знамя Ленина», где вместо зарплаты ставили пустые трудодни в тетрадке. Она сполна испила горькую чашу, разделила нелёгкую судьбу своего поколения, познавшего ужасы войны и годы послевоенной разрухи.

В 2010 году Екатерине Терентьевне исполнилось 82 года. Проживает она в своём доме, построенном в 1970 году. За ней, одинокой старушкой, ухаживает социальный работник, который этой весной во дворе её дома высадил цветы — их так любит хозяйка!

Местные власти не забывают Екатерину Терентьевну, помогают. Она не жалуется на судьбу, которая так часто была к ней неблагосклонна и в молодые годы, и в старости, при назначении пенсии.

У каждого человека бывают радостные события, воспоминания о которых согревают душу в дни тягости и невзгод. Я спросил об этом свою героиню. После некоторых раздумий светлыми мгновениями своей жизни она назвала освобождение из фашистской неволи и из фильтрационного лагеря НКВД…

Я испытал непонятное чувство вины и сострадания к обделённой счастьем одиноко доживающей свой век старушке. На прощание по-сыновьи тепло её поблагодарил. Такие, как она, вносят «зерно в житницу Господню», закладывают основы материального благополучия новых поколений, являются носителями мощного полесского духа, особой энергии, которая помогла её родному племяннику стать легендой мирового хоккея.

Наклонившись, я поцеловал её руку, огрубевшую от нелёгкой крестьянской работы. Мне показалось, что в её глазах, как росинка на солнце, блеснула скупая слеза…

Екатерина Терентьевна — родная тётя всемирно известного хоккеиста. Не это главное. Из таких, как она, — обычных женщин с нелёгкой судьбой, складываются судьбы родной земли. Мне кажется, есть надежда, переходящая в веру, что продолжатели и хранители канадской ветви рода Грецких когда-нибудь обязательно поклонятся огдемерской земле, которая дала жизнь их предкам.

**КЛИМ (Ласко)
Валентина Харитоновна**

Родилась в 1936 году в пос. Бобр Крупского р-на. Вместе с матерью — партизанской связной — стала малолетней узницей Крупской тюрьмы и фашистского концлагеря возле пос. Крупки Минской обл. Проживает в Бресте.

Накануне Великой Отечественной войны мы — три девочки: Ласко Лиля, 1933 года рождения, Валентина,— 1936 года, Стелла, 1939 года рождения, жили вместе с матерью, коренной уроженкой пос. Бобр, Комаровой Ниной Григорьевной в пос. Бобр Крупского района. Там нас и застала война.

С первых дней войны мама была активной помощницей брату Комарову Якову Григорьевичу — секретарю Крупского райкома партии — в формировании партизанского отряда на территории Крупского района.

Впоследствии она стала связной этого партизанского отряда (как участник партизанского движения, имеющий боевые награды, достигнув пенсионного возраста — стала персональной пенсионеркой).

За связь с партизанами по подсказке полицаев мать арестовали немцы. Каким пыткам она подвергалась в Крупской тюрьме со стороны не только немцев, но и начальника полиции Иванова-Драницы, описано в книге С.Г. Жунина «От Днепра до Буга» (Минк: Беларусь, 1974. С. 100). Вместе с матерью нас, троих малолетних детей, посадили в Крупскую тюрьму, оттуда впоследствии отправили в концлагерь, расположенный в лесу недалеко от пос. Крупки.

Извините, пишу по детской памяти, ибо уточнить дату ареста, название этого лагеря не могу. Многое могла бы помнить мама, но её уже нет в живых.

В лагере за колючей проволокой мы были узниками до освобождения Крупского района частями третьего Белорусского фронта. Накануне освобождения нашими войсками района началось срочное расформирование лагеря: более крепких узников отправляли в Германию, а стариков и детей — уничтожали в Крупской тюрьме (1944 г.).

Мы с мамой и ещё четыре семьи с маленькими детьми в составе последней группы ждали своей очереди отправки в Крупскую тюрьму, и трудно сказать, какая участь постигла бы нас, если бы не стремительное приближение частей Красной Армии. Это вызвало срочную эвакуацию оставшихся фашистов, а нам спасло жизнь.

Отощавшие, опухшие от голода, мы еле пришли опять в пос. Бобр. В это время в домике, откуда нас увезли в тюрьму, размещался штаб Третьего Белорусского фронта.

Очень жаль, что нет в живых главнокомандующего Третьим Белорусским фронтом маршала Черняховского, который был свидетелем, в каком состоянии мы вернулись из лагеря. По его команде мы были обеспечены всем необходимым для жизни (до сих пор мы с сестрой храним как реликвии вещи, подаренные им).

Вы можете усомниться в том, что мы в таком возрасте запомнили ужасы тюрьмы и лагеря.

Действительно, многое нам потом объяснила мама, — как мы, пройдя голод, холод, издевательства, по воле судьбы выжили.

Хорошо и сейчас помню камеру тюрьмы в пос. Крупки, постоянный голод и просьбы у охранников кусочка хлеба. Мы видели через щель окна в камере, окровавленные спины людей, на которых были вырезаны звёзды (впоследствии нам стало ясно, что это результаты фашистских пыток над красноармейцами и партизанами). Помню лагерный барак и нары, где нас поместили, как били инвалидов и стариков за опоздание на проверку и многое другое…

КОЗЛОВ Михаил
До войны жил в д. Зубец Кричевского р-на Могилёвской обл. Бывший узник Кричевской тюрьмы, концлагерей в Литве, Эргавили (Франция), участник партизанского Сопротивления во Франции. Жил в Бресте.

Меня ждала мать

Когда началась Великая Отечественная война, мне было шестнадцать лет. Жил я в деревне Зубец Кричевского района Могилёвской области. Бои за Могилёв были кровопролитные, с большими потерями с обеих сторон. На местах боёв оставалось много оружия и боеприпасов. Мы с братом любили бегать на «Варшавку», так называлась дорога, ведущая из Москвы на Брест. Движение здесь было интенсивным, и надо было быть осмотрительным, чтобы не попасться на глаза немцам. Мы собирали оружие, боеприпасы, прятали в лесу и потом передавали их партизанам.

Однажды с товарищем взяли найденную винтовку, патроны и пошли подальше от людских глаз, близко к просёлочной дороге. Несколько раз выстрелили и услышали шум мотора. Спрятались в кустах и увидели, как по дороге медленно движется немецкая танкетка. Подъехала к мосту, остановилась. Водитель вылез, осторожно оглядываясь по сторонам, приблизился к мосту, стал внимательно его осматривать. У нас мгновенно возникла мысль застрелить немца, что мы и сделали. Поспешно связались с партизанами, которые вскоре угнали танкетку.

Наши походы за оружием и боеприпасами заметили односельчане. Среди них нашёлся предатель, который выдал меня. Меня арестовали гестаповцы, поместили в Кричевскую тюрьму. Гро-

зила мне смертная казнь и расстрел всех моих родственников. Избежать такой участи помог начальник Кричевской тюрьмы Лядов, посоветовал ни в чем не сознаваться, несмотря на побои и истязания. Я так и поступил. После допросов перевезли в Бобруйскую крепость, а оттуда — в концлагерь на территории Литвы. Матери сказали, что меня расстреляли, но она не поверила этому. Всю войну в её сердце теплилась надежда, что я жив.

Из первого концлагеря завезли в лагерь Эргавиль во Франции. Здесь я испытал каторжный труд в шахте, голод, издевательства надсмотрщиков. Вскоре вместе с двумя товарищами по несчастью бежал из концлагеря. Одного из них убили, а со вторым, Виктором Прусовым, который живёт сейчас недалеко от Киева, спрятались в деревеньке, где и встретились с участниками французского Сопротивления. Среди них были и наши соотечественники, даже партизанский отряд носил имя Чапаева. В нём я сражался с 3 марта 1944 года до окончания войны.

11 декабря 1944 года в Париже мне было выдано удостоверение как партизану отряда, действовавшего на территории Франции в годы Великой Отечественной войны. К сожалению, это удостоверение не признавалось у нас на Родине. Наших соотечественников, сражавшихся против фашистов в рядах французского Сопротивления, к участникам войны не относили. Мне было горько и обидно, но я никогда не сожалел, что не остался во Франции, хотя мне предоставлялась такая возможность. Я хотел жить на родной земле, в той стране, где родился и где ждала меня мать, несмотря на то, что все считали меня убитым.

Многое изменилось в нашей жизни за последние годы. Сейчас меня признают как ветерана Великой Отечественной войны, я получил правительственные награды за ратный труд от правительств Франции и бывшего СССР. Справедливость восторжествовала.

КАРПУК Георгий Михайлович
Перед войной жил в Бресте. Бывший узник Брестской тюрьмы, воевал в партизанском отряде им. Чернака Жил в Бресте.

Вставай, сынок, война!

В июне 1941 года учился я в школе № 15 города Бреста, где занимались дети комсостава и служащих, присланных для укрепления советской власти в Прибужье. Настроение у нас, школьной ребятни, было приподнятое: приближались каникулы…

А в городе ползли слухи о предстоящей войне с Германией. Фашистские самолёты часто нарушали границу. Их характерный вой знал каждый. Как-то мы загорали на берегу Мухавца, и над нами пронёсся двухмоторный самолёт с чёрными крестами на крыльях, да так низко, что запорошил поднятым песком нам глаза. За ним погнались три наших истребителя…

По окончании учебного года отправились мы в поход. На речке Лесной соорудили шалаш, ловили рыбу, пели песни, наслаждались тишиной и природой. Правда, всё те же немецкие самолёты-нарушители и беспрерывно движущиеся колонны машин в сторону Бреста вызывали у нас обострённый интерес и тревогу.

Через два-три дня, когда мы вернулись в город, я встретился со своим дядей Францем Вылцаном, который руководил инженерными работами на десятом форту. Здесь взрывали старые сооружения, дробили бетон и отправляли на строительство оборонных объектов. Рабочих не хватало, и дядя попросил меня организовать мальчишек на помощь. Добровольцев нашлось много. Работа была простая, но тяжёлая. Каждый день мы грузили бетонные

глыбы в вагонетки и подвозили их к дробилке. Уставшие, но гордые возвращались домой.

Так прошла и последняя мирная суббота, ближе к вечеру ко мне зашли друзья. «Пошли в парк, Юра, погуляем», — предложили. Хоть я и устал, но дружба есть дружба — отправились в парк. Заметно стемнело, но всюду море света, играют оркестры, полно народа. Присев на свободную скамейку, заметили заходившую в парк группу лейтенантов. Как на подбор — невысокие, крепкие парни. Вдруг к животу одного из них наш солдат приставил штык винтовки, что-то подозрительное показалось ему в этих лейтенантах. Один из них солдату что-то объяснял, остальные как в рот воды набрали. На месте инцидента собралась толпа зевак. Чем всё закончилось, я не знал и только на следующий день мальчишечьим умом понял: ведь эти лейтенанты вполне могли бытъ немецкими диверсантами. А тогда поспешил домой: время близилось к полуночи. Странной казалась тишина. Едва прошёл немного по улице Ленина — погас свет. Ступил на Пушкинскую — история со светом повторилась. Иду дальше, на перекрестках встречаются группы мужчин по три-четыре человека. Когда добрался домой, жил на Киевке, — поужинал, улёгся спать, пришёл отец. У него на работе затянулось какое-то республиканское совещание. Засыпая, слышу, как папа говорит маме: «Что-то в городе неладное, телефон не работает, свет отключили, какие-то типы стоят на перекрёстках, заглядывают людям в лицо». Я беззаботно, мгновенно уснул.

«Вставай, сынок, вставай! — тряс меня за плечо отец. — Война!» Из постели я выскочил во двор. Занимался рассвет на востоке, а на западе будто ад бушевал.

Над головой волна за волной плыли бомбардировщики. По Минской улице бежали солдаты, кто в чём, босиком, без оружия. Как-то неожиданно появился капитан-пограничник, во всей выправке, с наганом в руке. Лицо испуганное, красное от бега. Отец к нему: «Товарищ капитан, что делать?» — «Без паники! Не отступим!» И тут же исчез. А я бегом в центр города. На Пушкинской осколками срезало липки, под ними лежат убитые. На углу Куйбышева и Пушкинской наткнулся на совершенно голого

рослого солдата. Тело в страшных ожогах, покрыто сажей. Мечется по стеклянному месиву на тротуаре. Беру его за руку, веду в больницу по улице Ленина. Увидев нас из окна, сестрички выбегают на крыльцо, подхватывают обгоревшего солдата. Повернул домой, на Карла Маркса встретил разбегавшихся из тюрьмы заключённых. Наиболее ретивые уже громят магазины. Со стороны крепости доносится грохот боя. «Там текут реки крови», — передавалось из уст в уста.

Дома, взобравшись на крышу, не отрываю глаз от крепости. Нарушает моё созерцание какой-то самолёт, который сбрасывает одну, но огромную бомбу. Страшный вой, тишина, а потом оглушительный взрыв. Около девяти часов утра по Минской промчались три немецких мотоциклиста. За ними прогрохотали один большой танк и три маленькие танкетки. Через час-другой появились гитлеровцы. Каждый тащил на себе множество всякой амуниции. Шли, еле передвигая ноги. Офицер тут же размещает их на постой. Солдаты валятся от усталости, кто прислонился к дому или ограде, кто упал в саду под деревьями.

В тот же день в город вошли карательные полицейские части. Стреляли ради озорства, стреляли по указке, находились и мерзавцы-предатели. На Киевке была еврейская колония имени Вартбурга — по сей день стоят эти домики, построенные в 1922 году для еврейской бедноты. Здесь была синагога. Каратели её сразу подожгли. Примчались наши пожарные, не оставили свой пост, но фашисты выстрелами в воздух отогнали их, приказали вернуться в депо. Взрослых евреев построили в колонны, погнали в сторону крепости. Хоронясь за этой колонной, пытались ворваться в крепость через Брестские ворота. Защитники крепости разгадали коварный замысел, тогда озверевшие фашисты стали расстреливать евреев…

В полдень 22 июня в небе появилась эскадрилья самолётов. Летели очень медленно, на небольшой высоте. Когда фашисты открыли по ним мощный зенитный огонь, мы поняли, что это наши! Самолёты загорались и падали, а их экипажи спускались на белых парашютах. Небо голубое, ни одной тучки. Самолёты — чёрные, разрывы снарядов — чёрные. И на этом фоне белые парашюты,

точки летчиков под ними — трагедия беспомощности до сих пор вызывает спазмы в горле и боль в сердце.

Прошла первая ночь войны. Никто не спал. Из крепости доносились редкие выстрелы, а в городе шла ожесточённая пальба: через боевые порядки фашистов прорывались отдельные группы красноармейцев.

Двадцать третьего июня фашисты уже хоронили своих. Вокруг собора и в парке «1-го Мая» прямо на глазах росло кладбище. Подпольщики с нашей помощью подсчитали, сколько там появилось свежих могил. Их ещё больше добавилось, когда пустили под откос поезд с солдатами-отпускниками. Погибло их около тысячи, брестчанам запретили ходить в парк. Но мы вели учёт погибших, хотя это связано было с большим риском, и это уже новая страничка войны.

С осени 1941 года немцы начали вывозить молодёжь на принудительные работы в Германию. Не брали только тех, кто был устроен на работу, связанную с немецкими воинскими частями. Молодые люди уклонялись от угона, и немцы временами устраивали в городе облавы, забирая людей просто с улицы.

Мне удалось устроиться грузчиком на почту, где обрабатывал и отправлял письма немецких солдат с фронта и служебную переписку. Мы старались иногда уничтожить часть писем и бумаг. Немцы заметили это, арестовали старика Куриловича и его напарника Винцковского. После истязаний их расстреляли.

Вскоре попался и я. Меня схватили два солдата, повалили на землю, стали бить ногами. Собрались люди, тогда немцы затянули меня в вагон и били скрученной в жгут проволокой. Вместе со мной попались и мои напарники — Володя Манджук и Юра Драгун. Нас бросили в машину, завезли в СД, а оттуда повели в тюрьму. Начались допросы в гестапо, которые продолжались четыре дня. Мы всё отрицали, ни в чём не признавались. Избитых, измученных, нас повели в суд, который находился в здании нынешнего железнодорожного техникума. Возле суда меня встретила мама, ужаснулась и потеряла сознание. Нам присудили по десять лет усиленного режима.

Тюрьма была переполнена. В ней началась эпидемия тифа. Больных истребляли. Я тоже заболел, но меня тайно лечили медсестра Боброва и врач Выжиховский. Двадцать семь суток я был без сознания, но выжил.

В тюрьму ежедневно привозили всё новых людей: евреев, цыган, поляков, жён советских офицеров. Расстреливали людей в районе нынешнего электромеханического завода и на южной окраине города. Случалось, что расстреливали тут же, в тюрьме, и закапывали во дворе. Однажды нас погнали в сторону нынешней улицы Карбышева. Здесь мы увидели огромное количество расстрелянных евреев, сложенных в штабеля. Вся улица была залита кровью. В это время полицай привёл несколько еврейских детей и стал стрелять их по одному, целясь в затылок. Нас заставили закапывать трупы. Этот ужас никогда не забудется…

… После побега из Брестской тюрьмы мне, ещё мальчишке, нужно было надёжно укрыться и не лезть на рожон. Вскоре, благодаря подпольщикам и связным партизанского отряда имени Чернака, нас, троих парней, увели из города. Александр Косенюк, Игорь Щуровский и я участвовали во всех боевых операциях отряда.

Весна 1944 года была холодной, но жаркой от боёв и событий. Мы успешно уходим за линию фронта, и всё Брестское партизанское соединение пополняет ряды 70-й армии. Я попал на курсы командиров-разведчиков и досрочно был призван в разведгруппу ближнего действия. Благодаря знанию немецкого и польского языков был назначен переводчиком на офицерскую должность. К слову, маршал Рокоссовский в своих «Воспоминаниях» отмечает нас несколько раз: мы подслушивали разговоры командования немецких танковых дивизий «Герман Геринг», «Айхен», «Готенкопф».

Служу, воюю, работаю вместе с замечательными товарищами. Были ранения, несколько тяжёлых, но все остались живы, на гимнастёрках появились награды. Меня наградили за освобождение родного Бреста медалью «За боевые заслуги», объявили благодарность от Верховного Главнокомандующего. Всего я получил восемнадцать таких благодарностей, медаль «За отвагу», ордена

«Красной Звезды» и «Отечественной войны». После окончания войны попадаю в Москву в распоряжение Министерства обороны. Но неумолимо тянет домой.

Молодому победителю хочется работать на родине. И в декабре 1945 года сбывается моя мечта — я в Бресте, снова переводчиком в лагере немецких военнопленных.

Помогал в розыске военных преступников и в борьбе с агентурой наших бывших союзников. Демобилизовался в феврале сорок седьмого года, поступил в Брестское музыкальное училище, продолжил учёбу, прерванную войной, и устроился на работу в педагогическое училище преподавателем. По окончании музыкального училища восемь лет преподавал, а затем по приглашению Министерства культуры Коми АССР уехал на Крайний Север в город Инту, где организовал музыкальную школу и стал её директором.

Я тогда не знал, что мои почки, отбитые во время допросов немцами, очень боятся холода. Нешуточная болезнь — начались тяжелейшие, уникальные операции в Ленинграде, Москве, Минске, Бресте. Всего перенёс четырнадцать операций, в том числе и по извлечению осколков, полученных во время ранений на Первом, Втором Белорусских фронтах.

В качестве свидетеля меня приглашали на судебные процессы над военными преступниками Третьего Рейха, которые проходили во Франкфурте-на-Одере в 1983 и 1985 годах. Я знакомился с отчетами Брестского гестапо, в которых указывалось ежедневное количество расстрелянных: 327, 296, 415… жертв…

Мне пошёл семьдесят пятый год, донимают старые раны и болезни. Но я не сдаюсь, всегда на переднем крае борьбы (теперь уже за человечность и справедливость). В этом мне помогают добрые люди, и в первую очередь моя жена Майя Ивановна, за что я им сердечно благодарен.

Я не забыл ни одного случая или эпизода из моей длинной, насыщенной событиями жизни. Особенно помнятся стойкость и героизм тех, кто самоотверженно защищал нашу Родину от фашистской нечисти…

МИЦЕВИЧ (Менжинская)
Зоя Владимировна
Председатель Бобруйской общественной организации бывших узников фашизма «Судьба». Родилась 13 мая 1934 года в г. Берёза. Родители в 1944 году расстреляны за связь с партизанами. Малолетняя узница тюрьмы гестапо в Берёзе, жила в приюте, где брали кровь для немецких солдат. Проживает в г. Бобруйск.

Крик души

Цень плыве з Картуз-Бярозы,
засцілае край…

Наш огород и сад упирались в высокий забор, ограждавший красные казармы тюрьмы политзаключённых в городе Берёзе. Мы видели в окнах за решёткой узников. Иногда мой отец, Менжинский Владимир Иосифович, что-то им объяснял жестами, а в сентябре 1939 года открыл двери тюрьмы. Отцово чувство непримиримости к насилию сыграло роковую роль в судьбе нашей семьи в дни оккупации Берёзы.

22 июня 1941 года внезапно появляются самолёты с чёрными крестами на крыльях. Мы прячемся под яблоней, но папа быстро переносит нас в погреб. А через два дня в нашем саду располагается немецкая полевая кухня. Мы сидим, не выходя из дома, исподтишка выглядывая в окно. Души наши гложет постоянный страх. Началась жизнь с оглядкой.

Осенью тёмными вечерами к нам в дом стали приходить незнакомые мужчины. Любопытство мучило, но детям было приказано спать. Однажды я проснулась, вижу — мама вытаскивает из печи много булок хлеба, а два парня складывают их в мешок. И мама заметила, что я проснулась: «Иди спать. Ты ничего не видела!»

А в конце зимы 1944 года утром папу арестовали. Соседи говорили маме, что арестовали Омельяновичей, Позняка и многих других, что все они сидят в тюрьме. Мама ходила туда, ей подтвердили, что отец в тюрьме, но передачи не взяли. Мама сварила ему в чугунке картошку, а я завернула чугунок в бумагу и на ней написала: «Папочка, за что тебя посадили?» Полицай передачу взял, а через минуту выскочил и стал бить меня по лицу, приговаривая: «Что, щенок, тоже в тюрьму захотелось?» Я прикрыла лицо руками, а он схватил меня за руку и вывернул все пальцы. Их потом вправили, но один всё-таки остался на всю жизнь покалеченным.

Через неделю после ареста отца к нашим воротам подъехал воз. С него сошли три жандарма в чёрных мундирах и приказали нам садиться на телегу. Мама взяла самого младшего Костика на руки, а мы с сестрой Ниной пошли следом. Третья наша сестра Лариса забежала за сарайчик, но схватили и её, бросили к нам. В марте 1944 года мы все оказались в общей камере тюрьмы. Одно оконце с решёткой вверху, нары в два яруса, духота, вонь от огромного корыта посредине камеры и слёзы, слёзы, слёзы. Нас выдал некий Жук, всех, кто поддерживал связь с партизанами.

Родителей водили на допрос почти ежедневно, приволакивали в камеру избитых. Меня, старшую, допросили один раз. Куда ходил отец, кто к нему приходил, выпытывали три фашиста. Меня не били, но я очень боялась и отвечала, что ничего не знаю. Я даже не помню, чем нас кормили, но мы всё время хотели есть. На нас напали вши, у Костика потекло ухо, золотуха струпьями покрывала наши головы. Во двор нас выводили раз в день. Всегда нас охранял немец. Родственники наши знали о времени этих прогулок. Люся Менжинская, моя двоюродная сестра, в заборе проковыряла сучок и всегда ждала нашего появления, под забором выгребла лунки, в которые клала нам хлеб, яйца, сушё-

ные яблоки. Иногда охранник замечал, как мы нагибались, орал, бил и досрочно загонял в камеру.

Вскоре нас разлучили с отцами, но сведения о них иногда доходили до нас. Мама нас успокаивала, говорила, что папе не очень плохо, а сама плакала. Спали мы буквально друг на друге. Солома на нарах истёрлась и провоняла. Мы заходились плачем, были грязные, из корыта пили вонючую воду. Завидовали мальчику в бело-грязном свитерке, которого немцы научили кричать: «Хайль, Гитлер!» За это ему давали конфетку, это был Коленька Омельянович, ныне доцент Белорусской народно-хозяйственной академии.

В апреле 1944 года нас вывели в тюремный двор. Подбежал папа, которого мы не смогли узнать, седой, заросший, поднял Костика на руки, мы, три девочки, прижались к его ногам. По главной улице Берёзы погнали колонной в гестапо. Последние минуты с родителями прошли в кошмаре: папа упал на колени, перекрестился, умолял гестаповцев не убивать детей. Нас, орущих, схватили, бросили на телегу, мама вцепилась в нас. Лошадь ударили, телега тронулась. Мама пыталась бежать за нами, а её били прикладом…

Повезли к зданию монастыря. Подвели к яме. Я прижала Костика к себе сильно-сильно, боялась, что его разорвут, как это делали изверги с грудными детьми. Но вдруг послышалась какая-то команда — нас опять погрузили в телегу и повезли в город. Это были первые двадцать девять детей, которых фашисты не казнили. Родителей же расстреляли, и где они похоронены, до сих пор не знаем.

Нас доставили в большой деревянный дом на углу Углянской и Ленина, напротив гестапо. В приюте, как его называла толстая женщина, приставленная к нам, мы спали на полу, на соломе, кормили нас похлёбкой, но и родные могли сюда уже передавать еду.

Костик был болен — золотуха, кашель, и его не стали трогать, а нам сообщили, что у всех детей будут выкачивать кровь. Мы думали: как это выкачивать, каким насосом?

Однажды меня взяли в казармы, где на кухне загрузили в мешок говяжьи кости, заставили их нести. Было очень тяжело, а на

меня орали и били. Нас всё время «радовала» надзирательница: оставили в живых, чтобы выкачивать кровь для немецких солдатиков. Брали кровь тонкой иголкой, совсем не больно. Меня и других в нашей группе спасло то, что кровь взяли только один раз — был май 1944-го, приближалась линия фронта. Те, у кого брали кровь до нас, после третьего раза умирали…

После освобождения нас разобрали родственники. Помню, как я пришла к своему дому, там уже жила семья полицая, и я просила дать мне какую-нибудь одежду. Жена полицая вынесла мешок и с презрением швырнула.

Жили мы кто у кого, горя хлебнуть пришлось немало. Голод и холод — это запомнилось на всю жизнь. У меня началось воспаление почек. Потом, в 1946 году, выпало большое счастье — меня, как отличницу и круглую сироту, отправили во Всесоюзный пионерский лагерь «Артек». Потом, как ослабленную, оставили ещё на одну смену. За время отдыха в «Артеке» я поправилась на семь килограммов.

Горькое сиротство дало о себе знать. Ушли уже из жизни Константин (он покоится на Чижовском кладбище в Минске), Нина (похоронена в Берёзе). Часто болеем я и Лариса (она живёт в Гомеле). Мне 32 раза полностью заменили кровь, разрушается костный мозг.

После войны я закончила 7 классов школы в г. Берёза, затем — Брестское педагогическое училище и филологический факультет Брестского пединститута. Ещё со студенческих лет я была очень активная, много работала, и эта работоспособность сохранилась до сих пор. В училище играла на скрипке, в институте руководила факультетским хором, занималась в драмкружке, в комитете комсомола отвечала за шефскую работу.

Работала заведующей библиотекой, в школе № 3 Бреста, в отделе писем газеты «Ленинское знамя» (г. Будапешт), в политотделе тыла Южной группы войск, там же в школе — учителем и завучем, более 40 лет — учителем русского языка и литературы в школах Бреста и Бобруйска.

В 1995 году, став инвалидом второй группы, завершила педагогическую работу. С 1998 года — в Бобруйской общественной

организации бывших узников фашизма «Судьба», сначала заместитель, затем председатель.

С мужем Павлом Николаевичем — офицером запаса — живу уже более 50 лет, в 2008 году отметили золотую свадьбу, вырастили сына и дочь.

Эти воспоминания — частичка кровавой истории, крик измученной души. Пусть нашим детям и внукам, последующим поколениям не доведётся пережить и увидеть того, что выпало на нашу долю.

Зоя МІЦЭВІЧ

* * *

Зноў вясенняе сонца
Грэе рыжы грудок,
І дзіцячы слядочак
Заплывае вадой.
Паўстагоддзя слядочку,—
Што ж так сэрца шчыміць?..
Пасівелая памяць
Зноў нас робіць дзяцьмі.
Зноў балота па пояс
І падстрэшша ялін,
Брэх сабак азвярэлых,
Калыханка галін.
Лю-лі, лю-лі…
Паснулі
І малы і стары.
Снег калючаю коўдрай
Іх навечна накрыў.
Толькі боль не сціхае
Ані ў дзень, ні ў начы,
Як адкрытая рана:
А-за-ры-чы…
За тыфознай гарачкай,
За крупой ледзяной,
За дзіцячым слядочкам,
Разарваным вайной.

Канцлагер Азарычы, сакавік 1996 г.

• Азарычы •

Азарыцкія лагеры смерці — тры канцэнтрацыйныя лагеры, створаныя нямецкімі захопнікамі ў Даманавіцкім раёне Палескай вобласці (цяпер — Калінкавіцкі раён Гомельскай вобласці) у якасці жывой заслоны на шляху наступлення савецкіх войскаў.

У пачатку сакавіка 1944 года камандуючы 9-й нямецкай арміяй Ёзэф Харпэ (Josef Harpe) загадаў размясціць недалёка ад пярэдняга краю абароны каля г.п. Азарычы, в. Дзерці і в. Падасіннік канцлагеры, у якія пад выглядам эвакуацыі было прывезена больш за 50 тысяч непрацаздольных людзей, у тым ліку сыпна-тыфознахворых з бальніц і лазарэтаў. Мэтай нацыстаў было распачаць у лагерах эпідэмію і распаўсюдзіць яе на часці Чырвонай Арміі, каб затрымаць іх наступленне.

Асуджаных на смерць людзей размясцілі на адкрытых балоцістых пляцоўках, абгароджаных калючым дротам і міннымі палямі і абстаўленых кулямётнымі вышкамі. Людзей не кармілі, забаранялі раскладаць агонь, яны вымушаны былі піць балотную ваду. Любая форма пратэсту каралася расстрэлам. Каб паскорыць пашырэнне эпідэміі, нацысты пераводзілі групы сыпна-тыфозных хворых з лагера ў лагер.

18–19 сакавіка 1944 года вязні былі вызвалены савецкімі войскамі. Жывых засталося 33 480 чалавек, з іх дзяцей да 13 гадоў — 15 960, жанчын — 13 072, старых — 4448.

РОМАНЕНКО (Лепёшкина)
Людмила Петровна
Председатель Брестской областной организации бывших несовершеннолетних узников фашизма. Родилась в 1938 году в д. Ново-Белица Гомельской обл. Бывшая малолетняя узница концлагеря в Озаричах. Проживает в Бресте.

На всю жизнь

Я родилась в 1938 году в д. Ново-Белица Гомельской области. В начале войны мне только-только исполнилось три года. Именно война осталась в моей памяти на всю жизнь, то далёкое и страшное время пребывания в смертельном фашистском аду, в котором выжить не было практически никакой возможности.

Нашей семье фашисты предъявили особый счёт, и были к тому основания: младший брат отца Лепёшкин Дмитрий Александрович был комиссаром Бобруйского партизанского отряда, командиром которого был Герой Советского Союза Ливенцев Виктор Ильич.

Время от времени ночью нас навещали партизаны. Отец чем мог помогал им — и одеждой, и продуктами, и информацией, «Доброжелатели» нового режима догадывались о связи нашей семьи с партизанами. И как результат — нас выгнали из родного дома, и мы какое-то время жили в доме тёти Лизы, сестры отца, где вместе с нами жили другие родственники и ещё несколько семей. Мы, скорее, не жили, а выживали, приспосабливаясь к обстоятельствам: что-то ели, спали по очереди, сидя, кто днём, кто ночью. И продолжалось это вплоть до 1944 года.

А в феврале 1944 года всю семью: отца, Лепёшкина Петра Александровича, мать, Меланью Фёдоровну, двух сестёр — Зину и Марию и двух братьев — Дмитрия и Петра; двух бабушек по линии матери и отца, старшую сестру отца — больную, немощную, и других родственников, которые жили вместе с нами, вывели из дома и погнали в неизвестном направлении. По дороге к нам присоединяли жителей других деревень.

Вспоминаю дорогу, по которой нас гнали немецкие солдаты и полицаи, толпу уставших, голодных и перепуганных людей, в основном женщин, стариков и детей. Было очень много маленьких детей, которых несли за плечами; кого-то везли на телегах. Мама нам говорила, что везут больных людей.

Люди не понимали — куда и зачем их гонят. Нам говорили, что нас уводят подальше от линии фронта, чтобы спасти от гибели.

Фактически мы оказались на переднем крае немецкой обороны и, как выяснилось впоследствии, служили живым щитом на пути наступления Красной Армии у посёлка Озаричи на Гомельщине, где генералами Вермахта был создан Озаричский лагерь смерти.

Каждый день в лагерь поступали новые партии людей. Привозили и больных, в основном тифозных, полураздетых, босых, прямо из больниц. Пригоняли сюда невольников из других лагерей, которые были неподалёку от Озарич.

Помню, как разгружали те телеги, на которых привозили больных: людей сбрасывали, как дрова, на мёрзлую землю. Некоторые пытались отползти в сторону, а большинство из них даже не могли пошевелиться. Среди них были и умершие.

Все мы — вперемешку здоровые, больные, мёртвые — оказались на болоте, за колючей проволокой, в лагере смерти Озаричи.

Здесь не было крематориев и газовых камер, в которых сжигали и травили людей, как в других концлагерях. Но здесь не было не только бараков с нарами, но и хотя бы какого-либо укрытия от непогоды. Люди просто находились на полузамёрзшем болоте, огороженном колючей проволокой, под открытым небом, без огня, пищи и воды.

Тут же лежали умершие, трупы которых не убирали по нескольку суток. А если нужно было место для вновь прибывшей

партии пленников, то трупы собирали и складывали штабелями рядом с живыми. Умерших не хоронили.

Есть не давали. Раза два привозили хлеб. Его не выдавали и не раздавали, а прямо с машины кусками бросали в голодную толпу. Старшая сестра Зина (ей было 10 лет) попыталась заполучить кусочек хлеба, но его у неё вырвали из рук более сильные и такие же голодные. Вернулась в слезах не потому, что хлеба не досталось, а от обиды. Следующий раз родители никого за хлебом не отпустили.

Помню, что мы грызли сухари из чёрного хлеба, которые сумели в карманах пронести с собой в лагерь.

Вместо воды сгребали с чахлых ёлок остатки почерневшего снега и сосали его. Днём пригревало мартовское солнце, замёрзшая болотная земля под нами таяла — это тоже была вода.

От голода, холода, болезней — особенно тифа — за колючей проволокой люди умирали целыми семьями. Первой из нашей семьи заболела мама. Каждый из нас хотел чем-то ей помочь, но отец постоянно просил нас держаться от мамы подальше. Нам, детям, тогда было непонятно, что он пытался уберечь нас от тифа.

Мама всё время была без сознания. И, когда она ненадолго приходила в себя, в первую очередь обводила взглядом всех нас: все ли живы, не случилось ли чего? Просила пить.

Вместо воды мы держали снег в алюминиевой кружке, которую разогревали спичками, став всей семьёй в кружок, тесно прижавшись друг к другу. В противном случае надзиратель с вышки, едва заметив огонёк, тут же расстрелял бы всю семью.

Костры разводить категорически запрещалось. За малейшее неповиновение надзиратели с вышек стреляли без предупреждения. На наших глазах немец с вышки прострелил обе ноги мужчине, сидящему недалеко от нас, который зажёг спичку под лохмотьями своей одежды, чтобы хоть немного согреть замёрзшие руки.

Заразились в лагере и умерли в течение одной недели обе наши бабушки и старшая сестра отца. Они так и остались незахороненными на том болоте, как и другие погибшие.

И никто уже не надеялся на какое-то спасение, каждый ждал свой очереди.

Но спасение пришло. Я помню ту ночь, когда всё вокруг содрогнулось от артиллерийского обстрела. Гудела сама земля, и казалось, что в природе не останется ничего живого. А на рассвете наступила тишина. И никто не смел даже предположить, что это пришло наше избавление от мук.

Когда рассвело, мы увидели солдат с красными звёздочками на шапках. Казалось, земля зашевелилась: полуживые люди встречали своих освободителей — воинов 65-й армии генерал-полковника Батова П. И. — слезами радости и печали.

Плакали не только мы, узники, плакали и солдаты, увидев тысячи трупов, тысячи почти замёрзших детей, полумёртвых женщин-матерей, умирающих стариков.

Помню, как нас выводили из лагеря узкой разминированной тропинкой. Солдаты строго предупреждали всех, чтобы шли след в след, так как окрестности концлагеря были сплошь заминированы.

Через минное поле меня на руках нёс красноармеец. Наверное, я, как и другие дети, оставшиеся в живых, была похожа на маленький живой труп.

А дальше помню полевой госпиталь — деревенская изба, нары по периметру избы, мы все на нарах со стрижеными головами под солдатскими оде-

Мемориал детям — жертвам войны в пос. Красный Берег Жлобинского р-на Гомельской обл.

ялами. Выхаживали нас, переболевших тифом, бойцы Красной Армии.

Домой мы вернулись только в июле 1944 года, когда были освобождены от немецких захватчиков наши Паричи. С нами не было только мамы и моей старшей сестры Зины, которая осталась с больной матерью. Их вместе со всеми, кто не мог самостоятельно передвигаться, эвакуировали через несколько дней из лагеря в полевой госпиталь. И до сентября мы об их судьбе ничего не знали. Считали, что их уже нет в живых.

Только в сентябре 1944 года, когда война шла уже за пределами Беларуси, вернулись домой мама с Зиной. Воссоединилась семья, кончились наши лагерные муки.

Началась послевоенная жизнь. Школа, один учебник на десятерых; вместо тетрадей обрывки каких-то газет. И не все имели возможность окончить школу, получить хотя бы среднее образование.

Я закончила 10 классов Паричской средней школы, Минский технологический техникум, получила специальность технолога швейного производства. По распределению была направлена в Калинковичи Гомельской области, где работала в КБО вначале мастером цеха, а затем главным инженером.

Там же вышла замуж, имею дочь Елену и сына Виталия.

В связи со спецификой работы мужа в 1969 году оказалась в Бресте, где проживаю в настоящее время.

Свою трудовую деятельность совмещала с общественной работой. Общественную работу всегда любила, начиная со школьной скамьи.

И сейчас, находясь на пенсии, всё своё свободное время отдаю общественной работе, с 1998 года являясь председателем Брестской областной общественной организации бывших узников фашизма. Это моя вторая жизнь.

Считаю, что бывшие узники фашистской неволи — люди удивительного поколения и особой судьбы. Они с раннего детства испытали горечь военного лихолетья, пережив колючую проволоку фашистских концлагерей, застенки тюрем СС и СД, гетто,

познали унизительный рабский труд в детском возрасте, находясь вместе со старшими родными в фашистской неволе.

Они являются последними свидетелями и участниками самой страшной войны XX века. И поэтому к ним должно быть особое внимание и отношение.

Дети и война — два несовместимых понятия. Дети — это продолжение жизни на планете Земля! Война — это то, что отнимает жизнь.

Я сама давно уже бабушка. И моя внучка Яна, и трое внуков — Роман, Руслан, Олег — выросли под мирным небом. И я мечтаю только о том, чтобы никогда-никогда ничьи дети на Земле не испытали того, что несёт с собой война, не повторили нашей судьбы.

И в силу своих возможностей стараюсь этому способствовать.

Заседание Брестского областного Совета бывших несовершеннолетних узников фашизма. 2011 г.

НАМЯТОВ Эрнест Александрович
Родился в 1932 году. Перед войной жил в г. Жлобин Гомельской обл. Бывший малолетний узник концлагеря в Озаричах. Проживает в Бресте.

Изверги-оккупанты

Мне было двенадцать лет. В начале марта 1944 года жителей города Жлобина немцы согнали к железнодорожной школе номер два. Фронт в это время находился всего в двух километрах, наши были за Днепром. Во дворе школы фашисты отбирали здоровых, крепких мужчин, парней, женщин и девушек для работ на оборонительных линиях. Пожилые люди не отдавали своих родных. Немцы прикладами и плётками загоняли в гурт каждую жертву. Рядом со мною немец вырвал из рук матери маленького ребёнка, бросил на землю. Стоял крик, плач, люди кляли извергов-оккупантов.

Из нашей семьи забрали мужа тёти Ольги Кикинева Николая, остальных: деда Фёдора, бабушку Дуню, тётю Олю с ребёночком и моего брата Генриха семи лет, как и всех, погнали на станцию, затолкнули в товарные вагоны, двери закрыли. Эшелон тронулся, все плакали, никто не знал, куда нас везут и что нас ждёт впереди.

Сколько ехали, не помню. Остановились, открыли немцы двери, выталкивали из вагонов, били прикладами, ногами. На обочине лежали большие кучи узлов, одежды, утвари. «Сюда привозили людей! Но где они, что с ними? Может, их расстреляли?» — никто не давал ответа…

По непролазной дороге погнали. Конвойные торопили, били палками и прикладами. Наконец мелколесье сменилось лесом, и мы оказались за колючей проволокой. Воды не было. В низинках лежал снег, ночевали под открытым небом, прижавшись друг к

Узники, освобождённые из лагеря смерти в Озаричах.
Фото 1944 г.

другу. Утром пошли лесной дорогой. При выходе из лагеря натолкнулся на мёртвых женщин: убили, замёрзли?.. Тянулись левой обочиной большака. Правая сторона — сосновый настил, на нём немецкие машины, мотоциклисты, конвоиры. Сзади раздаются выстрелы, расстреливают отстающих. Натыкаюсь на женщин, стариков. Одна мать просит забрать, спасти её детей. Детей забрали. Старики от помощи отказываются: «Идите, идите сами, а то и вас убьют».

Во втором лагере не оказалось сухого места. Днём таяло, ночью подмораживало. Пожитки клали в воду, садились на них, падали от усталости. Ноги были мокрые. Ночь провели сидя, утром не могли поднять вещи, примёрзли, всё бросили. Тех, кто остался жив, выгнали из лагеря. Снова еле-еле тащимся лесной дорогой. Гремят выстрелы. Меня обходят, страшно оглянуться. Убит старик, мимо которого я только-только прошёл, немец перезарядил винтовку. Вот уже я в конце колонны. Стреляют всех, в спины,

в головы. Молчание. Просто ждут, как освобождения от мук, смерти. Плачу, рвусь из последних сил, страх гонит, чуть-чуть вырываюсь вперёд — спасение!..

Перевёл дух, когда впереди все остановились. Лагерь… Не верится, что дошёл. У ворот отбирают пожитки, обрезают мешки, кожухи срывают, платки. У меня обрезали котомку, подхватил, сзади поднажали — оказался за воротами…

Примостились у небольшого деревца. В грязи и воде сидят люди. Множество неживых, умирают от холода, голода. Питались только тем, что захватили с собою. Свирепствует тиф. После войны узнал, что доктору Серебрякову, заведующему Жлобинской областной больницей, немцы приказали отправить в лагерь всех до одного тифозных больных. Территория этого лагеря превратилась в огромное кладбище незахороненных женщин, стариков, детей.

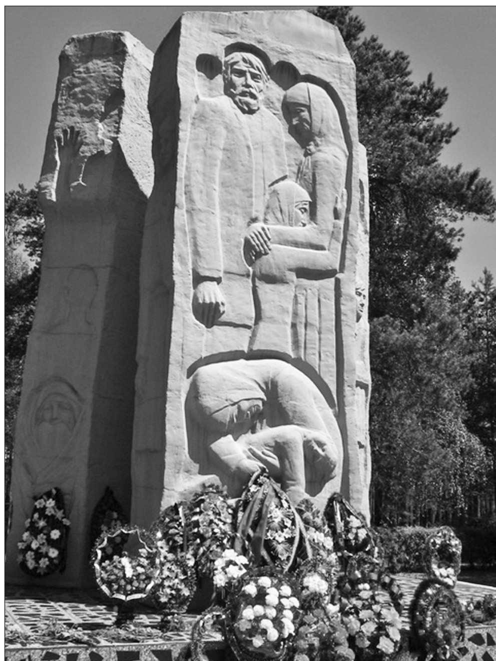
Однажды ночью немцы отступили. Люди выходят из-за колючей проволоки, подрываются на минах. Я — среди них. Ранен, лежу в полевом госпитале. Кроме ранения — тиф, дизентерия, воспаление легких, чесотка. Чудом выжил…

30 лет я отработал журналистом и режиссёром на Брестской студии телевидения. С 1993 по 1997 год снял три документальных фильма: «Майданек», «Освенцим», «Озаричи». Все они показаны по республиканскому телевидению. По этим концлагерям я собирал материалы, делал запросы, подбирал героев фильмов, бывших узников.

Сегодня тем, кто были детьми в 1944-м, давно за 70. Они прошли через неимоверные испытания: издевательства, пытки, увечья, страх ежеминутного расстрела, тифозный кошмар, через множество болезней, от которых не могли освободиться всю жизнь.

В 1943 и в феврале–марте 1944 года около местечка Озаричи Гомельской области немцы в качестве живого щита сконцентрировали около 55 тысяч мирных граждан, главным образом детей, женщин и стариков. Собраны были не только местные жители. Пригнали людей из России, Украины.

Озаричи — настоящая «фабрика смерти», хотя там и не было крематориев. Эту роль выполняли сыпной тиф, голод, холод, бо-

Мемориал на месте лагеря смерти в пос. Озаричи Калинковичского р-на Гомельской обл.

лезни и расстрелы. В Бухенвальде, Освенциме, Дахау и других концлагерях узники, тоже обречённые на смерть, хотя бы имели крышу над головой и каждый день какую-то похлёбку. В Озаричах дети и взрослые содержались на снегу, а к весне — в болотной грязи, без права разводить костры, под холодным открытым небом, без еды, завшивленные, тифозные, и мучительно умирали…

Единственный концлагерь в Европе, где было применено бактериологическое оружие, — вот что такое Озаричи.

В 1944 году Чрезвычайная государственная комиссия СССР по злодеяниям фашистов отнесла Озаричскую зону (более 20 концлагерей) к особо тяжким преступлениям нацистов как по условиям содержания, так и по методам уничтожения. Эта комиссия установила Озаричам статус: «Специальный концентрационный лагерь смерти на переднем крае немецкой обороны».

Якуб Колас в свое время сказал: «Концлагерь Озаричи является олицетворением скорби, страдания, боли и слёз белорусского и русского народов».

КАРПЕЙ (Михнева)
Софья Сергеевна
Родилась в 1934 году в д. Левковичи Кировского р-на Могилёвской обл. Бывшая малолетняя узница концлагеря в Озаричах. Проживает в г. Пружаны.

Каждый день и ночь уносили сотни жизней

Я, Софья Карпей (до замужества — Михнева), родилась 10 июня 1934 года в д. Левковичи Кировского района Могилёвской области в крестьянской семье. Мой отец — Михнев Сергей Павлович, мать — Михнева Анна Яковлевна, братья Валентин — 1937 г. рожд., Виктор — 1940 г. рожд., Семён —1942 г. рожд.

Всё дальше и дальше уходят годы войны и события тех трудных времён моего детства. Но для поколения людей того тяжёлого времени пережитое в концлагере смерти Озаричи не забудется никогда.

Дети того времени не знали, что такое радио и телевизор, но, услышав от взрослых, что началась война, мы припадали ухом к земле и слышали содрогания — фронт неумолимо приближался к нашей деревне. Когда в деревню вошли немцы, они забрали всех взрослых мужчин рыть оборонительные сооружения, среди них был и наш отец. В нашем доме поселились двое немцев, молодой и старый. Нам, детям и маме, пришлось жить в сарае вместе со скотиной и не разрешалось подходить даже к дверям дома. Молодой немец был добрым, иногда, когда не видел пожилой, он угощал нас сладостями. Однажды мама понесла отцу передачу (кар-

тошку и сухари), потому что немцы не кормили работающих на рытье окопов мужчин. В это время к нам во двор подъехала большая немецкая машина, начали выносить из нашего дома лучшие вещи и кричать нам «вэк-вэк, в машину». Я очень быстро успела надеть на своих братьев всё, что смогла найти, и нас загнали в машину. Мама разыскала нас уже по дороге, и благодаря только ей нам троим удалось выжить в этом аду.

Привезли нас в Бобруйск на железнодорожную станцию, загнали в вагоны-телятники без окон и туалета. В вагоне было так много людей, что с трудом можно было просто повернуться. Вагоны заколотили. Сколько было стонов, плача, криков стариков, женщин и детей! Никто не знал, куда нас везут и зачем. Когда довезли до места и открыли вагон, было уже много трупов. Выгрузившись из вагона, мы увидели большие груды, припорошенные снегом, подойдя поближе, увидели, что это были сваленные трупы людей. Нас построили в колонны и под надзором автоматчиков и овчарок погнали по разбитой дороге к лагерю. Ноги увязали по колено в грязи. Мама несла двух младших братьев Виктора и Семёна на себе, одного спереди, а другого сзади, связав платком, а нас с Валиком вела, держала за руки. По дороге мы с Валиком в грязи потеряли обувь. Мама сняла с себя юбку, разорвала и обвязала нам ноги. Останавливаться было нельзя, иначе расстрел. Приведу пример. Когда отца забрали рыть окопы, Валик стал носить в кармане его единственную фотографию, где он сфотографирован вместе со своим братом и его женой, так она и оставалась с ним. По дороге он говорит маме: «Мама, я оторву с фотографии тётю Маню, а то мне тяжело её нести». Потом он попросил оторвать с фотографии и брата отца. А потом от усталости выбросил и кусочек фотографии, где оставался только отец.

Когда нас пригнали к месту, где находился лагерь, мы увидели большое болото, окружённое колючей проволокой и вышками с немецкими солдатами. Нас загнали за эту изгородь, 50 тысяч невинных стариков, женщин и детей. Мы должны были стать живой заражённой сыпным тифом изгородью между линией фронта, чтобы заразить бойцов Красной Армии этой страшной болезнью.

Мы стояли по колено в болоте, и каждый день и ночь уносили сотни жизней. Нас мама ставила на трупы, раздевала их и укрывала нас, чем только могла. Немцы заставляли трупы складывать в штабеля, но и у живых всё меньше оставалось сил, поэтому много умерших так и оставалась лежать среди оставшихся в живых. Каждый день немцы подвозили к нам в лагерь людей, заражённых тифом, из других лагерей. Я помню, как немец расстрелял троих детей на глазах у матери, которая хотела подальше увести их от вновь завезённых больных людей.

Где-то в марте ночью к нам в лагерь пробрались наши разведчики, до сих пор помню их родные голоса. Они просили нас держаться до последних сил, мужаться, говорили, что скоро нас освободят. Но холодный март забирал всё больше и больше жизней. В одну из ночей не стало и нашего Семёна.

Однажды ворота лагеря открылись, патрули сошли с вышек, и мы увидели наших солдат. Большинство людей не могли идти, а ползли по болоту навстречу освободителям. Солдаты просили нас никуда не расходиться, потому что лагерь заминирован.

Выживших в этом болоте солдаты выносили на руках и на носилках, тяжелобольных увозили в ближайшую деревню на карантин.

Когда вернулись домой, пришлось тяжело работать, тягали на себе плуг, борону, ходили искать сучья за три километра, чтобы мама сварила похлебку из гнилой картошки, собранной весной в поле. Но это было уже счастье по сравнению с временем, проведённым в лагере.

Повзрослев, я поступила в сельскохозяйственный техникум в пос. Жиличи Кировского района. Учили при керосиновой лампе, была одна книга на 17 человек, один читал, все слушали.

После окончания техникума работа в колхозах Брестской области. На Брестчине вышла замуж, родилось двое детей. За многолетний труд в сельском хозяйстве награждена Юбилейной медалью, Почётной грамотой Верховного Совета Республики Беларусь.

Уже 10 лет, как похоронила мужа, в феврале 2010 года похоронила и 52-летнего сына. Живу одна, в нашем городе живёт и дочь с семьёй. У меня трое внуков, все уже взрослые парни.

Война в нашей семье, и особенно лагерь Озаричи, оставила тяжёлый след. Отец, придя с фронта с тяжёлым ранением, умер в 49 лет. Мама дожила до 75 лет.

Я и брат Валентин — инвалиды 2-й группы, брат Виктор — инвалид 1-й группы, прикован к постели. Годы берут своё, но я стараюсь не сдаваться старости. Очень хочется, чтобы подрастающее поколение ценило то время, в котором они живут. Поэтому часто выступаю перед школьниками и студентами, рассказывая о том, что пришлось пережить. Приходят ко мне домой перед Днём Победы учителя с учениками, чтобы поздравить. Я — постоянная участница хора ветеранов «Красная гвоздика». Посещаю храмы и молю Господа о том, чтобы не содрогалась наша Земля от боли и стонов людских.

Брестская делегация бывших несовершеннолетних узников возлагает цветы в память детей — жертв войны в мемориальном комплексе в пос. Красный Берег (Жлобинский р-н Гомельской обл.)

БАШАК Владимир Дмитриевич
Родился в 1934 году. До войны жил в д. Авангард Калинковичского р-на. Бывший малолетний узник концлагеря в Озаричах. Проживает в г. Дрогичин.

Мне казалось, что мы на том свете

Когда началась война, мне было семь лет (я родился в 1934 году). Мы с матерью и четырёхлетним братом жили в деревне Авангард Калинковичского района. Отца не было: он погиб ещё во время финской войны. Многие в нашей деревне были связаны с партизанами, помогали им. Пришли каратели, начали расправу: людей выгоняли, а дома жгли. Было это в феврале 1944 года, мне было тогда десять лет.

Потом нас построили и собирались куда-то везти. Детей грузили в машины. Но мы с братом заупрямились и остались с мамой. А та машина, что была заполнена многими из наших ровесников-односельчан, отъехав совсем немного, взорвалась на мине…

Мы же дошли до лагеря Озаричи, до которого от нашей деревни — около 20 километров. Нас затолкали за колючую проволоку. Было очень холодно, но когда кто-нибудь хотел разжечь огонь, чтобы согреться, гитлеровцы, что находились на пулемётных вышках, открывали огонь.

Вначале мы ели те небольшие припасы, что мама успела прихватить из дому. Потом еда окончилась, и мы питались лишь тем, что пили болотную воду, которая была у нас под ногами. Кругом лежало очень много умерших, но мы их не боялись. Наоборот, ночью мы прятались за этими телами, и они хоть немного заслоняли нас от ветра и мороза.

Вскоре и я начал терять силы. Мне перестала сниться еда, исчезло чувство голода и начало казаться, что все мы — уже на том свете.

Потом пришли наши солдаты и освободили узников (это было в ночь с 18 на 19 марта 1944 года). Идти я не мог, и боец в гимнастерке нёс меня на плечах. Нашу маму уже свалил тиф, и её прямо из лагеря забрали в госпиталь. Но сил плакать, прощаясь с мамой, у меня не было.

А ещё помню, как из лагеря всех нас выносили и выводили цепочкой, след в след, так как все подходы к нему были заминированы. Потом детей, оставшихся без родителей, собрали в бывшей панской усадьбе, где оборудовали приют. Там я нашёл и своего младшего брата Колю.

Но мне ещё долго не верилось, что мы остались живы и находимся в безопасности. И только потом, когда нас откормили, отогрели и когда повели в парк и мы увидели салют, я впервые за многие месяцы испытал чувство радости и понял, что жизнь вернулась. Это было как бы моё второе рождение.

Позже из госпиталя возвратилась наша мама и забрала нас домой. Хаты не было — сожгли фашисты. Но дедушка выделил нам небольшую пристройку, в которой мы и начали обживаться.

Был у меня ещё третий день рождения, во время службы в армии. В 1957 году, когда начались венгерские события, нас вертолётом перебросили в Будапешт, прямо в эпицентр военных действий. Я был сильно контужен. Меня подобрали и вместе с другими убитыми в спешном порядке собирались похоронить. Но лучший мой друг, прощаясь со мной, вдруг нащупал на моей руке слабый пульс. Так я остался жить.

Меня направили на лечение в центральный госпиталь Советской Армии. Там в течение семи месяцев я учился заново ходить, слышать, медленно возвращался к нормальной жизни. Правда, позже, когда мне понадобились документы для признания участником военных действий в Венгрии, в выданной мне выписке оказалось, что в этом госпитале в течение многих месяцев я лечился от совсем других болезней…

Судьба была благосклонна ко мне — столько раз я был на грани смерти, но оставался жить!

Окончив индустриально-педагогический техникум, я поехал работать в Дрогичинское ПТУ, нашел там свою вторую половинку — Таису Антоновну, которая тоже в годы войны потеряла отца и натерпелась немало лиха. Мы вырастили двоих дочерей, помогаем поднимать на ноги внуков, один из которых тоже, как и я, носит имя Владимир — назвали его в честь деда.

Жизнь продолжается…

КУНИЦКАЯ (Липская) Майя Никифоровна
До войны жила в д. Коржевка Петриковского р-на Гомельской обл. Бывшая малолетняя узница концлагеря в Озаричах. Проживала в Бресте.

Страдания, страх и кошмар

Жили мы в деревне Коржевка Петриковского района Гомельской области. Мама, Липская Александра Андреевна, работала учительницей начальных классов, с начала войны она оказывала посильную помощь партизанам, а в конце 1943 года вынуждена была скрываться в лесах Копаткевичского района под защитой партизан.

Немцы устраивали облавы не только на партизан, но и на мирных жителей. Во время одной из них вместе с другими была схвачена и наша семья: мама, трёхлетняя младшая сестра, мамина сестра с тринадцатилетней дочерью и я. Немцы вывели нас на опушку леса, построили и приготовились всех расстрелять. Мама повернула нас к себе лицом, прижала. Но Бог миловал, погнали дальше, пригнали в какую-то деревню, посадили в погреб. Потом опять куда-то гнали, долго кричали: «шнель, шнель». Мы не знали, куда нас гонят, что нас ждёт, какие будут страдания, страх и кошмар.

Первый концлагерь размещался недалеко от станции Рудобелка Октябрьского района Полесской области. Территория лагеря — сплошное месиво из снега и грязи под открытым небом. Измученные дорогой люди садились прямо на землю. Так и ночевали. Потом подъехали крытые машины, не открывая даже бортов, детей швыряли прямо в кузов, как дрова. В тесноте, под брезентом, привезли в другой концлагерь. У входа стояли охранники

с автоматами и собаками, у всех отнимали документы, обрезали котомки с продуктами и вещами. Всё это бросали в огромный костёр. Не совсем старых мужчин и женщин забирали на работы, разлучив их с детьми. Стоял неимоверный крик детей, матерей, лаяли собаки, гергетали охранники, по-страшному ругались власовцы. Пинали ногами, травили собаками, замешкавшихся, упавших стреляли на месте.

Мы остались с мамой, не знаю, каким чудом это получилось. В лагере мама взяла под свою опеку семилетнего Валеру Середу, мальчика из соседней деревни, его схватили с дедом, которого угнали рыть траншеи. Валера остался с нами до самого освобождения, сейчас живёт в Минске.

По дороге в следующий лагерь прошли сожжённую деревню: обгоревшие трупы лежат на печках, металлических кроватях. Находили горелую картошку, горелое зерно, ели, набивали карманы, прятали за пазуху. Ночевали под открытым небом. Через несколько дней опять повезли на машинах в третий концлагерь. Он больше всего врезался в память. Размещался у болота, в сосновом лесу, без единой постройки. Колючая проволока, на вышках — пулемёты, на земле — пушки. Десятки тысяч людей, свирепствует тиф, холод.

Из сосновых веток нам удалось сделать укрытие. Внутри застелили мхом, иглицей, сверху мама накрыла простынёй. Ночью простыня замерзала, но мы, тесно прижавшись друг к другу, спали. С нами лежала больная тифом мамина сестра. Не знаю, удавалось ли поспать маме: она всю ночь растирала нам руки, лица, переворачивала на другой бок, ухаживала за больной сестрой. Ночи были морозными. Днём немного легчало, мама заставляла нас двигаться, иногда разжигала небольшой костерок. Ели сосновые почки, жевали иголки, пили грязную болотную воду. Люди старались помочь друг другу. Крохи не могли утолить голод. А за колючей проволокой лежал хлеб под навесом, много хлеба. Мы его хорошо видели, и от этого ещё больше хотелось есть.

Никогда не забудется жуткое зрелище. В лагерь привезли большую машину маленьких детей, свалили на землю в кучу. Дети ещё шевелились, к вечеру их закопали, мёртвых и ещё живых…

У меня опухли ноги и сильно болели, хотелось спать, кружилась голова. А немцы всё время стреляли. Ночью были видны следы трассирующих пуль, снарядов.

Умерла тётя.

И вот под утро в двадцатых числах марта 1944 года немцы бросили заминированный лагерь, отступили. Поразила тишина. Загорелись костры. Люди побежали открывать ворота и подорвались на минах. Перед отступлением ночью фашисты решили «накормить» узников: перед каждым, даже перед трупами, положили хлеб. Это, видимо, у них называлось — пошутили.

Мама на руках несла младшую сестру, уже заболевшую тифом. Еле плёлся Валерий. К вечеру добрались до Озаричей. Здесь лежали трупы, сложенные в штабеля, в Озаричах переночевали, потом нас увезли в город Речица Гомельской области. Здесь мы попали в госпиталь. Вскоре умерла младшая сестра. Я также долгое время лежала без сознания. Оставшихся в живых — маму, меня и двоюродную сестру — после выздоровления направили в Хойникский район, в деревню Корчевое. Оттуда добрались до родной деревни.

Эти муки не прошли бесследно. Долгое время не могла самостоятельно ходить, ревматизм, бронхит, ранняя гипертония, больное сердце. У мамы хроническое воспаление почек, больные лёгкие. Мама несколько раз ездила в Речицу, искала братскую могилу, где похоронены наши родственники. Жизнь после войны была трудной, но постепенно наладилась. У меня есть сын, военнослужащий. Двое внуков живут в России. Муж, бывший военный, на пенсии, 84-летняя мама живёт с нами…

КОСТЫЛЕВА Екатерина
Перед войной жила в пос. Ветка-Вир Гомельской обл.
Бывшая узница концлагеря в Озаричах.
Проживает в Бресте.

С болью в сердце

Немного осталось свидетелей того жуткого военного времени, тех, кто прошёл через ужас лагеря Озаричи. С болью в сердце хочу рассказать о том, что пережили многие, а многие и не смогли пережить.

Я — инвалид, в детстве перенесла туберкулёз кости и поэтому, несмотря на мои двадцать лет, не была угнана в Германию, а вместе с семьёй попала в лагерь.

Мои отец, брат, сёстры работали до войны на речном транспорте, жили на левом берегу Днепра, в посёлке Ветка-Вир, прямо на пристани. Когда началась война, наша мама была контужена и в 1942 году умерла. Мы оказались в оккупации, кое-как перебивались.

В конце 1943 года с наступлением нашей армии всех жителей посёлка немцы выгнали в Жлобин. Мы поселились в домике недалеко от реки, на правом берегу Днепра. По вечерам до нас доносились песни наших бойцов: фронт проходил по Днепру. Радовались: Красная Армия скоро освободит.

Но не тут-то было, фашисты стали сгонять всех жителей города на железнодорожную станцию. Молодых и средних лет мужчин и женщин отделяли, а стариков и детей грузили в товарные вагоны. Они были переполнены. Дети плакали. Везли нас более суток. На станции «Рабкор» двери товарных вагонов открыли и приказали вылезать. Охранники бесчинствовали, выталкивали из вагонов ногами и прикладами, отбирали сумки, узлы, котомки.

Обыскивали, забирали всё ценное, забирали продукты. У нас был небольшой узелок с сухарями, фашист вырвал его и бросил в грязь. Всё делалось в каком-то бешеном темпе, спешили, кричали, били людей, женщины причитали. Думали, что нас расстреляют.

От станции «Рабкор» по разъезженной машинами дороге шли целый день, еле вытаскивая из жуткой грязи ноги, с наступлением темноты попали за колючую проволоку в лагерь. Здесь, под открытым небом, провели первую ночь. Подмораживало. Для многих это был последний привал, десятки трупов лежали на земле.

Утром снова погнали, куда и зачем, никто не знал. Говорили, что немцы хотят, прикрываясь нами, прорвать линию фронта. Тащились целый день. К вечеру оказались в другом лагере, на высоком месте, где не было ни капли воды. Людей мучила жажда, особенно детей. Рядом болото, матери просят набрать воды, но охрану несут власовцы, они хуже немцев, матерно ругаются, кто подходит к проволоке, бьют прикладами, стреляют… Но не могу забыть и того молодого немецкого солдата, который всю ночь носил вёдрами воду, передавал за колючую проволоку.

Утром кто остался лежать на земле, кто еле-еле сел. Снова месим грязь. Силы иссякли. Мы отставали и оказались в конце колонны. Здесь тех, кто не мог идти дальше, добивали. Охрана живых на дороге не оставляла, будь то женщина, старик или ребёнок. Рядом с нами женщина выбилась из последних сил: у неё спереди и сзади привязано по ребёнку. Остановилась: «Не могу больше…» Подошел немец: «Вперёд!» Не смогла. Вынул финку из-за пояса, перерезал полотенце, которым были привязаны дети, схватил одного младенца, бросил в грязь на дорогу и придавил сапогом… Всё было как во сне. Идём, идём, идём. Наконец ещё один лагерь. Я упала, кто поднял, не помню. Всюду вода. Трудно найти кочку, чтобы присесть. Как-то примостились, прижались друг к другу, посадили в центр трёхлетнюю дочь сестры, обессиленные, уснули.

Утром все мы были засыпаны снегом. Холод, мороз, лёд, снег. Отец нас тормошил, просыпались и соседи, но не все. Мёртвых скатывали в воду с кочек, освобождая место живым. Иногда ложились даже на трупы, так как талая вода всё прибывала.

Концлагерь Озаричи. Девочка возле умершей матери.
Фота марта 1944 г.

Костров жечь не разрешалось. Некоторые старики пробовали развести небольшой костёр, но с вышек сразу раздавалась стрельба. Нельзя было подходить к воротам, передвигаться ночью.

На территории лагеря не было ни одного строения. Люди умирали от переохлаждения, тифа, дизентерии, голода. За всё время только один раз привезли хлеб и как собакам покидали за проволоку в грязь. Однажды привезли сырую конину: подорвалась лошадь на мине. В тех, кто столпился у проволоки, из кузова машины полицейские бросали сырые куски мяса, целясь в лицо. Делалось это специально. Мы не умерли с голода только потому, что отец экономно распределял тонюсенькие кусочки сала и тесто из ржаной муки.

Как-то на рассвете обратили внимание, что на вышках нет постовых и не слышно лая собак. Сначала не поверили собственным глазам, не понимали, в чём дело. Разгадка пришла позже — немцы отступили. Обрадованные узники бросились к ограде, стали перелазить через проволоку, но тут начали рваться мины. Однако смельчаки продолжали искать проходы, разжигали костры, но выходить за проволоку всё же не решались. Только к вечеру по лагерю пронеслась радостная весть: пришла наша разведка.

Утром появились сапёры, солдаты с автоматами, топорами, вещмешками за спинами, в которых был хлеб, консервы, сахар. Продукты раздавали больным и ослабевшим, рубили ветки деревьев, стелили на землю, переносили живых, кто лежал в воде, клали на более сухое место, им помогали узники. Сапёры проделали проходы, стали выводить людей, было строго приказано идти в затылок друг другу, ни на шаг не сворачивая в сторону, чтобы не подорваться на минах.

Наконец вышли из болота и снова встретили большую группу солдат. Каждый из них отыскивал в своих карманах и протягивал детям подарок: кто сухарь, кто кусочек сахару, кто осушек хлеба. От радости все мы плакали.

Потом добрались до Озаричей. Местечко было разрушено, только несколько домов уцелело. Нас поместили в сарай, малых детишек с родителями — в уцелевшие строения. Командование выделило солдатский паек и через день отправило на станцию

Холодники. Отгуда по железной дороге повезли в Хойники, поместили в школе. Здесь мы проходили карантин, почти все были больны, заболела и наша девочка трёх лет.

В двадцати пяти километрах от Хойников, в Брагине, жила наша родственница. Мы обратились к секретарю райкома партии за разрешением перебраться к родственнице и там отбывать карантин, тем более что она работала фельдшером. Нам разрешили. Это и помогло спасти малышку.

Было заметно, что в карантине умирает много людей. Взрослые и дети прошли лагерь, выдержали такие страдания, а здесь, под присмотром врачей, накормленные, в тепле вдруг мрут как мухи.

В конце июня, благодаря успешной операции «Багратион» и разгрому фашистов под Бобруйском, нам удалось попасть в свой родной Жлобин…

Даже не верится, что всё это мы вытерпели, вынесли, чудом остались живы, благодаря мужеству нашего отца и теплу сердец совершенно незнакомых людей. Сейчас многие из тех, кто отбывал карантин в Калинковичах и не был помещён в госпиталь, не имеют документов, не могут доказать своего присутствия в концлагере Озаричи. Я буду свидетелем тем, с кем проходила карантин, помню их в лицо, хотя не знаю фамилий. Ведь в лагере никто нас не спрашивал ни фамилии, ни адреса, никто об этом даже не думал, не надеялся выйти живым из ада, никак не мог себе представить, что через полвека надо будет доказывать свою причастность к лагерю смерти…

СТОЛЕРОВА Зоя Герасимовна
Перед войной жила в г. Рогачёв Гомельской обл.
Бывшая малолетняя узница концлагеря в Озаричах.
Проживает в Бресте.

Нас разбудили выстрелы

Зиму 1943–44 годов наша семья (мать и двое детей) провела в лесу в Гомельской области. Скрывались от фашистов, мечтали о скорейшем освобождении Красной Армией. Приходилось трудно, жили в землянке, днём разводили костёр, на котором готовили кое-какую пищу.

В феврале 1944 года, утром, нас разбудили выстрелы и лай собак. Это была немецкая облава на мирных жителей. Всех выгнали из землянок, тех, кто пытался спрятаться, расстреливали на месте. Нас окружил конвой с собаками и погнал к станции Красный Берег. С этого времени и началась невыносимая жизнь в переполненных товарных вагонах при наглухо закрытых дверях. Тяжело было без воздуха, без пищи, но тяжелее всего было от неизвестности: куда и зачем нас везут?

Двери вагонов не открывались и на остановках, только в щёлочку можно было увидеть то, что мелькало мимо. Выгрузив, по этапу погнали детей, стариков, женщин. Разбитая дорога, ноги вязнут, обувь на три-четыре размера больше детской ноги. Но гнал страх: тех, кто отставал, тут же расстреливали. Голодные, оборванные, измученные, из последних сил ковыляли вперёд. А впереди был концлагерь смерти Озаричи, на переднем крае немецкой обороны.

Лагерь обнесён колючей проволокой в несколько рядов, сторожевые вышки по углам, построек никаких. Март. Месиво из грязи со снегом. Ничем не кормили. Люди тяжело заболевали и

умирали. Мёртвых никто не убирал по несколько суток. Узников немцы намеренно заразили тифом, чтобы распространить эпидемию на солдат Красной Армии, которая наступала.

Спать было негде и не на чем, и люди, как тени, бродили по лагерю. Костры разжигать категорически было запрещено. Грызли сухари, которые удалось принести в котомках в лагерь. Люди чем могли помогали друг другу.

Внезапный прорыв фронта армией генерала Батова спас нас от неминуемой смерти. Но спасённые больше напоминали ходячие трупы, чем живых людей. Нам всем Красная Армия тут же начала оказывать помощь. Несмотря на это, многие уже освобожденные узники всё же умерли от истощения, тифа и других болезней.

Мы, моя мать, сестра и я, вернулись в родной город Рогачёв только к осени 1944-го. Мать так и не сумела справиться с болезнью и в ноябре 1944 года умерла. Отец же был на фронте с 1941 и погиб. Меня, как несовершеннолетнюю, определили в Рогачёвский спецдетдом № 18, где я воспитывалась до 1950-го. Потом поступила в педагогическое училище, окончила его и с 1954 по 1993 год работала в школе учительницей начальных классов.

В настоящее время нахожусь на пенсии. Замужем, имею двух взрослых дочерей.

СТОЛЯРОВ Василий Михайлович
До войны жил в д. Заболотье Рогачёвского р-на Гомельской обл. Бывший малолетний узник концлагеря в Озаричах. Проживает в Бресте.

Умерли брат и сестра

В феврале 1944 года линия фронта проходила по родной речке — Днепру. Живём мы в Заболотье, в девяти километрах от Рогачёва. Под предлогом эвакуации из фронтовой полосы фашисты сгоняют мирное население, более пятидесяти тысяч, в концлагерь Озаричи, который располагается в районе трёх деревень: Дерть, Подосинники, Озаричи. Эти лагеря имеют специальное назначение — заражённых сыпным тифом узников оставить, чтобы они заразили наступающие советские войска. Свозят в лагерь больных из Бобруйска, Жлобина, Рогачёва, Красного Берега. Из многих уголков нашей земли. Люди ежедневно умирают сотнями. На станции Красный Берег загнали в товарные вагоны, выгрузили на станции Холодники и пешком, по непролазной грязи, под конвоем гонят в лагерь.

Огромная площадь без единого строения, обнесена колючей проволокой. Подступы к ней заминированы. По углам вышки с пулемётами. Прожили два дня, рядом умерло около двухсот человек. Над лагерем — многочасовой вой замерзающих, умирающих. Нас не кормят. Выкапываем из-под снега и грязи прошлогоднюю траву, едим, пьём болотную воду. Здесь, в лагере, умирают двухлетний братик Коля и трёхлетняя сестричка Галя…

18 марта 1944 года появились наши бойцы, солдаты 65-й армии генерала П. Батова. Разворачивают в освобождённых городах и сёлах госпитали и карантинные пункты для спасения узников.

Мы проходим карантин в Речице, потом переезжаем в деревню Углы Буда-Кошелёвского района, живем в гумне. Пропитание добываем себе сами, ходим по хатам, просим милостыню. Продолжаем болеть, но… победили.

Вернулись домой. Деревня сожжена дотла. Отца забрали на фронт, погиб осенью 1944 года, похоронен в Латвии. Меня и братьев определяют в Рогачёвский спецдетдом № 18. Воспитываемся в нём до 1948 года. Идём в жизнь дальше, но в анкетах не упоминаем, что были в концлагере. Осознание пришло позже…

Преследований, как ни странно, не было, никто не помешал получить образование и профессию. Окончил педучилище, пединститут, аспирантуру Института искусствоведения, этнографии и фольклора Академии наук Беларуси. Работал в школах, культпросветучреждениях Брестчины. Восемнадцать лет работал преподавателем кафедры философии Брестского пединститута.

Сейчас пенсионер, инвалид второй группы, живу с женой. Две дочери получили высшее образование, живут в дальнем и ближнем зарубежье. Материальное положение плохое. Пенсия — маленькая, цены — высокие. Много отдал сил общественной работе, защищал права и льготы бывших узников фашизма, которые последняя власть почти все сняла. Считаю своим долгом продолжать эту работу до последнего…

ПРОСМЫЦКИЙ
Николай Александрович
Родился в 1932 году в д. Буйничи Могилёвского р-на. Бывший несовершеннолетний узник тюрьмы в Могилёве и концлагеря Лесная в Барановичском р-не. Живёт в Бресте.

Смерть ходила за нами

Родился я на Могилёвщине, в д. Буйничи, 15 сентября 1932 года. Когда началась война, мне было 9 лет.

Осенью 1942 года, перед 25-й годовщиной Октябрьской революции, немцы устроили облаву в Могилёве и всех, кто был под подозрением, схватили и загнали в городскую тюрму. Там без воды и пищи держали недели три. Когда выпал снег и затрещали морозы, выгнали во двор, пересчитали и погнали на железнодорожную станцию. Неприметный тупик. Все вагоны — грузовые, как говорится, «телятники». Кругом — усиленная охрана. Лают злобные овчарки, их сдерживают на поводках солдаты.

А возле вагонов — как на кладбище в день похорон. Крики, рыдания, плач. Подошли к вагону. Меня подсадили в «телятник», в полумраке которого метались люди. Стоя в набитом кричащими людьми вагоне, я передумал всё, что могут сделать с нами оккупанты. Но даже в самых страшных предположениях не догадывался, какую ужасную судьбу они для нас уготовили… Вагон забили людьми так, что трудно было пошевелиться, заперли дверь и снаружи закрутили засовы проволокой. Глубокой ночью эшелон тронулся. Когда локомотив набрал обороты, узников пронзил холод.

Они зашевелились, стали укрываться от морозного сквозняка, надевали на себя всё, что сумели пронести в вагон, внезапно превращённый фашистами в душегубку. От сильного переохлаждения старики и особенно малолетние дети начали серьёзно кашлять. Глухой кашель в вагоне не переставал ни днём, ни ночью. Люди понимали, что в лёгкой одежде на морозе спастись нельзя. А раз так, то очень многие в этой душегубке были обречены уже в дороге. На каждой остановке снимали умерших людей.

На пятнадцатые сутки поезд остановился. Лай собак нарушил ночную тишину. Дверь вагона открыли, приказали выгружаться. Построили и погнали в концлагерь. А тех, кто идти не мог, оставили возле вагона. Как только колонна скрылась за поворотом, их расстреляли и сбросили в овраг, наспех прикрыв убитых окровавленным снегом, который быстро таял и шевелился.

Подошли к проходной. Людей пересчитали, и вскоре мы оказались за колючей проволокой. Вошли в мрачное помещение. В нос ударил затхлый запах подземелья. На нарах лежали люди, бледные, измождённые, заросшие, с горящими воспалёнными глазами, с болью смотрящими на нас. Напротив небольших окон нашли свободное место. Я залез на нары. Даже неопытному глазу было видно, что через эти нары прошло много людей. Края полок были отшлифованы до блеска. «Где эти люди? — думал я. — Какова их судьба?» Несколько лет спустя я нашёл ответ на этот терзающий душу вопрос: все они погибли в этой страшной душегубке. Здесь уничтожено 88407 узников.

Чем кормили? Да всем, что нужно было выбросить на свалку, что истощало и убивало организм заключённого. Вот «меню», которое я помню: гнилой картофель, кормовая свекла, почерневшая морковь. Тухлая капуста. Туда добавляли испорченные отруби, и получался суп. Называли его похлёбкой, баландой. Давали немного хлеба. Он был плотный, тяжёлый, словно выпечен из глины. Поешь такого хлеба или супа — в животе обязательно начиналась «революция»: сильные боли, отрыжка. Организм не хотел принимать такую еду, сопротивлялся. Да куда денешься — жить-то надо…

Выполняя стратегию нацистов, каратели создавали гибельные условия для заключённых. Но этого было фашистам мало. Поправ все международные законы, они заражали узников сыпным тифом.

Эпидемия тифа быстро распространялась. От высокой температуры и помрачения ума люди метались, с открытыми глазами шарили по тёмным углам, забирались под нары, настойчиво искали облегчения от неимоверных страданий, успокаивались и умирали. Фашистов это устраивало, лечить заболевших людей они не собирались. Они пришли сюда убивать людей, срочно освобождать для себя жизненное пространство.

И чем больше проливалось человеческой крови, тем больше нацистских крестов и других знаков отличия у них появлялось. С целью распространения эпидемии и вывода из строя партизанских соединений фашисты, поправ все земные и небесные законы, смертельно больных тифом людей отправляли в деревни, где кормили и согревали народных мстителей.

Для ускорения гибели тяжело больных людей переселили в самый ветхий и холодный барак, в котором они без тепла, пищи и лекарств быстро угасали. Мёртвых было так много, что ими заполнили все тамбуры и даже проходы. Специальные бригады из числа заключённых не успевали их выносить в рядом расположенный лес и сбрасывать в глубокий овраг. Там глумление над ними продолжалось. Огромные стаи голодных воронов, бродячих собак, волков, лисиц и других хищных тварей довершали кровавый пир агрессоров над доведёнными до могилы соотечественниками.

В тифозном бараке оказался и я. На моих глазах гибли ни в чём не повинные люди. Все они отчаянно боролись за жизнь, укрывались, чем было возможно, стонали и глухо кашляли, старались найти укромное местечко в надежде побороть там болезнь. Окончательно обессилев, успокаивались и умирали… Вечная им память! Позор и проклятия душегубам!

Испытав невероятный ужас от грядущей неминуемой гибели, мы под покровом ночи незаметно и бесшумно выползли из барака, на ощупь преодолели колючий проволочный капкан и поплелись на железнодорожную станцию «Лесная».

Был конец февраля 1943 года. Шёл очень крупный и плотный снег. Хрупкая надежда появилась в наших сердцах. Радовало то, что мы покинули фашистскую душегубку. Небесные силы помогли нам сделать первый шаг к полному освобождению. В чудеса я не верю и, очевидно, не поверил бы, если бы кто-то рассказывал об этом. Но прямо на глазах происходило невероятное: мороз заметно ослабел, ветер прекратился. Медленно отступал лагерный кошмар. Однако грозная болезнь не уходила. Более того, она всё серьёзнее терзала нас, заставляя останавливаться, чтобы перевести дыхание и собраться с силами. Запредельная температура и провалы в памяти всё серьёзнее угнетали, затмевая подробности той бесконечно долгой и тяжелой дороги к освобождению. В одном я уверен: в эту трудную минуту Господь был с нами. Он помог выстоять и спастись. Уже позднее, вспоминая то гибельное время, я написал:

Я — узник фашистского ада,
Очнулся средь мёртвых в снегу
И понял: бежать ночью надо,
Иначе спастись не смогу.
И я, укрываясь от тучи,
Затмившей божественный свет,
Пополз под оградой колючей
Туда, где рождался рассвет.
И крепкие Божие руки
Прижали ребёнка к груди.
Пройдя через адские муки,
Увидел я свет впереди…
Иисусу Христу помолился,
Кровавых нацистов кляня…
Я, видно, в рубашке родился?
Спасли христиане меня.

Жутко вспоминать: абсолютное большинство людей, загнанных в концентрационный лагерь Лесная, погибло. В огромной братской могиле покоятся останки зверски убитых военноплен-

ных и узников. Это начертано на мраморной плите мемориала в лесу, куда сбрасывали загубленных людей. Таких душегубок только в Беларуси было более 260. Всего через концентрационные лагеря фашистской Германии прошло 7,2 миллиона детей, в живых осталось 530 тысяч узников. Забыть подобное невозможно. До боли хочется, чтобы такое никогда и нигде не повторилось.

Говорят: человеческие души не умирают, они витают над нами, как белые птицы. Не знаю, правда ли это, но посвящаю им стихотворение «Белые птицы».

Звон колокольный, весну утверждая,
Плывет над развалинами издалека.
Узники — смертники, смерть побеждая,
Из газовых камер шагнули в века.
И поднялась белокрылая птица…
Помнит загубленных Родина-мать!
Мужеством их вся планета гордится,
Их имена будут вечно сиять!
Боль сотрясает распятую птицу,
Души бессмертные стонут, кричат:
«Белую птицу любите и чтите!» —
В ней голоса убиенных звучат…
Тех голоса, кто прошли через пламя,
Помнят Освенцим, Дахау, Бухенвальд…
Тех голоса, кто победное Знамя
Поднял в высь, в небо полвека назад.

Спасли нас от гибели жители деревни Чемелы. Деревенька эта лежала за шоссейной дорогой Брест–Минск на берегу реки Щара. Так вот, подобрал нас на станции Доманово Томаш Беленький, невысокого роста, весьма энергичный крестьянин. Посадил он нас в розвальни, ткнул кнутом худую свою лошадёнку и, ничего не расспрашивая, привёз в свой очень скромный домик. К сожалению, Томаша уже нет в живых. Но я его хорошо помню и благодарен за спасение и большую бескорыстную помощь. Пусть пухом ему будет земля.

Я пережил ужасы войны, испытал на себе и беду, и голод. Может поэтому, с любовью растил хлеб, посвятил этой профессии более 20 лет жизни. Закончил Горецкую сельскохозяйственную академию. Работал агрономом, директором совхоза на Брестчине. За свой труд награждён орденами Ленина, Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени и «Знак Почёта».

Большое влияние оказывали на меня незабываемые встречи с Петром Мироновичем Машеровым, этим легендарным Человеком. Любовь к родному краю, нелёгкому земледельческому труду, к сельским труженикам, с которыми никогда не расставался, воплотилась в десяти моих поэтических сборниках.

Испытание смертью

1

Война всё дальше громыхает,
Солдаты все ушли в запас.
Война забвения не знает,
Давайте вспомним грозный час…
Мой город, солнечные дали,
Цветы и песни над Днепром
Фашисты орудийным шквалом
Смешали с кровью и огнём.
Детей за изгородь швырнули,
Направив в сердце автомат…
И долго огненные пули
Сверлили солнечный закат.

2

Огнём отрезав путь к свободе,
Нас, словно уличных собак,
В одежде летней на морозе
Швыряют в дряхлый «товарняк».
— Куда везут? — рыдают дети,

Ложатся, выбившись из сил.
Декабрьский леденящий ветер,
Как свечи, сверстников гасил.
Шла две недели душегубка,
Морозя женщин и детей…
— Сходить! — убийцы заорали.
— Чего волыните? Быстрей!

3

Угрюмый лес. Позёмка злая…
«Лесная» — надпись на доске.
Плетутся узники, рыдая,
Их жизнь висит на волоске.
«Что ожидает нас, браток, сестрица?
Наверно, здесь закончим путь?» —
Читаю я на скорбных лицах,
И ужас разрывает грудь.
Зловещи чёрные бараки
Среди заснеженных полей,
А в них — трёхъярусные свалки
Больных, истерзанных людей.

4

Коптилок тусклое свеченье.
Густой и ядовитый смог.
Какое страшное мученье
Принёс нацистский нам сапог!
У входа в адскую обитель
Больная стонет тяжело:
«Я задыхаюсь, распахните
Хоть на минуточку окно».
В другом углу под образами,
Над внуком дедушка рыдал,
И узник белыми губами
Его бесшумно отпевал.

5

А рядом… Боль пронзает груди —
Тела почивших земляков,
Лежат знакомые мне люди,
Невинная застыла кровь.
Фашисты всех в могилу сводят,
Нарушив заповедь Христа,
Больные умерших хоронят,
Чтоб завтра занять их места.
Конвейер смерти разорвали
Освободители страны,
Солдаты узников обняли,
Сломав хребет у сатаны…

6

А дети, что в вагонах стыли
И умирали на снегу,
Фашистским гадам не простили.
И я простить им не могу.

8.05.1975

Счастья ключи

Ужас спать не даёт.
Вот — Лесная, Освенцим, Майданек…
Души предков кричат, чья преступно оборвана нить.
Душегубки везде, где наведен «фашистский порядок».
Разве можно такое забыть и простить?
Смелость внуков убийц, взявших бремя вины, впечатляет.
Это узники всюду сумели уже оценить...
Только те, кто с любовью дорогой Господней шагают,
Могут Родину-Мать и себя, и детей сохранить!
Одобряем ваш искренний жест, не стесняясь.

Видит Бог: в нём от мира и счастья ключи.
Поддержите детей, что случайно живыми остались.
Рад, что немцы сегодня — заступники, не палачи.

11.04.2005

В огне войны

Валерию Лисецкому,
малолетнему узнику фашизма,
на 70-летие

Рос трудно в мировом огне,
В проклятой грозной тряске,
И ценен потому вдвойне,
Что родом с довоенной сказки.
Ты вынес море тяжких мук
И стал среди людей заметен,
Творенья твоих добрых рук
С любовью тикают на свете.
Ты выжил в мировом огне,
Сегодня — семьдесят справляешь…
Шагаешь по земле
И жизнь крепишь и украшаешь.
Свети, как майская весна,
Победная и всем родная…
Пусть сгинет навсегда война
И правит бал любовь земная!

17.04.2011, г. Брест

О войне, о любви

Что тебе рассказать
О войне, о любви?
Я могу утверждать:
Мир спасли соловьи.
Колдовали они,
Поднимали ребят.
Песни вечной любви
Вдохновляли солдат.
В соловьином краю
Рос, Отчизну любя.
Как солдаты в бою,
Защищал я тебя.
Когда окна зажглись —
Ты вошла в мою жизнь,
Вырос собственный дом,
Водоём — за окном.
Рядом — розы, сирень
И черешни цветут…
Сыновья каждый день
Украшают маршрут.
Что тебе рассказать? —
Я семьёю горжусь.
Счастлив хлеб поднимать
И крепить Беларусь.

9.06.2011

ГЕРМАН Юрий
Перед войной жил в г. Калуга (Россия).
Бывший малолетний узник Калужского гетто.
Жил в Бресте, выехал в Израиль.

Многое пережито

Поздней осенью 1941 года город Калуга был оккупирован фашистами. Мы с мамой живём в частном доме, а отец — на фронте. Фашисты входят в город. Офицер подыскивает место для солдат и лошадей. С моей мамой разговаривает довольно вежливо. Она приободрилась, ведь были наслышаны о зверствах фашистов…

Через некоторое время выталкивают нас из дома прикладами, столкнули маму с лестницы, садят в бывший женский монастырь. Разрешили взять с собою вещи, поместили в гетто — в центре города обнесённый колючкой квартал. Объявили: «Все сто пятьдесят пять жидов и жиденят будут живы, если послушаются и станут много работать…» Вскоре привозят евреев-инвалидов. Начинаются методические погромы и расстрелы.

Выводят на расчистку улиц, убираем нечистоты, долбим мёрзлый грунт, землю носим руками. Наш учитель, дядя Гриша, просит милосердия к нам, отдыха. Немцы сначала его избивают на наших глазах, потом расстреливают и заставляют живых руками засыпать его тело…

С первых дней проживания в гетто мы были обязаны пришить на левой стороне груди и на спине шестиконечные жёлтые звёзды. Появление без них — расстрел. Жили впроголодь. Выдали продовольственную карточку и талоны с надписью: «жид, норма вполовину». У меня до сих пор хранится такая карточка, ни один талончик не оторван. Работая, искали, что бы проглотить,

помогали местные жители. За малейший проступок били плётками и ногами.

В конце декабря в гетто врываются фашисты. Прячемся в подвале, слышим — начинается погром. Выстрелы, крики. Вовсю захлёбывается пулемёт. Фашисты поджигают посёлок с нескольких сторон. Мы копаем руками из подвала выход, прячемся в полуразрушенной церкви, проводим там ночь. Спаслось не более двух десятков. Стариков, инвалидов, больных, моих дядю и тётю расстреляли. Хотели с мамой вернуться в дом, но кругом немцы. Как-то прокрались к жене моего дяди, она была русская. Прогнала нас, сказала: не хочу, чтобы меня расстреляли. Спасла соседка, Анастасия Петровна Ерохина, бывшая купчиха, репрессированная, спрятала в погреб. Под Новый год мы были освобождены. Остались в том, в чём убежали, всё имущество наше сгорело. Мама стирала белье красноармейцам, я как мог ей помогал.

Под конец 1944 года получили похоронку — погиб на фронте отец, за полгода до победы…

Жили очень тяжело, трудности усугублялись пресловутой «пятой графой», которую должен был непременно заполнить в любой анкете и автобиографии.

Женат, имею двоих детей. С 1992 года дочь живёт в Израиле, а сын — безработный в Бресте. Оба с женою — пенсионеры. Мягко говоря, материально живем напряжённо. Оккупация, тяжкое детство не прошли даром, прожито много, и это даёт о себе знать…

НЕМИРОВИЧ Валентина Филипповна
Бывшая малолетняя узница Пружанского гетто.
Живёт в Бресте.

Пружанское гетто

Я очутилась вместе с мамой в Пружанском гетто. Мне было тогда всего два года и восемь месяцев. Свидетельствую из воспоминаний моей мамы.

Через деревню Слонимцы, что в двух километрах от Пружан, повозками везли из поселкового гетто евреев на железнодорожную станцию Оранчицы для отправки в концлагеря. На одной из подвод ехала семья Померанцев, которую мама хорошо знала. У них в Пружанах, на улице Кобринской, был свой пивной завод. Хозяева завода поддерживали связь с партизанами. Когда мама увидела знакомых на подводе, то побежала домой, собрала еду, завернула в платок, догнала за деревней обоз и передала в руки знакомой узелок.

Уже вечером того же дня к нашему дому подъехали немцы вместе с солтысом. Вошли в дом, забрали маму вместе с детьми (нас было пятеро). Всех погнали в гетто. Отец в это время был на фронте. Он служил до войны в воинской части Слобудка и перед началом войны в военном городке построил деревянный дом соседу Чернухе, которого не взяли на фронт по состоянию здоровья. Отец не успел взять за работу деньги. И когда Чернуха узнал от полицаев, что гетто через три дня ликвидируют, подкупил охранников (дал дежку сала и две пары хромовых сапог). И за это охранники помогли нам сбежать.

Мама взяла своих пятерых и двоих детей соседа (Пинковскую Дору Самуиловну 1925 года рождения и её брата), и мы все вместе побежали из гетто. Но вскоре охранники с вышки открыли

огонь и убили Дориного брата. Убегая, мы очутились в лесу Песчино, недалеко от нашей деревни Слонимцы. Потом добрались до деревни, но в неё не пошли, потому что партизаны подготовили за деревней окопы, где мы остались жить. А Дору забрали в партизанский отряд им. Кирова.

В эту ночь мама не спала. Она слышала выстрелы, плач, крики, лай собак. Все узники были расстреляны. Выжил только один человек. Раненым он отполз от места расстрела под куст. А после отъезда немцев добрался домой. Его фамилия Карабан. Жил он в деревне Плебанцы, недавно умер. В гетто никто учёта узников не вёл, так как все должны были погибнуть.

Основной частью населения в Пружанах до войны были евреи. А на пепелища после войны вернулись с десяток семей. В Пружаны немцы вошли уже 22.06.1941 года. Говорят, что в феврале 1943 года более 12 тысяч обитателей Пружанского гетто были отправлены в лагерь смерти Освенцим, где их методически уничтожали.

Хочу пожелать всем людям, чтобы никто никогда не испытал того, что нам, детям войны (вашим дедушкам и бабушкам), пришлось пережить.

Алла КОВАЛЁВА

Расстрелянное детство

(Трагедия Домачевского детского дома)

Здесь, недалеко от деревни Леплёвка Брестского района, в тишине леса, рядом с братской могилой, кажется, слышишь сердцем отчаянный детский крик, доносящийся из осени 1942-го… С момента произошедшей здесь трагедии скоро исполнится 70 лет. На Нюрнбергском процессе над главными военными преступниками фашистской Германии фигурировал акт расстрела детей Домачевского детского дома. Случившееся ещё долго будет отзываться болью в памяти потомков.

Без срока давности

Этот акт в ноябре 1944 года составили жители тогдашнего районного центра Домачево Елизавета Грачёва, Антонина Павлюк, Анастасия Усова и другие очевидцы трагедии. Кстати, некоторые из них в качестве свидетелей потом присутствовали на Нюрнбергском процессе. Работали над актом они долго, потому что слёзы то и дело застилали глаза, неровно выводила строчки обычная школьная ручка с тонким пером…

Вот о чём говорилось в этом документе: «23 сентября 1942 года к семи часам вечера во двор детского дома прибыла пятитонная автомашина с шестью вооружёнными немцами в военной форме. Старший из группы немцев Макс объяснил, что детей повезут в Брест, и приказал сажать их в кузов автомашины. В машину было посажено 55 детей и воспитательница Грохольская. Шахметова Тося девяти лет слезла с машины и убежала, а все остальные 54

Место расстрела детей из Домачевского детского дома

ребёнка и воспитательница были вывезены в направлении станции Дубица, в полутора километрах от деревни Леплёвка. На пограничной огневой точке, расположенной на расстоянии 800 метров от реки Западный Буг, автомашина остановилась, дети были раздеты, о чём свидетельствует наличие детского белья в машине, вернувшейся в Домачево. Дети и их воспитательница были расстреляны…»

Домачевский детский дом открыли ещё при Польше в 1925 году. В нём воспитывались сироты: дети поляков, белорусов, русских, украинцев, евреев. Количество их постоянно менялось. В 1941 году там находилось сто детей разного возраста: от грудных до 12-летних. У большинства из них не было ни родителей, ни родственников. В первый день войны в результате бомбёжки погибло трое малышей, ещё двое было ранено. Одно из зданий сгорело, и дети были размещены в двух оставшихся. Они спали по четыре человека на одной кровати, умирали от заболеваний и истощения.

За некоторое время до массового расстрела 16 детдомовцев были взяты родственниками, 11 — розданы местным жителям, пожелавшим их приютить. Трёх малолетних сыновей офицера-пограничника Василия Рослика — Володю, Женю и Гришу — спасла семья Сидора Романовича Дорошука. Дети заместителя начальника заставы Алла и Анатолий Кожуховы воспитывались в домах жителей деревни Приборово Петра Ивановича Глеха и Кондрата Михайловича Грицачука. Одного из сыновей капитана Шевченко, погибшего вместе с другими защитниками Дубицкой пограничной комендатуры, спас врач Новицкий, работавший до войны в детдоме. Выходив Лёню Шевченко, находившегося на грани жизни и смерти, он передал его на воспитание семье Богуцких из деревни Кобелка. Необычная судьба у Тоси Шахметовой, сумевшей воспользоваться тем, что фашисты во время погрузки детей отвлеклись на послышавшиеся вдалеке выстрелы. Спрыгнув с машины, девочка спряталась в детском доме, после отъезда палачей ушла в лес. Долго блуждала и наконец добралась до польского села Словатыче, где её приютила крестьянская семья. А в июле 1944-го там её нашел отец, полковник Степан Шахметов.

Задолго до сентября 1942 года все 15 еврейских детей детдома в возрасте от 2 до 12 лет были вывезены нацистами в гетто, где вскоре их расстреляли. Только 12-летней Оле (по другим сведениям, девочку звали Аня) Ковалеровой удалось избежать этой участи. Но о её дальнейшей судьбе, к сожалению, ничего не известно.

Украинская Павлинка

Кто же такая Полина Грохольская, не покинувшая своих питомцев и разделившая их горькую судьбу?

На Житомирщине, недалеко от Коростеня, есть село Купище. Здесь родилась, росла, училась украинская девочка Поля, которую все называли Павлинкой. В учительской школы сохранилась пожелтевшая фотография её однокашников, окончивших

вместе с Павлинкой седьмой класс. Некоторые из них после военного лихолетья стали преподавателями. А вот самой Полине не довелось… После окончания семилетки она поступила в Житомирское педагогическое училище. В мае 1939 года юная Полина вышла замуж за нового директора Купищенской школы Степана Козаченко. Через полгода им пришлось расстаться, потому что Степана призвали в армию и отправили на учёбу в Ленинградское военно-политическое училище. Окончив его, он получил назначение в пограничный Брест.

15 июня 1941 года Полина выехала к мужу, но на границе её застала война. Пробираясь от села к селу, молодая женщина собрала вокруг себя ребятишек, чьи родители погибли в первые дни войны. Она стала для них заботливой мамой. Находиться с детьми в Бресте было очень опасно, и Полина решила вместе с ними уйти из города. Голодные и измученные долгой дорогой, они пришли в Домачево. Полина устроила ребят в детский дом, а сама осталась работать в нём воспитательницей. Но им не суждено было уберечься от беды… Вместе с детьми погибла и 20-летняя Полина Александровна Грохольская.

Известно, что майор Козаченко — муж Полины — вместе с армией-освободительницей летом 1944-го вернулся в Брест, но не смог ничего узнать о жене. А вскоре сам погиб на территории Польши. Много лет назад, в 60-х годах, приезжал в город над Бугом отец Полины Александр Фёдорович. Он встречался с людьми, знавшими и помнившими его дочь.

Чтобы помнили…

Историк из Гамбурга Христиан Ганцер давно и серьезно интересуется темой Великой Отечественной войны. Диссертация, над которой он трудится, посвящена Брестской крепости. В связи с этим прошлой осенью он некоторое время был стажёром в музее мемориального комплекса. Он очень хорошо говорит по-русски, так что языкового барьера для него не существует. Его недавний приезд в Брест также связан с поисковой работой, но на этот раз её тематика несколько иная: дети на войне.

— Эта тема очень сложная и многогранная, — считает Христиан. — Трудность состоит прежде всего в том, что в музеях крайне мало информации по ней. Меня, в частности, интересуют наиболее яркие свидетельства преступлений фашистов в отношении детей. От музейных сотрудников узнал историю расстрела ребят из Домачевского детского дома. Отправился в этот населённый пункт в надежде заполучить хотя бы какие-то экспонаты для музея Берлин-Карлсхорст, сотрудником которого являюсь. Однако в здании школы, где расположен музей, шёл ремонт, и мой план остался нереализованным. Писать книгу — это одно, а вот найти материалы для музея — совсем другое, и, несомненно, это дело куда более сложное. В Беларусь я приехал, чтобы собрать свидетельства о войне, те факты, о которых на Западе мало знают или не слышали совсем, и показать всё это в музейной экспозиции.

Сотрудники музея посоветовали Христиану Ганцеру обратиться к журналисту Аркадию Бляхеру, в свое время не раз встречавшемуся с очевидцами расстрела детей, с людьми, принявшими в свои семьи воспитанников детского дома, и теми из них, кому чудом удалось уцелеть. Он не только записывал полученные сведения, но и делал фотографии, благодаря чему эти документы перекочевали в ноутбук Христиана. Слушая, с какой скрупулезностью и дотошностью немецкий историк расспрашивал Аркадия Моисеевича о домачевской трагедии 1942 года, уточняя даты, факты и имена, оставалось только поражаться, сколько может вместить и пронести сквозь годы человеческая память.

23 сентября 1960 года на развилке дорог Брест–Леплёвка–Домачево появился обелиск со звездой, на котором была высечена надпись: «Из поколения в поколение вашу светлую память будут чтить все советские люди». Через много лет скульптор Анатолий Солятицкий у поворота на Домачево создал монумент скорби, назвав «Протест». А на лесной поляне, на месте расстрела детей и их захоронения, высился лишь деревянный крест. Именно туда из года в год приносили цветы местные жители. Чуть более двух лет назад на могиле поставлен памятный знак, на гранитной плите которого выбиты имена погибших детей и воспитательницы Полины Грохольской. Он сооружен по эскизу девятиклассницы До-

Деревня Леплёвка. Монумент «Протест» в память о расстрелянных детях из Домачевского детского дома

мачевской средней школы Людмилы Шинкарчук. Чтобы знали и помнили…

Акт жителей районного центра Домачево Брестской обл. об уничтожении детей Домачевского детского дома немецко-фашистскими захватчиками в июне 1941 г. — сентябре 1942 г.

25 ноября 1944 г.

Мы, нижеподписавшиеся, жители районного центра Домачево и бывшие работники детского дома Грачёва Елизавета Дмитриевна 1913 г. рождения, работавшая зав. учебной частью детдома; Усова Анастасия Ивановна 1919 г. рождения, воспитательница; Головейко Ольга Осиповна 1903 г. рождения, ночная няня; повар Мазепчик Вера Иосифовна 1911 г. рождения; Павлюк Антонина

Петровна 1924 г. рождения, бывшая зав. детдомом; сторож Козловский Даниил Леонтьевич 1892 г. рождения; сторож Грушинский Збигнев-Тадеуш 1909 г. рождения; жители: Резонева Анна Фёдоровна 1876 г. рождения; Абрамова Наталья Осиповна 1909 г. рождения; Дякина Валентина Ильинична 1912 г. рождения, составили настоящий акт об издевательствах и зверском уничтожении детей Домачевского детского дома.

В 1941 г. в детском доме находилось 100 детей русской, белорусской, украинской, еврейской и польской национальностей в возрасте от грудных детей до 12 лет. Находившиеся в детском доме дети в большинстве своём не имели родителей и родственников.

22 июня 1941 г. приход немцев для детей детского дома ознаменован гибелью 3 детей: Коли Козловского 3 лет, Моисея 3 лет и Ивана 4 лет и ранением Романа 6 лет и Надежды 7 лет.

Одно из 3 зданий детского дома сгорело, и дети были размещены в оставшихся 2 зданиях.

Переуплотнение и плохое питание способствовали заболеваниям детей различными инфекционными болезнями (дифтерией, дизентерией и др.).

В результате заболевания умерли дети Ходуровы — Люся 3 лет и Витя 6 лет, а также Александр 4 лет, Виктор 3 месяцев и ещё 3-4 ребёнка. Сотрудники детского дома: зав. детдомом Лижанова Анна Семеновна 1919 г. рождения, комсомолка; Грачёва Е. Д., зав. учебной частью; Усова Анастасия Ивановна 1919 г. рождения по приходе немцев были отстранены от работы. В 1943 г. Лижанова расстреляна немцами. 15 детей еврейской национальности в возрасте от 2 до 12 лет были изъяты из детского дома и помещены в гетто, а затем 14 из них — расстреляны, и только Ковалеровой Оле 12 лет удалось спастись бегством. По приказу немецких оккупационных властей округа шеф района Прокопчук приказал бывшей зав. детским домом Павлюк А. П. отравить больного ребёнка Ренклах Лену 12 лет. После того, как Павлюк отказалась отравить ребёнка, Ренклах Лена была расстреляна полицейскими вблизи детского дома, якобы при попытке к бегству. В целях спасения детей от голода и смерти в 1942 г. 11 детей было роздано на воспитание местным жителям и 16 детей взято родственниками.

23 сентября 1942 г. к 7 час. вечера во двор детского дома прибыла 5-тонная автомашина с 6 вооружёнными немцами в военной форме. Старший из группы немцев Макс объяснил, что детей повезут в Брест, и приказал сажать детей в кузов автомашины. В машину было посажено 55 детей и воспитательница Грохольская Пелагея. Из посаженных в автомашину детей Шехметова Тося 9 лет слезла с машины и убежала, все остальные 54 ребёнка и воспитательница Грохольская были вывезены в направлении стн. Дубица, 1,5 км от дер. Леплёвки. На пограничной деревоземляной огневой точке, расположенной на расстоянии 800 м от р. Западный Буг, автомашина с детьми остановилась. Дети были раздеты (о чем свидетельствует наличие детского белья на возвратившейся автомашине в Домачево) и расстреляны.

О расстреле детей детского дома свидетельствуют жители дер. Леплёвка: Якимчук Матрёна Ивановна, Панасюк Евгения Ивановна, Лобач Иосиф Исаакович и Боглай Мария Тарасовна, находившиеся вблизи в момент расстрела, слышавшие плач и крики детей и выстрелы. В следующие дни Якимчук Матрёна, Панасюк Евгения, Лобач Иосиф и другие были на месте расстрела, видели детские трупы и землю, пропитанную кровью невинных детей.

Виновными в совершенном злодеянии над детьми детского дома являются руководители Брестского округа (по их приказам расстреливались дети):

1. Начальник СД округа Пичман;
2. Заместители начальника СД Цибель и Герик;
3. Гебитскомиссар округа Бурат Франц;
4. Начальник жандармерии при гебитскомиссаре Длузрлейн;
5. Начальник бюро полиции округа майор Рода и Винер;
6. Прокопчук, украинец, шеф Домачевского района;
7. Хае Фёдор, бургомистр мест. Домачево;
8. Начальник криминальной полиции Завадский.

Исполнители, проводившие расстрел детей:

1. Макс — немец, старший из группы немцев, производившей расстрел;
2. Камецгляц — немец из группы, производившей расстрел;
3. Фрикс — полицейский, расстреливавший детей;

4. Фогель — из немцев Поволжья, уроженец гор. Энгельса;

5. Лейтенант Огиз — из гор. Бреста, принимавший участие в расстреле детей.

Кровь невинных детей-сирот русской, белорусской, украинской, польской и еврейской национальностей зовет каждого честного человека к справедливой мести.

Акт подписали 25 ноября 1944 г. Грачёва Е. Д., Усова А. И., Головейко О. О., Мазепчик В. И., Павлюк А. П., Козловский Д. Л., Грушинский Збигнев, Калиновская-Каменовская А. П., Резонева А. Ф., Абрамова Н. О.

Приложение:
заявлений граждан — 10, протоколов опроса — 6.

Домачевский районный исполнительный комитет
настоящий акт заверяет:

Председатель райисполкома
секретарь

С подлинным верно:
секретарь областной комиссии Хромова

Архив МИД БССР, оп. 3, д. 3, л. 27-30.
Заверенная копия.

РОМАНЕНКО Людмила Петровна
Председатель Брестской областной организации ОО «Белорусская ассоциация бывших несовершеннолетних узников фашизма»

Несколько шагов дорогой длиною в 20 лет

22 июня 1941 года. Минули семьдесят лет после окончания самой жестокой войны в истории человечества. Она оставила свой чёрный след на Брестчине, отсюда началось её кровавое исчисление. Именно Брестская земля первой узнала боль потерь своих сыновей, отчаяние и слёзы сожжённых городов и сёл, горечь трёхлетней оккупации фашистами.

Более 375 тысяч жителей области не вернулись домой, свыше 30 тысяч было угнано на каторгу в Германию.

На территории области фашистские изверги замучили и заживо сожгли почти 400 тысяч жителей, треть из них были дети. Только в Бресте гитлеровцы уничтожили более 13 тысяч детей.

Тревожная роль — быть последними живыми свидетелями бесчеловечной трагедии народов в войне 1941–1945 годов — выпала на долю бывших узников фашистской неволи, тем, кто пережил колючую проволоку фашистских концлагерей, тюрьмы, гетто, рабский принудительный труд.

В начале 90-х годов ушедшего века людей этой категории в Брестской области было более 24 тысяч человек. Их трагические судьбы явились основой для создания Брестского областного общественного объединения бывших узников фашизма, чтобы защищать свои права и интересы, оказывать поддержку и помощь

тем, кто потерял своё здоровье в фашистских застенках, остался инвалидом, одиноким и нуждался в помощи.

Наша областная общественная организация является структурным подразделением Общественного объединения «Белорусская ассоциация бывших несовершеннолетних узников фашизма» (ОО «БАБНУФ») и входит в состав Международного союза бывших малолетних узников фашизма (МС БМУ), образованного в день памяти и скорби 22 июня 1988 года в Киеве и являющегося единственным в мире структурированным общественным объединением сотен тысяч граждан Армении, Беларуси, Казахстана, Латвии, Литвы, Молдовы, России, Узбекистана, Украины, Эстонии, а также Болгарии, прошедших в детском возрасте ужас фашистских застенков — концлагерей, гетто, тюрем, маршевых колонн и других мест принудительного содержания, созданных нацистской Германией на территориях Третьего Рейха, его союзников и в оккупированных областях СССР и других стран Европы.

На протяжении двадцати лет деятельности Брестская общественная организация бывших узников фашизма внесла немаловажный вклад в формирование общественного настроения, принимает активное участие в решении многих вопросов, в том числе касающихся патриотического воспитания молодёжи и способствующих созданию лучших условий жизни членов своей организации, работает в тесном контакте с государственными органами власти.

Заметный след в истории движения бывших узников фашизма Брестчины оставили: Василий Тимофеевич Вежновец, Георгий Михайлович Карпук, Пётр Никифорович Солоха, Алексей Григорьевич Иванчук, Василий Михайлович Столеров, Нестор Иванович Микулик, Александра Иосифовна Титова, Зинаида Адамовна Крень, Майя Никифоровна Куницкая, Любовь Лаврентьевна Сахаревич, Тамара Иосифовна Шиманко, Алексей Николаевич Германович, Николай Павлович Колб и другие.

Эти активисты приложили немало сил, настойчивости и терпения, чтобы Закон Республики Беларусь «О ветеранах» впервые после Великой Отечественной войны взял под социальную защиту бывших узников фашизма. Благодаря их стараниям в юбилейный

год 50-летия Победы над гитлеровской Германией в Бресте 22 июня 1995 года проведена Международная конференция бывших малолетних узников фашизма, организованы и осуществлены поездки в музеи бывших концлагерей Германии, Польши, Беларуси; по материалам поездок созданы три документальных фильма, которые демонстрировались на областном и республиканском телевидении.

При поддержке Республиканского фонда «Взаимопонимание и примирение» издан сборник воспоминаний бывших узников фашизма Брестчины «Асколкі болю», который хранится в Брестском госархиве и библиотеках. К сожалению, большинства из них уже нет в живых, а некоторые по состоянию здоровья отошли от общественных дел.

Но организация смогла вырастить новое поколение руководителей и рядовых членов организации, не равнодушных к чужим бедам и занимающих активную жизненную позицию.

Это прежде всего председатели структурных подразделений областной организации, члены правлений и актив: Тарасевич Нина Калениковна (Столин), Демьянец Янина Феликсовна (Барановичи), Деревянко Лидия Фёдоровна (Брест), Антонович Николай Григорьевич (Каменец), Кривоблотский Алексей Викторович (Малорита), Рудович Иван Иванович (Лунинец), Шилова Елизавета Петровна (Пружаны), Кучинский Степан Фёдорович (Ганцевичи), Корнейчик Софья Петровна (Дрогичин), Волонцевич Наум Николаевич (Иваново), а также Филатов Леонид Георгиевич, Заградский Афанасий Афанасьевич, Щукин Андрей Андреевич, Столерова Зоя Герасимовна, Блищик Николай Игнатьевич, Намятов Эрнест Александрович, Латыпова Вера Георгиевна и многие другие.

Многое делается для того, чтобы сохранить память о суровых уроках истории в общественном сознании, в сознании людей, не знавших реалий минувшей войны. Без такой памяти будущее может обернуться новыми трагедиями.

Сохранению памяти о трагизме судеб бывших малолетних узников фашизма и повышению ответственности за будущее наших детей, внуков и правнуков способствует создание по обществен-

ной инициативе памятников, мемориальных досок в местах пребывания узников в неволе, создание музейных выставок, экспозиций.

В этом плане показательна работа Барановичской районной организации (председатель Демьянец Я. Ф.): по её инициативе установлена памятная плита на тюрьме в концлагере Колдычево, установлен бетонный памятник па месте расстрела узников польской национальности в концлагере Колдычево, принято участие в установке мемориала «Стена плача» в концлагере Колдычево, создан музей, посвящённый концлагерю Колдычево в школе городского посёлка Городище Барановичского района.

В 2005 году в Пинске был открыт памятный знак бывшим узникам концлагерей при непосредственной поддержке Пинского горисполкома и Республиканского фонда «Взаимопонимание и примирение».

В 2010 году, в год 65-летия Победы над фашистской Германией, в музее Великой Отечественной войны СОШ № 22 г. Бреста совместными усилиями дирекции этой школы и Брестской городской организации ОО «Белорусская ассоциация бывших несовершеннолетних узников фашизма» (председатель Деревянко Л. Ф.) открыта экспозиция «Я не хочу, чтобы повторилась война».

И это только несколько шагов по дороге длиною в 20 лет жизнедеятельности Брестской областной организации бывших несовершеннолетних узников фашизма.

Так как нынешний год отмечен очень печальной, во многом трагической, датой — 70 лет с начала Великой Отечественной войны, особую ценность приобретает каждый документ, каждое воспоминание о великой кровопролитной битве советского народа с фашизмом, и особенно о тех, кто ежечасно, ежеминутно смотрел смерти в глаза — ждал своей очереди в газовую камеру или печь крематория, умирал от холода, голода, болезней за колючей проволокой на Озаричских болотах, кто с оружием в руках защищал своё Отечество и спас всю Европу от коричневой чумы — кому посчастливилось выжить, а их, к глубочайшему сожалению, остаётся всё меньше и меньше. И бывших узников фашизма в Брестской области осталось сегодня чуть больше шести тысяч человек.

Поэтому и созрело решение: переиздать сборник воспоминаний «Асколкі болю», изданный в 1999 году, дополнить его воспоминаниями других членов организации, чтобы наши потомки знали, какой ценой были завоёваны наша свобода и мирная жизнь.

Мы живём надеждой, что в дальнейшей истории человечества наши трагические судьбы больше не повторятся, делаем всё возможное для укрепления мира, защиты и процветания своего Отечества.

Пусть поколение живых свидетелей ужасов войны станет последним, у кого война отняла детство и здоровье.

22 июня 2011 года
г. Брест

Обращение

Международного союза малолетних узников фашизма в защиту детей и детства

Мы, бывшие малолетние узники фашизма из Армении, Беларуси, Болгарии, Казахстана, Латвии, Литвы, Молдовы, Узбекистана, Украины, Эстонии, собравшись 22 июня 2008 года в городе-герое Киеве (Украина) на международную встречу, посвящённую 20-летию образования МСБМУ, обращаемся:

К детям и юношам нашей планеты с призывом:

— помнить о миллионах безвинных детей, погибших в фашистских концлагерях, гетто, тюрьмах, маршевых колоннах;

— помнить о миллионах беззащитных детей, погибших во время боевых действий, расстрелянных и заживо сожжённых при проведении карательных операций;

— помнить о десятках тысяч детей, у которых забирали кровь для фашистских солдат, над которыми проводились псевдомедицинские эксперименты;

— помнить о сотнях тысяч детей, испытавших на себе всю тяжесть рабского труда в фашистской неволе;

— помнить о сотнях тысяч детей, лишившихся в самую счастливую пору детства, здоровья, родителей и родного очага, возможности учиться и создавать свои семьи!

Мы обращаемся: к школьникам и студентам с просьбой:

— быть благодарными к Вашим отцам и дедам за их несломленный в фашистских застенках дух гуманизма и взаимопомощи,

за их героическое сопротивление и жажду жизни в нечеловеческих условиях нацистских преследований, за их огромный труд при восстановлении наших государств, городов, сёл и домов;

— прийти на помощь больным и состарившимся бывшим малолетним узникам фашизма, записать и осмыслить их жизненный опыт, создавать и поддерживать школьные музеи узничества, организовывать встречи с узниками фашизма в святые для нас дни: 11 апреля — в Международный день освобождения узников фашистских концлагерей, 22 июня — в день скорби и памяти, 9 мая — в день Великой Победы, вести исследования судеб бывших малолетних узников фашизма!

Мы обращаемся к государственным и общественным деятелям наших государств и всех государств Планеты:

— защитить всеми силами, средствами, возможностями, законами, указами детей и детство;

— не допустить возрождения в любых формах фашизма и нацизма, принесших неисчислимые жертвы и страдания детям;

— не допустить дальнейшей гибели детей во время войн и военных конфликтов;

— снизить для детей всё возрастающие угрозы голода, насилия, беспризорности, безграмотности, бездомности;

— взять на себя всю полноту ответственности за искалеченные детские судьбы;

— добиться международного признания массовых преступлений против детей и детства фашистской Германией, её союзников и пособников, а также необходимости справедливых компенсаций оставшимся в живых малолетним узникам фашизма;

— признать бывших малолетних узников фашизма вольными и невольными участниками и жертвами Второй мировой войны!

Мы выражаем надежду на то, что человечество больше не повторит и не допустит повторения наших детских страданий и трагедий. У живущих и будущих детей нашей Планеты должно быть светлое и счастливое детство.

Международный союз бывших малолетних узников фашизма
22 июня 2008 года, г. Киев

Леанід ФІЛАТАЎ
Былы непаўналетні вязень канцлагера Потшыкаў пад г. Чанстахова (Польшча).

Нашы душы

«Падранкам» вайны прысвячаецца

Нашы душы, як адна душа,
Што на крылах Божых праляцела
З вогненнага шалу да жыцця,
Клятая вайна нам гартавала душы й цела.

Крочылі мы ў боль і сівізну,
Па дарозе цяжкай мы братоў гублялі.
І фашыстам незламаную душу
У ГУЛАГу дабіваў наш «родны бацька Сталін».

Але нам пашчасціла, сябры,
Выжыць, дасягнуць, застацца.
Што ні думай, што ні гавары,
Ды няма мацней бядой праверанага брацтва.

Змест

Літаратурна-мастацкае выданне

НА АБПАЛЕНЫХ КРЫЛАХ

Кніга ўспамінаў непаўналетніх вязняў фашызму

Адказны за выпуск *Генадзь Вінярскі*
Рэдактар *Леанід Філатаў*
Вёрстка *Ігара Бараноўскага*
Карэктар *Анжэла Мінскер*

Падпісана да друку 20.06.2012. Фармат 60х84 $^{1}/_{16}$.
Друк афсетны. Папера афсетная.
Ул.-выд. арк. 8,61. Ум. друк. арк. 13,95.
Дадатковы наклад 100 асобнікаў. Зак. 459.

ПУП «Кнігазбор».
Ліцэнзія № 02330/0003924 ад 08.04.11.
Вул. Я. Лучыны, 38-93, 220112, Мінск.
Тэл./факс (017) 207-62-33, тэл. (029) 772-19-14, 682-83-86.
E-mail: bkniha@tut.by

Надрукавана з дыяпазітываў заказчыка
ў ААТ «Аргбуд».
Ліцэнзія № 02330/0494197 ад 03.04.09.
Вул. Берасцянская, 16, 220034, Мінск.